

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

1
2024

VESTNIK RGGU. Seriya “Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya”
RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies
- 5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047
e-mail: istfak_vestnik@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: istfak_vestnik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltse-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

M.A. Andreev, Cand. of Sci (History), associate professor, RSUH

I.P. Azernikova, Cand. of Sci (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

И.П. Азерникова, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Методология истории, источники, историография

Елена В. Булычева

Финансирование праздников в Афинах второй половины V – начала IV в. до н. э. по данным договоров об аренде теменосов 12

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Андрей Н. Комаров

Квебекская проблема в современной Канаде: прошлое или настоящее? 22

Татьяна В. Лисовская

Смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. 31

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Николай Н. Баранов

«Манифест девяноста трех» 1914 г. – инструмент пропагандистской войны 49

Александра Ю. Бахтурина

Введение военного положения в Великом княжестве Финляндском в проектах российских учреждений и должностных лиц (1907–1911 гг.) 60

Игорь Г. Гуцинский

Упразднение института земских участковых начальников в Российской империи в марте 1917 г. (на примере белорусских губерний) 73

Алексей А. Киличенков

Опыт действий бронетанковых войск Красной армии на Хасане и Халхин-Голе: рефлексии военной элиты 88

Николай Б. Копысов

Советская политика в области «спорта высоких достижений» в 1920–1930-х гг. 102

<i>Данил В. Рыбин</i>	
К вопросу о формировании ответственного правительства (министерства) Витте – Столыпина: факты и их интерпретация	117
<i>Евгений В. Шандулин</i>	
О конфессиональном и социальном составе обучающихся училищ и гимназий Ростова-на-Дону в начале XX в.	134
<i>Леонид Шерман</i>	
Отражение духовного сопротивления жертв Холокоста в свидетельствах членов зондеркомmando Аушвица	148

CONTENTS

Methodology of History, Sources, Historiography

Elena V. Bulycheva

- Financing of holidays in Athens of the second half of the 5th –
early 4th centuries BC according to lease agreements of *temenos* 12

Countries and Regions of the World. Development Dynamics and Models of Cooperation

Andrei N. Komarov

- The Quebec issue in modern Canada. Past or present? 22

Tatsiana V. Lisouskaya

- A change in the paradigm of state-confessional relations
in Belarus in 20th century 31

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Nikolai N. Baranov

- “Manifesto of the Ninety-Three” 1914 – a tool of propaganda war 49

Aleksandra Yu. Bakhturina

- The introduction of martial law in the Grand Duchy of Finland
in the projects of Russian institutions and officials (1907–1911) 60

Ihar H. Hushchynski

- Abolition of the institution of *Zemstvo* district chiefs
in the Russian Empire in March 1917 (on the example
of Belarusian provinces) 73

Aleksei A. Kilichenkov

- The Armored Forces of the Red Army in Khasan’s
and Khalkhin Gol’s armed conflicts. Reflections of the military elite 88

Nikolai B. Kopysov

- Soviet policy on “high-performance sports” in the 1920s and 1930s 102

Danil V. Rybin

- On the issue of the formation of a responsible government (ministry)
of Witte – Stolypin. Facts and their interpretation 117

Evgenii V. Shandulin

About the confessional and social composition of students
of schools and gymnasiums in Rostov-on-Don at the beginning
of the 20th century 134

Leonid Sherman

Reflection of Holocaust victims' spiritual resistance
in the testimonies of Auschwitz Sondercommando members 148

Методология истории, источники историография

УДК 930.2:336.58

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-12-21

Финансирование праздников в Афинах второй половины V – начала IV в. до н. э. по данным договоров об аренде теменосов

Елена В. Бульчева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bulychevalena@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о финансировании праздничных церемоний в древних Афинах середины V – начала IV в. до н. э. В качестве основного источника используется эпиграфический материал – надписи, посвященные сдаче в аренду священных земельных участков (теменосов). В античной Греции существовало большое количество праздников, которые проводились помпезно. Судя по сведениям античных авторов, данным археологии и эпиграфики, на их проведение тратилось большое количество средств, которое поступало из разных источников. Анализ содержания надписей о сдаче в аренду теменосов позволяет представить, как происходило финансирование празднеств в древней Аттике в ходе сдачи в аренду священных земель. Проведенный анализ сведений эпиграфики показывает, что арендодатели (демы, фратрии и религиозные сообщества) в соответствии с условиями договоров об аренде теменосов предписывали арендаторам передавать денежные средства на финансирование общеполитических торжеств (Панафинеи, Апатурии, Дионисии), а также на местные праздники. Кроме того, часть выращенного урожая и скота отправлялась на проведение торжественных жертвоприношений, которые сопровождали каждый греческий праздник. За поступлением этих средств осуществляли контроль должностные лица афинского полиса.

Ключевые слова: Афины, аренда, праздник, земля, средства, эпиграфика, финансирование

Для цитирования: Бульчева Е.В. Финансирование праздников в Афинах второй половины V – начала IV в. до н. э. по данным договоров об аренде теменосов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-12-21

© Бульчева Е.В., 2024

Financing of holidays in Athens
of the second half of the 5th – early 4th centuries BC
according to lease agreements of *temenos*

Elena V. Bulycheva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
bulychevalena@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issue of financing festive ceremonies in ancient Athens in the middle of the 5th – early 4th centuries BC. Epigraphic material is used as the main source – inscriptions dedicated to the leasing of sacred land plots (*temenos*). In ancient Greece, there were a large number of holidays that were held pompously. Judging by the information of ancient authors, data from archeology and epigraphy, a large expenditure of funds was spent on their conduct, which came from various sources. The analysis of the content of the inscriptions on the leasing of *temenos* suggests how festivals were financed in ancient Attica during the leasing of sacred lands. The analysis of the epigraphic data shows that, in accordance with the terms of the *temenos* lease agreements, landlords (*demes*, *phratries* and religious communities) ordered tenants to transfer funds to finance public celebrations (*Panathenaea*, *Apaturia*, *Dionisii*), as well as for local holidays. In addition, part of the grown crops and livestock were sent to the solemn sacrifices that accompanied every Greek holiday. The receipt of those funds was monitored by officials of the Athens polis.

Keywords: Athens, rent, holiday, land, funds, epigraphies, financing

For citation: Bulycheva, E.V. (2024), “Financing of holidays in Athens of the second half of the 5th – early 4th centuries BC according to the lease agreements of *temenos*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1. pp. 12–21, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-12-21

Введение

Начиная с древнейших времен, у разных народов праздник является одной из важнейших форм общественной жизни и культуры. В Древней Греции календарь состоял из череды будних и праздничных дней. При этом существовали общегреческие праздники, которые отмечались во всех полисах Эллады, а также местные торжества, справлявшиеся на территории отдельных областей греческого мира. Как правило, они были посвящены различным богам и героям и сопровождались спортивными и мусическими агонами, а также обильными жертвоприношениями [Скржинская

2010, с. 12–13]. При этом празднества имели важное общественно-политическое значение. В праздничные дни в греческих полисах проводились важнейшие мероприятия: занесение в списки граждан новорожденных, провозглашение новых должностных лиц, чествование правителей чужеземных государств, а также прием иноземных посольств [Булычева 2018, с. 86]. Судя по описанию древнегреческих авторов и сведениям эпиграфического материала, праздники в разных областях греческого мира проводились весьма масштабно и помпезно [Скржинская 2010, с. 14–21]. Безусловно, на их проведение тратились немалые средства. Так, оратор Демосфен в одной из своих речей сообщает, что на проведение празднеств в Афинах тратились средства, которые превосходили ежегодные расходы, направляемые государством на организацию военного морского похода¹. При этом возникает вопрос о том, каковы были источники поступления средств, направляемых на финансирование праздничных церемоний.

Историография проблемы и характеристика источников

В историографии вопрос о финансировании праздничных торжеств в Афинах второй половины V – начала IV в. до н. э. практически не изучен. Как правило, исследователи обращают внимание на проблему организации празднеств на территории Афин, Малой Азии и Северного Причерноморья. Чаще всего рассматривается период эллинизма (III–II вв. до н. э.) [Скржинская 2010, с. 7–8]. Проблема финансирования праздничных церемоний в отдельных регионах древнегреческого мира очень редко исследуется в научной литературе [Булычева 2015, с. 11]. При этом, как правило, изучая этот вопрос, исследователи используют в качестве основного источника сообщения античных авторов (Демосфена, Павсания и Страбона), а также данные эпиграфического и археологического материала, полученные на территории Малой Азии и Северного Причерноморья в IV–II вв. до н. э. [Parke, Wormell 1956, pp. 30–45]. В историографии практически неизученным остается вопрос об источниках финансирования праздников в Афинах второй половины V – начала IV в. до н. э. [Parke 1986]. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть процесс финансирования праздничных церемоний в афинском полисе в середине V – начале IV в. до н. э.

¹Демосфен. Речи. IV. 35 // Демосфен. Речи. Т. 1–3 / Пер. В.Г. Боруховича. М.: Памятники исторической мысли, 1994.

В качестве основного источника будет использован эпиграфический материал – сведения надписей, представляющих собой договоры о сдаче в аренду священных земель (теменосов)². Эти источники впервые введены в научный оборот для изучения данного вопроса. Надписи о сдаче в аренду священных земель содержат подробную информацию об условиях земельных сделок в Афинах, которые проводились на территории храмовых комплексов, посвященных богам и героям [Булычева 2018, с. 10–15]. В них подробно перечисляются права и обязанности арендаторов (частных лиц) и арендодателей (демов, фратрий и религиозных сообществ) теменосов, предписания о выполнении работ по уходу за священными полями и садами. При этом в надписях также содержится информация по другим важным вопросам повседневной жизни афинского общества. В частности можно найти ряд указаний на то, что некоторые доходы, полученные от аренды священных земель, использовались для финансирования праздничных мероприятий Афин.

Доходы от аренды священных земель и финансирование праздников в Афинах второй половины V в. до н. э.

До нашего времени практически полностью сохранилась надпись, датированная второй половиной V в. до н. э., посвященная сдаче в аренду священных земельных участков, принадлежащих дему плотейцев. В самом начале текста речь идет о том, какое количество денежных средств, полученных в ходе аренды, плотейцы должны перечислить на празднества в честь различных богов и героев, которые проводит афинский полис. В частности сказано,

²Для изучения данного вопроса будут привлечены материалы надписей, которые содержатся в сборнике эпиграфических материалов, изданном под редакцией Дж. Кирхнера: *Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores*. 2nd ed. Parts 1–3 / Ed. J. Kirchner. Berlin: De Gruyter, 1913–1940. В историографии принято сокращенное обозначение – IG. II² с последующим указанием номера надписи и соответствующих строк текста (например, IG. II². 2501.32–33), которое мы будем использовать в данной статье. Кроме того, будет привлечен эпиграфический материал из сборника, изданного под редакцией П. Родза и Р. Осборна: *Greek historical inscriptions 404 – 323 BC* / Ed. by R. Rhodes, R. Osborne. Oxford, 2003. Общепринятое сокращение в историографии – *Greek historical inscriptions*.

что: «ежегодно ...на праздник в честь Афродиты – 1200 драхм; Анакии – 1200 драхм; на Аполлонии: 1100 драхм»³. Судя по сведениям других эпиграфических памятников, найденных на территории Афин и других областей греческого мира, празднества в честь Афродиты были весьма почитаемы, проходили в течение нескольких, как правило, трех дней. Праздник имел важное общественно-политическое значение, поскольку во время его проведения встречались члены фратрий для совершения совместных церемоний и обсуждения различных вопросов, связанных с повседневной жизнью гражданского коллектива [Скржинская 2010, с. 84–91]. Особое социальное значение было связано с последним днем празднества, когда отцы семейств представляли своих детей, рожденных в законном браке с последующим их занесением в списки граждан полиса [Булычева 2015, с. 11]. Кроме того, в дни торжества проводились масштабные жертвоприношения, а также мусические агоны, на которых победители и призеры получали почетные награды [Parke 1986, p. 88]. В нашем распоряжении нет подробных сведений о том, какие точно денежные средства выделялись на проведение этих церемоний, но известно, что на принесение жертв отцы семейств выделяли овец или коз стоимостью от 60 до 100 драхм [Parke 1986, p. 92]. Кроме того, опираясь на сведения эпиграфики, М.В. Скржинская установила, что на территории Северного Причерноморья в III–II вв. до н. э. существовали специальные религиозные союзы-фиасы, которые являлись почитателями Афродиты и имели собственную казну, из которой выделяли средства на праздники, устраиваемые в ее честь [Скржинская 2010, с. 81]. До нашего времени сохранились некоторые сведения о том, какие средства поступали на организацию праздника в честь богини Афины, знаменитые Панафинеи, которые были одним из самых масштабных мероприятий того времени. Например, на призы победителям в различных соревнованиях выделялись суммы от 1200 до 500 драхм, а также на жертвоприношения передавались быки стоимостью в 200 и 300 драхм [Гвоздева 2013, с. 89–91]. Безусловно, что Панафинеи были масштабнее праздника в честь Афродиты, кроме того, торжество имело общегосударственное значение. Можно предположить, что указанные средства, скорее всего, поступали из общеполисной казны, в то время как празднество Афродиты финансировалось из отдельных гражданских поступлений. По-видимому, арендодатели выделяли примерно одинаковую сумму на праздники, поскольку по условиям арендного соглашения, на Анакии следовало передать

³ IG. II² 1172. 5–10.

1200 драм, а на Аполлонии 1100 драм из доходов, полученных от сдачи теменоса в аренду. Интересно отметить тот факт, что Анакии очень редко упоминаются в афинских надписях, это празднество чаще справлялось на территории Пелопоннеса и было посвящено легендарным братьям – близнецам Кастору и Поллуксу [Булычева 2015, с. 12]. Возможно, что мы не встречаем упоминания этого праздника в афинском эпиграфическом материале IV–III вв. до н. э., поскольку он перестал массово отмечаться в это время, а в надписи плотейцев Анакии упоминаются, так как это вторая половина V в. до н. э. Аполлонии, судя по сведениям эпиграфики, были наиболее популярны на территории Северного Причерноморья [Скржинская 2010, с. 49]. В Афинах они, скорее всего, отмечались выходцами из других областей греческого мира, к которым, возможно, принадлежали некоторые представители дема плотейцев. При этом, согласно сведениям эпиграфики, празднество в честь Аполлона проходило в течение трех или даже пяти дней и сопровождалось спортивными и мусическими агонами, собирающими талантливых участников из разных областей, что, безусловно, требовало немалых материальных затрат [Parke 1986, p. 148]. В тексте договора об аренде земли плотейцев также сказано, что кроме этих установленных денежных пожертвований на организацию праздников арендодателям также следует выделять средства, которые могут быть получены от продажи плодов собранного урожая⁴. Кроме того, в надписи говорится о предоставлении вина для возлияний на праздничных жертвоприношениях⁵. Судя по сведениям эпиграфики, данным археологии и сообщениям античных авторов, праздничные жертвоприношения, которые проводились в осенние месяцы, часто сопровождалось принесением вина [Parke 1986, p. 59]. В договоре сообщается о том, как происходило распределение средств на праздничные мероприятия. В частности, говорится, что контроль за передачей денежных сумм, полученных от сдачи земельного участка в аренду, следует осуществлять архонту⁶. Известно, что архонт, являясь высшим должностным лицом полиса, выполнял также определенные экономические функции, следил за перераспределением финансовых средств, в том числе предоставленных на организацию празднеств и жертвоприношений [Булычева 2018, с. 128].

Ко второй половине V в. до н. э. также относится надпись, посвященная сдаче в аренду священного участка святилища Кодры, Нелея

⁴ IG. II². 1172. 29–31.

⁵ IG. II². 1172. 35–36.

⁶ IG. II². 1172. 16–21.

и Басилы⁷. В ней содержится упоминание о том, что денежные средства, полученные от сдачи в аренду теменоса, должны быть представлены на финансирование празднеств в честь различных богов Афин⁸. При этом не указано, какую точно сумму следует передать и за какой период времени. В надписи говорится, что аренда продолжается в течение 20 лет, скорее всего, предполагается передача ежегодного дохода от сдачи земли в аренду, поскольку сказано, что следует отдавать необходимые взносы аподектам в девятую пританию текущего года⁹. Судя по сведениям эпиграфики и сообщениям древнегреческих авторов, аподекты представляли собой коллегию из 10 человек, которая в конце V в. до н. э. становится важнейшей финансовой магистратурой полиса [Rhodes 1985, p. 211]. Аподекты контролировали доходы и расходы афинского государства, а также занимались их распределением на различные нужды полиса [Rhodes 1985, p. 211]. В связи с этим совершенно понятным становится, почему они указаны в качестве распределителей доходов от аренды священных земель в надписи, посвященной сдаче в аренду теменоса Кодры, Нелея и Басилы. Интересно отметить, что в надписи сказано о передаче средств в казначейства разных богов, в связи с чем можно предположить, что предполагалось финансирование нескольких праздников и, по-видимому, выделялись немалые денежные суммы.

*Аренда теменосов Саламиниев
и финансовые затраты на праздничные
церемонии в Афинах начала IV в. до н. э.*

К началу IV в. до н. э. относится весьма подробная надпись, в которой говорится о финансировании различных праздничных церемоний в Афинах из средств, полученных от сдачи в аренду земельного участка сообщества Саламиниев¹⁰. При этом не ясно, что представлял собой данный коллектив. В науке существуют споры по этому вопросу. Одни авторы полагают, что это родовое сообщество, другие – относят их к религиозному объединению [Булычева 2018, с. 81]. В данной статье мы не предполагаем рассматривать

⁷ В сборнике эпиграфического материала, изданном под редакцией Р. Кирхнера, это надпись представлена под номером 94 (общепринятое сокращение – IG. I². 94).

⁸ IG. I². 94. 5–10.

⁹ IG. I². 94. 8–10.

¹⁰ Надпись содержится в сборнике “Greek Historical Inscriptions” под номером 37.

проблему статуса Саламиниев в афинском полисе. Для нас важно, что, судя по данным эпиграфики, в начале IV в. до н. э. этот коллектив распоряжался различными земельными участками, посвященными богам и героям. Саламинии сдавали их в аренду, используя полученные доходы для финансирования праздничных церемоний в полисе [Булычева 2018, с. 82]. В надписи сообщается, что перед началом торжественных жертвоприношений, устраиваемых в честь празднеств различных богов и героев, Саламинии должны предоставлять жрецам храмов денежные средства и мясо животных¹¹. При этом в надписи подробно указано, на какие торжественные мероприятия выделяются пожертвования и в каком количестве. В частности, говорится, что на праздник Панафинеи в честь богини Афины сообществу следует выделить свинью стоимостью 40 драхм, а также 3 драхмы на покупку древесины, которая будет использована на разжигание священного огня и другие цели¹². Судя по содержанию надписи, Саламинии принимали активное участие в финансировании праздников, посвященных Гераклу. Они предоставляют на праздничные церемонии, организованные в честь этого героя, отборных быков стоимостью в 70 драхм¹³. Можно предположить, что этот герой особо почитался среди Саламиниев, поскольку в договоре указано, что ему посвящены специальные земельные участки, уход за которыми возложен на сообщество Саламиниев¹⁴. Строки 93–94 данной надписи посвящены указанию на то, что коллектив выделяет жертвенных животных стоимостью около 40 драхм на праздник Апатурий. Кроме того, в тексте надписи содержится ряд указаний на то, что Саламинии предоставляют жертвенных животных (коз, свиней и т. д.) стоимостью от 3 до 40 драхм на праздники в честь разных богов и героев, почитаемых в Афинах¹⁵. В частности отмечается, что мясо животных стоимостью в 40 драхм следует передать на праздники в честь Посейдона Гипподрома, а также Аполлона Отеческого¹⁶. В строках 90–92 содержится предписание о выделении средств на празднества в честь героя Еврисака, который, скорее всего, почитался как покровитель родового сообщества Саламиниев [Булычева 2018, с. 83]. Контроль за поступлением средств осуществляют управляющие, выбранные из состава сообщества, а также жреческий персонал [Булычева 2018, с. 91]. Судя

¹¹ Greek Historical Inscriptions. 37. 27–85.

¹² Ibid. 88–89.

¹³ Ibid. 87.

¹⁴ Ibid. 81–84.

¹⁵ Ibid. 49–94.

¹⁶ Ibid. 83–84.

по сведениям надписи, местное управление должно было провести контроль за поступлением средств в казну сообщества Саламини-ев, а затем, проведя необходимые подсчеты, передать часть средств архонту¹⁷.

Заключение

Таким образом, на основании всего вышесказанного, можно сделать некоторые выводы. Финансирование праздничных церемоний в древней Аттике осуществлялось благодаря привлечению различных средств, которые поступали в полисную казну, в частности использовались доходы, полученные от сдачи в аренду священных земель (теменосов). Арендодатели (различные сообщества) предоставляли деньги, а также мясо жертвенных животных. Контроль за поступлением этих средств осуществлялся как на уровне всего полиса, так и отдельных объединений, которые были весьма заинтересованы в достойном проведении праздничных церемоний, имеющих важное общественно-политическое значение.

Литература

- Булычева 2015 – *Булычева Е.В.* Аренда храмовых земель и финансирование религиозных церемоний в Аттике в IV в. до н. э. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 9. С. 9–17.
- Булычева 2018 – *Булычева Е.В.* Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э.: Распоряжение общественной землей в полисе. М.: РГГУ, 2018. 246 с.
- Гвоздева 2013 – *Гвоздева Т.Б.* Награды на Панафинейских играх // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2013. № 3. С. 85–96.
- Скржинская 2010 – *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
- Parke 1986 – *Parke H.W.* Festivals of the Athenians. N.Y.: Cornell University Press, 1986. 208 p.
- Parke, Wormell 1956 – *Parke H.W., Wormell D.E.* The Delphic oracle. Oxford: Blackwell, 1956. 436 p.
- Rhodes 1985 – *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. Oxford: Clarendon Press, 1985. 357 p.

¹⁷ Ibid. 90–91.

References

- Bulycheva, E.V. (2015), "The lease of temple lands and the financing of religious ceremonies in Attica in the 4th century B.C.", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 9, pp. 9–17.
- Bulycheva, E.V. (2018), *Drevnyaya Attika v kontse V–IV vv. do n. e.: Rasporiazhenie obshchestvennoi zemlei v polise* [Ancient Attica at the end of 5th – 4th centuries B.C. The disposal of public land in the polis], RGGU, Moscow, Russia.
- Gvozdeva, T.B. (2013), "Prizes in Panathenaic games", *RUDN Journal of World History*, no. 3, pp. 85–96.
- Parke, H.W. (1986), *Festivals of the Athenians*, Cornell University Press, New York, USA.
- Parke, H.W. and Wormell, D.E. (1956), *The Delphic oracle*, Blackwell, Oxford, UK.
- Rhodes, P.J. (1985), *The Athenian Boule*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Skrjinskaya, M.V. (2010), *Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e* [Ancient Greek holidays in Hellas and the Northern Black Sea region], Aleteyya, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Булычева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bulychevalena@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-2117-7671

Information about the author

Elena V. Bulycheva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; bulychevalena@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-2117-7671

Страны и регионы мира: динамика развития в модели взаимодействия

УДК 323(71)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-22-30

Квебекская проблема в современной Канаде: прошлое или настоящее?

Андрей Н. Комаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ruslan10@inbox.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу квебекской проблемы в современной Канаде. На основе необходимого корпуса источников и соответствующей историографии, автор пытается ответить на вопрос, актуальна ли квебекская проблема для Канады в настоящем или она навсегда осталась в прошлом. В своей статье автор не только обобщает и систематизирует саму историю франко-канадской проблемы, но и анализирует деятельность Квебекской партии и Квебекского блока, в течение долгих лет борющихся за суверенитет Квебека. Автор подчеркивает, что именно с этими двумя объединениями была связана идея суверенитета Квебека, и останавливается на деятельности Р. Левека и Ж. Паризо, готовивших два референдума о суверенитете Квебека. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что на партийно-политическом уровне (в связи с изменением партийной идеологии Квебекского блока и провалом Квебекской партии на провинциальных выборах 2018 г., безусловно, идея суверенитета отошла в прошлое. В то время как на ментальном уровне (память об исторической травме 60-х годов XVIII в., когда Новая Франция была завоевана Англией) идея суверенитета отвечает интересам части франко-канадцев.

Ключевые слова: Квебек, Квебекский блок, Квебекская партия, суверенитет, Канада

Для цитирования: Комаров А.Н. Квебекская проблема в современной Канаде: прошлое или настоящее? // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2024. № 1. С. 22–30. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-22-30

© Комаров А.Н., 2024

The Quebec issue in modern Canada. Past or present?

Andrei N. Komarov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ruslan10@inbox.ru*

Abstract. This article deals with an analysis of the Quebec issue in Modern Canada. Based on the necessary corpus of sources and the corresponding historiography, the author tries to answer the question whether the Quebec issue is relevant for Canada in the present or it has remained in the past forever. In his article, the author not only summarizes and systematizes the history of the French-Canadian issue itself, but also analyzes the activities of the Parti Québécois and the Bloc Québécois, which have been fighting for Quebec sovereignty for many years. He emphasizes that it was with these two associations that the idea of Quebec sovereignty was connected, and focuses on the activities of René Lévesque and Jacques Parizeau, who prepared two referendums on the sovereignty of Quebec. The study results in the conclusion that at the party-political level (due to the change in the party ideology of the Bloc Québécois and the failure of the Parti Québécois in the 2018 provincial elections), of course, the idea of sovereignty has become a thing of the past. While at the mental level (the memory of the historical trauma of the 60s in the 18th century, when New France was conquered by England), the idea of sovereignty meets the interests of part of the French-Canadian community.

Keywords: Quebec, Quebec Bloc, Quebec Party, sovereignty, Canada

For citation: Komarov, A.N. (2024), "The Quebec issue in modern Canada. Past or present?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1, pp. 22–30, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-22-30

Введение

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем в странах Северной Америки имеют кардинальное значение для всей истории этого региона. Из наиболее значимых и наиболее известных уместно было бы назвать франко-канадский или квебекский вопрос. Будучи крупнейшим именно с этнополитическим конфликтом в североамериканском государстве, квебекский вопрос эволюционирует от прошлого к настоящему, оказывая прямое воздействие на историю Канады. Без преувеличения, можно даже говорить о том, что квебекский вопрос определяет все общественно-

политическое развитие Канады за последние несколько столетий. Объединяя в себе религиозную, национальную и политическую составляющие, квебекский фактор непосредственно влияет на канадскую государственность, присутствует в программных установках политических партий Канады, является одной из центральных тем предвыборных дебатов ведущих политиков страны в течение многих лет. Историография квебекского вопроса обширна, и объединяет в себе многочисленные отечественные и канадские исследования. Стоит назвать лишь некоторые из них, в частности в монографии В.А. Коленеко продемонстрирована история развития франко-канадского вопроса, его влияние на политическую культуру и политические институты современной Канады [Коленеко 2006]. В работах В.А. Тишкова и С.А. Кошелева показано развитие франко-канадского вопроса в историческом ракурсе [Тишков, Кошелев 1974]. В работах ряда канадских историков дана детализация проблематики суверенитета Квебека на современном этапе [Saywell 1977]. Канадскими учеными подчеркивается, что после провала Квебекской партии на провинциальных выборах 2018 г. проблема суверенитета Квебека была снята с повестки дня общественно-политической жизни франко-канадской провинции [Montigny 2020, pp. 101–127]. В этой связи целью данной статьи является не только обобщение и систематизация самой истории франко-канадской проблемы, чтобы уже было сделано ранее неоднократно в историографии, но и поиск ответа на вопрос, насколько проблема суверенитета Квебека злободневна для современной Канады. Актуален ли квебекский вопрос для Канады в настоящем или он безвозвратно отошел в прошлое? На этот вопрос призвана ответить данная статья.

Основное содержание

Стоит сразу же отметить, что под квебекской проблемой или франко-канадским вопросом в статье понимается поиск франко-канадцами своей национальной идентичности, а также их борьба за политические права. Это красной линией проходит через всю канадскую историю, начиная с XVII–XVIII вв. Необходимо отметить, что вышеупомянутая борьба осуществлялась франко-канадцами в двух плоскостях. С одной стороны, это были насильственные действия франко-канадцев против английских властей, когда первые поднимали многочисленные восстания против британского колониального владычества. Активизация этой деятельности характерна для периода после 1763 г., когда Квебек

перестал быть французским и был завоеван Англией. Кульминационными моментами были восстания в Нижней и Верхней Канаде в 1837 и 1838 гг., а также выступления франкоязычных метисов провинции Манитоба под руководством Л. Риэля в 1869 и 1885 гг. Данный период продолжался приблизительно до середины XX в., и, в частности, в годы Первой и Второй мировых войн часть франко-канадцев провинции Квебек сопротивлялись воинской мобилизации. Несмотря на то что Акт о Британской Северной Америке 1867 г. по сути дела предоставлял Квебеку статус государства в государстве, все равно ряд проблем франко-канадцев, связанных с образованием, культурным развитием, иммиграционной политикой, выходил на первый план¹. Например, в начале XX в. обострился школьный вопрос.

Приблизительно к середине XX в. борьба франко-канадцев за расширение своих культурных, языковых и других прав переносится из сферы насильственного сопротивления властям в новое русло, прежде всего, в область партийно-политическую. Именно через деятельность возникших политических партий представители Квебека пытались кардинально улучшить свое положение в рамках канадской федерации. Это проявилось, с моей точки зрения, в нескольких моментах.

Во-первых, еще в 1944–1959 гг. лидер партии Национальный союз и премьер-министр Квебека М. Дюплесси, проводя в целом популистскую политику в провинции, умело и тонко апеллировал к национальным чувствам франко-канадцев [Jones 2000]. Несмотря на непростую и противоречивую внутреннюю политику, и, в частности, антирабочее законодательство, именно в годы нахождения у власти Дюплесси, франко-канадцы начинают чувствовать себя единой нацией.

В 60-е годы XX в. «тихая революция», в ходе которой произошла экономическая модернизация квебекского общества, превратила Квебек в крупнейшую индустриальную провинцию канадской федерации. Из аграрной провинции Квебек стал важнейшим промышленным субъектом федерации. Вследствие этого, уже в 70-е годы франко-канадская интеллигенция, представители малого и среднего бизнеса, журналисты, ведущие политики стали выдвигать весомые претензии на усиление политической роли провинции в рамках канадской федерации. Их взгляды нашли свое воплощение в идеологии суверенитета-ассоциации Квебекской партии, которая пришла к власти в провинции в 1976 г. и выдвинула концепцию

¹ *Маклаков В.В.* Конституции зарубежных государств: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: БЕК, 1997. С. 459–549.

политического суверенитета Квебека при плотных экономических связях с остальной Канадой (ассоциации) [Fraser 2001].

Лидер Квебекской партии Р. Левек надеялся на то, что на референдуме 1980 г. большинство жителей провинции выскажутся за ведение переговоров с федеративным центром по вышеупомянутой концепции. Этого не произошло, поскольку 59,56% квебекцев высказалось против обсуждения с центральной властью данного политического проекта, в то время как 40,44% поддержало идеологию Р. Левека [Leslie 1985]. Однако этот результат не остановил Квебекскую партию, которая стала доминировать в партийной системе Квебека в период с 1976 по 2018 гг., часто побеждая на провинциальных выборах Либеральную и другие партии.

Квебекская партия лидировала на провинциальных выборах 1976, 1981, 1994, 1998, 2012 гг. Провинциальные выборы, в частности, 1976 и 1981 гг. были выиграны Р. Левеком². На парламентских выборах 1994 г. одержал победу новый лидер Квебекской партии Ж. Паризо. На следующих выборах 1998 г. победу одержала Квебекская партия во главе с Л. Бушаром. На парламентских выборах 2012 г. победила Квебекская партия во главе с П. Моруа. Несмотря на смену лидерства и другие внутрипартийные перемены, неизменной для Квебекской партии все эти годы оставалась концепция суверенитета Квебека. Именно этим Квебекская партия отличалась от Либеральной партии, которая была готова принять уступки Квебеку со стороны федеральных органов власти, но не придерживалась в целом концепции суверенитета. В частности, при нахождении у власти либеральных кабинетов во главе с Р. Бурассой (1985–1994) была предпринята попытка нахождения компромисса между провинцией и федеративным центром, нашедшая свое воплощение в Мичлэйкском (1987 г.) и Шарлоттаунском (1992 г.) соглашениях, которые, в силу комплекса обстоятельств, не удалось [Monahan, McRoberts 1993]. Напротив, Квебекская партия придерживалась диаметрально противоположной точки зрения, считая, что только реализация концепции суверенитета провинции будет способствовать формированию национальной идентичности и процветанию провинции. Вследствие этого, лидер Квебекской партии и премьер-министр Квебека Р. Левек способствовал тому, что Квебек, в отличие от других канадских субъектов федерации, не подписал Акт о Конституции 1982 г.³ Тем самым это событие ознаменовало длительный конституционный кризис в стране, который не разрешен и продолжается уже порядка сорока лет. В связи с возвращением к

² *Lévesque R. Memoirs. Toronto: McClelland and Stewart, 1986. 368 p.*

³ *Маклаков В.В. Указ. соч. С. 459–549.*

власти Квебекской партии в 1994 г., она, во главе со своим лидером Ж. Паризо, активизировала свою деятельность в подготовке к референдуму о суверенитете Квебека, который состоялся в 1995 г.

В период с 1994 по 2003 гг., находясь у власти во франкоязычной провинции, Квебекская партия, по сути дела, находилась на вершине своей внутривластной деятельности. Лидер Квебекской партии Ж. Паризо сумел увлечь за собой массу франко-канадских избирателей, негодующих и испытывающих крайнее раздражение по поводу неудач Мичлейкского и Шарлоттаунского соглашений, которые должны были расширить права и полномочия Квебека в рамках канадской федерации. По итогам референдума 1995 г. 49,42% жителей Квебека высказались за отделение от Канады, а 50,58% – против суверенитета Квебека [Вауне 2017, pp. 101–127]. Несмотря на отрицательный результат референдума, в период после 1993 г., по мнению канадских ученых, Ж. Паризо, а затем и Л. Бушар (премьер-министр Квебека от Квебекской партии 1998–2001) не отказались от своих взглядов о необходимости достижения суверенитета и сформировали идеологию квебекских избирателей по принципу «да – нет» («да» или «нет» суверенитету Квебека), поставив, тем самым, квебекский электорат перед радикальным выбором [Montigny 2020, pp. 101–127].

Именно это и определяло политическую повестку дня, которую Квебекская партия вместе со своим союзником – Квебекским блоком определяла в период до 2018 г. для избирателей Квебека. Будучи неотъемлемой частью двухпартийной системы франкоязычной провинции, наряду с Либеральной партией, на парламентских выборах в провинции в 1976, 1981, 1985, 1994, 1998, 2003, 2012, 2014 гг., Квебекская партия получала либо первый, либо второй результат. Однако в 2018 г. на парламентских выборах в Квебеке произошли события, которые поставили под сомнение не только будущность Квебекской партии, но и саму идеологию суверенитета. Партия не просто проиграла провинциальные выборы, получив третий результат после Коалиции «Авенир-Квебек» во главе с Ф. Лего, и Либеральной партии во главе с Ф. Куйяром (получив 10 мест в парламенте против 74 мест у коалиции и 31 места у Либеральной партии), но и была, тем самым, исключена из традиционной двухпартийной системы Квебека (Либерало-Квебекский блок), в которой она существовала с 1976 г. [Комаров 2022]. Последние опросы, проводимые в Квебеке накануне провинциальных выборов 3 октября 2022 г., свидетельствуют о том, что за партию Коалиции «Авенир-Квебек» во главе с Ф. Лего готовы проголосовать 44% франко-канадских избирателей, в то время как за Квебекскую партию – 10%, за Либеральную партию – 18%.

Заключение

Означает ли поражение Квебекской партии на провинциальных выборах 2018 г. и результаты предвыборных опросов в Квебеке крах идеи суверенитета? Можно ли говорить о том, что идея суверенитета отошла в прошлое? С моей точки зрения, это утверждение необходимо рассмотреть на партийно-политическом и на ментальном уровне.

Во-первых, на партийно-политическом уровне, безусловно, идея суверенитета отошла в прошлое. Это связано как с неудачей Квебекской партии на провинциальных выборах 2018 г., так и с существенными сложностями, которые испытывал Квебекский блок (верный союзник Квебекской партии, боровшейся ранее за суверенитет провинции на федеральном уровне). Парламентские выборы 2011 и 2015 гг., когда Квебекский блок получил только четвертый результат, были крайне неудачными для него. В 2011 г. НДП, занявшая второе место со 103 местами и Либеральная партия, получившая третье – с 34 местами в палате общин, вытеснили Квебекский блок на четвертое место с 4 местами в палате общин. В 2015 г. Квебекский блок во главе с Ж. Дюсепом получил только 10 мест в палате общин, в то время как НДП – 44, консерваторы – 99, либералы – 184. В 2019 г., проведя модернизацию партии, Квебекский блок занял третье место и получил 32 места в палате общин. В 2021 г. Квебекский блок получил 34 места в палате общин и также занял третье место. Однако для достижения такого результата после провала Квебекской партии на провинциальных выборах 2018 г. и собственных неудач на парламентских выборах 2011 и 2015 гг. Квебекский блок был вынужден внести кардинальное изменение в свою политическую идеологию, отказавшись от идеи суверенитета провинции. Вместо этого он стал делать упор на интенсивную работу в канадском парламенте по вопросам культурно-языковых, социально-экономических и иммиграционных прав провинции. Поэтому можно сделать вывод о том, что на партийно-политическом уровне (в связи с провальным результатом Квебекской партии на провинциальных выборах в 2018 г. и модернизацией идеологии Квебекского блока) идея суверенитета Квебека отошла в прошлое.

Во-вторых, на ментальном уровне среди части франко-канадцев идея суверенитета продолжает существовать. Память об исторической травме 60-х годов XVIII в. (когда Квебек перестал быть французским и был завоеван Англией) является важнейшим стимулом формирования коллективной идентичности франко-канадцев, способствует их борьбе за политические, языковые и гражданские права.

Приблизительно в 50–90-е годы XX в. борьба франко-канадцев за расширение своих культурных, языковых и других прав переносится из сферы насильственного сопротивления властям в новое русло, прежде всего, в область партийно-политическую, в сторону деятельности партий Национальный союз, Квебекской партии и Квебекского блока. Поэтому, даже несмотря на уход идеологии суверенитета с партийно-политической сферы, в ментальной она находит своих сторонников среди ряда франко-канадцев.

Литература

- Коленко 2006 – *Коленко В.А.* Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII–XX вв. М.: Наука, 2006. 314 с.
- Комаров 2022 – *Комаров А.Н.* Политические партии Канады в контексте федеральных выборов 2019 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 1. С. 138–144.
- Тишков, Кошелев 1974 – *Тишков В.А., Кошелев Л.В.* К истории возникновения франко-канадского национального вопроса // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 76–90.
- Bayne 2017 – *Bayne N.* So near and yet so far. The 1995 Quebec referendum in perspective // London Journal of Canadian Studies. 2017. No. 32 (1). P. 25–41.
- Fraser 2001 – *Fraser G.* René Lévesque and the Parti Québécois in power. Montreal, L., Chicago: McGill-Queen's Press – MQUP, 2001. 496 p.
- Jones 2000 – *Jones R.* Duplessis and the Union Nationale Administration. Ottawa: Canadian Historical Association, 2000. 28 p.
- Leslie 1985 – *Leslie P.* Canada, the State of the Federation. Toronto: Queen's University Press, 1985. 222 p.
- Monahan, McRoberts 1993 – *Monahan P., McRoberts K.* The Charlottetown accord, the referendum, and the future of Canada. Toronto: University of Toronto Press, 1993. 376 p.
- Montigny 2020 – *Montigny E.* The Battle for Quebec // The Canadian Federal Election of 2019 / Ed. by J.H. Pammett, C. Dornan. Montreal, L., Chicago: McGills – Queen's University Press, 2020. P. 101–127.
- Saywell 1977 – *Saywell J.* The rise of the Parti Québécois, 1967–1976. Toronto: University of Toronto Press, 1977. 174 p.

References

- Bayne, N. (2017), *So near and yet so far. The 1995 Quebec referendum in perspective*, London, UK.
- Fraser, G. (2001), *René Lévesque and the Parti Québécois in power*. McGill-Queen's Press – MQUP, Montreal, Canada, L., UK, Chicago, USA.

- Jones, R. (2000), *Duplessis and the Union Nationale Administration*, Canadian Historical Association, Ottawa, Canada.
- Koleneko, V.A. (2006), *Francuzskaya Kanada v proshlom i nastoyashchem: ocherki istorii Kvebeka XVII–XX vv.* [French Canada in the past and present. Essays on the history of Quebec from the 17th to the 20th centuries], Nauka, Moscow, Russia.
- Komarov, A.N. (2022), “Political parties of Canada in the context of the 2019 Federal Elections”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 138–144.
- Leslie, P. (1985), *Canada, the State of the Federation*, Queen’s University Press, Toronto, Canada.
- Monahan, P. and McRoberts, K. (1993), *The Charlottetown accord, the referendum, and the future of Canada*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Montigny, E. (2020), “The Battle for Quebec”, in Pammett, J.H. and Dornan, C., eds., *The Canadian Federal Election of 2019*, McGills–Queen’s University Press, Montreal, Canada, London, UK, Chicago, USA, pp. 101–127.
- Saywell, J. (1977), *The rise of the Parti Québécois, 1967–1976*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Tishkov, V.A. and Koshelev, L.V. (1974), “On the history of the French Canadian national issue”, *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 76–90.

Информация об авторе

Андрей Н. Комаров, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ruslan10@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0008-6083-2964

Information about the author

Andrei N. Komarov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ruslan10@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0008-6083-2964

Смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в.

Татьяна В. Лисовская

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, Lisouskaya@bsu.by*

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации моделей государственно-конфессиональных отношений в белорусских губерниях Российской империи (начало XX в. – 1917 г.), в БССР (1919–1991 гг.), в Республике Беларусь (1991–2002 гг.). Автором отмечено, что на протяжении XX в. произошел переход от модели религиозного государства в форме враждебной сепарации в БССР и кооперационной модели в Республике Беларусь. Процесс формирования государственно-конфессиональных отношений и их трансформации находился в сильной зависимости от общественно-политического и государственного положения белорусских земель. Это обусловило определяющее значение внешних факторов (политический кризис, революции 1905 г. и 1917 г., трансформация политических систем Российской империи и СССР, геополитическое положение Беларуси, советско-польская война 1919–1921 гг.) в смене парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в начале XX в. – 1991 г. При этом в 1991–2002 гг. на формирование модели государственно-конфессиональных отношений оказали преимущественное влияние внутренние факторы – доминирование традиционных религиозных акторов, высокая степень религиозности населения и активизация религиозной деятельности, что содействовало закреплению кооперационной модели, наиболее валидной для политико-конфессиональной сферы белорусского общества.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиозная политика, Беларусь

Для цитирования: Лисовская Т.В. Смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 31–48. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-31-48

A change in the paradigm of state-confessional relations in Belarus in 20th century

Tatsiana V. Lisouskaya

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,

Lisouskaya@bsu.by

Abstract. The article presents an analysis in the transformation of models for state-confessional relations in the Belarusian provinces of the Russian Empire (early 20th century – 1917), in the BSSR (1919–1991), in the Republic of Belarus (1991–2002). The author noted that during the twentieth century there was a transition from the model of the religious state of the period of the Russian Empire to the model of the secular state in the form of hostile separation in the BSSR and the cooperative model in the Republic of Belarus. The process of forming state-confessional relations and their transformation was highly dependent on the socio-political and state situation of the Belarusian lands. That conditioned the determining importance of external factors (political crisis, revolutions of 1905 and 1917, transformation of political systems of the Russian Empire and the USSR) for the paradigm shift of state-confessional relations in Belarus at the beginning of the twentieth century – 1991. At the same time, the formation of a model of state-confessional relations in the Republic of Belarus was predominantly influenced by internal factors – the dominance of traditional religious actors, a high degree of religiosity of the population and the intensification of religious activities, what contributed to the consolidation of the cooperative model, the most valid for the political-confessional sphere of Belarusian society.

Keywords: state-confessional relations, religious policy, Belarus

For citation: Lisouskaya, T.V. (2024), “A change in the paradigm of state-confessional relations in Belarus in 20th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relationships” Series*, no. 1, pp. 31–48, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-31-48

Введение

Взаимоотношения государства и религиозных организаций являются одним из сложных вопросов, который затрагивает вопросы традиций и исторического пути государства, проблему конфессиональной структуры общества. Религиозный плюрализм белорусского общества, традиционное этно-конфессиональное противопоставление «белорус/русский-православный» и «поляк-католик», политические трансформации в Беларуси на

протяжении XX в. актуализируют вопросы анализа и осмысления смены парадигм государственно-конфессиональных отношений на территории Беларуси.

Проблематика государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. разработана в трудах белорусских исследователей преимущественно в контексте анализа общегосударственной политики. Общие вопросы положения конфессий и религий в белорусских губерниях Российской империи отражены в работах В.В. Яновской [Яноўская 2002], Новицкого [Канфесіі 1998], И.И. Янушевича [Янушевич 2005]; религиозная политика польского государства в 1921–1939 гг. в Западной Беларуси рассмотрена Т.В. Лисовской [Лисовская 2021], А. Загидулиным [Загідулін 2010]; советская религиозная политика стала предметом изучения О. Дьяченко [Дьяченко 2003], Н.В. Довгяло [Довгяло 2012]. Общие направления религиозной политики Российской империи и советского периода, применимые для изучения белорусской конфессиональной истории, рассмотрены в работах российских историков Т.К. Никольской [Никольская 2004], О.Ю. Редькиной [Редькина 2010], А.А. Сафонова [Сафонов 2011], М.И. Одинцова [Одинцов 2018]. Однако при достаточной разработке общих положений религиозной политики, есть ряд лакун в изучении государственно-конфессиональных отношений в Беларуси. В частности, недостаточно рассмотрены вопросы формирования и трансформации модели государственно-конфессиональных отношений в контексте конфессиональной структуры белорусского общества, основных факторов ее формирования и особенностей построения на территории Беларуси.

Следует отметить, что анализ государственно-конфессиональных отношений осложнен вариативностью научных подходов, разработанных в разных отраслях знаний – историками, социологами, религиоведами, юристами. На наш взгляд, при наличии многообразия моделей государственно-конфессиональных отношений, при изучении процесса трансформации взаимоотношений государства и религиозных институтов в конкретном историческом и политико-правовом поле целесообразно применять систематизированный подход, основанный на базовых индикаторах. Так, М. Одинцов [Одинцов 2018], С. Феррари [Феррари 1998], Е.М. Мирошникова [Мирошникова 1998], И. Понкин [Понкин 2003], S. Safian [Safian 2000], J. Krukowski [Krukowski 2000], S. Pietrzak [Pietrzak 1995], A. Rex [Rex 2005], S. Kettell [Kettell 2013], J. Fox [Fox 2005], L.N. Leustean [Leustean 2008], G. Robbers [Robbers 2005], Р. Балодис [Балодис 2000] в качестве индикаторов применяют: степень взаимосвязи государственных и церковных институтов и уровень

секулярности, наличие привилегированного статуса определенно-го вероисповедания, правовое положение вероисповеданий.

В связи с этим методологическую основу изучения и характеристики процесса трансформации парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. и идентификации моделей государственно-конфессиональных отношений в белорусских губерниях Российской империи (начало XX в. – 1917 г.), в БССР (1919–1991 гг.), в Республике Беларусь (1991–2002 гг.) составили применение интегративной типологии моделей государственно-конфессиональных отношений на основе базовых индикаторов и ее экстраполяция на систему общественно-политических и религиозных отношений.

На пути от религиозного государства к светскому (начало XX в. – 2002 г.)

При наличии разнородного конфессионального состава белорусского общества с доминированием православия и традиционным бинарным (православие – католицизм) оппозированием, вопрос модели государственно-конфессиональных отношений в условиях общественно-политических трансформаций в Беларуси в XX в. всегда стоял особо актуально. В конце XIX – начале XX в. в религиозном ландшафте белорусских губерний Российской империи были представлены преимущественно христианские конфессии с доминированием православной церкви. Согласно переписи 1897 г., в пяти белорусских губерниях насчитывалось 5114,7 тыс. православных и 145 000 староверов, 1947,6 тыс. католиков, 46 654 человека евангельско-аугсбургского и евангельско-реформированного костелов, 151 баптист. Нехристианские конфессии были представлены преимущественно национальными меньшинствами: иудаизм – 1202 тыс. человек, ислам – 5592 [Канфессіі 1998, с. 93–94].

Белорусские губернии с разнородным религиозным составом находились под действием российского права, закрепляющего модель религиозного государства. Основной концепт государственно-конфессиональных отношений Российской империи базировался на тесном взаимодействии государства с «первенствующей и господствующей» православной церковью, что обеспечивало ее особый правовой статус. В социокультурном и правовом пространстве православие было утверждено как единственно правильное учение, что, во-первых, определило идеологический монополизм православия и религиозного мировоззрения в государстве, а во-вторых, отразилось на правовом статусе неправославных

религий и их приверженцев. В частности, наличие административных процедур (церковный брак, ведение метрических книг религиозными учреждениями, метрика с указанием вероисповедного статуса), а также уголовное преследование за антирелигиозные действия¹ (порицание христианской веры и православия, насмехание над правилами и обрядами православной церкви, исповедание веры, противоречащее принципам православной церкви²) не предусматривали вневероисповедный статус личности. В то же время, за православной церковью было закреплено исключительное право на деятельность в публичном пространстве, а инославные вероисповедания были исключены из общественной сферы. К примеру, римско-католическому костелу белорусских губерний были запрещены крестные ходы и процессии, открытое ношение Святых Даров, установка крестов на дорогах и в населенных пунктах без разрешения администрации [Канфесii 1998, с. 85]. Прозелетизм и миссионерство неправославных исповеданий понималось как «сворачивание» православных, а участие православных в обрядах и таинствах инославных вероисповеданий³ – как посягательство на господствующую православную церковь. Так, в 1909 г. настоятелю Мозырского костела были предъявлены обвинения за венчание православной Ю.А. Колать с католиком Ю. Леосевичем⁴.

Российская империя и Русская православная церковь постепенно стали единым церковно-политическим институтом: произошло встраивание церковных институтов в систему государственной власти – в качестве государственных были признаны основные православные праздники, духовенство привлекалось к официальному участию в важных государственных и общественных событиях (коронавание, открытие государственных учреждений). В свою очередь, церковь выполняла ряд общественно-государственных функций – общественное просвещение, регистрация актов гражданского состояния, православная церковь зачастую выступала как судебная и отчасти законодательная инстанция⁵.

¹Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н.С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

²Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45855. Л. 1–4.

³Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года...

⁴НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36 705. Л. 4–5, 43.

⁵Конфессиональная политика Временного правительства России: Сборник документов / Сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 10.

Следует отметить, что модель религиозного государства с опорой на православную церковь устанавливалась в белорусских губерниях с неоднородным конфессиональным составом, отличающимся от центральных российских губерний, и сложной политической ситуацией, вызванной восстанием 1863–1864 гг., поддержанным римско-католическим клиром. Эти факторы привели к созданию особых условий функционирования неправославных конфессий и религий в белорусских губерниях, прежде всего, римско-католического костела. Система религиозного государства Российской империи создавала благоприятные условия для закрепления доминирования православной церкви в белорусских губерниях и радикального снижения сферы влияния римско-католического костела. После восстания 1863–1864 гг. общероссийские законы в отношении католического духовенства были дополнены рядом распоряжений местных властей – введен запрет на назначение ксендзов без разрешения губернатора на высшие духовные должности (циркуляры от 13 января 1865 г., 17 июля 1865 г.), о запрете внештатным служителям богослужебной практики и исполнения обрядов, о запрете установления крестов на полях и дорогах и др. [Яноўская 2002, с. 40]. Как результат политики укрепления православия, к началу XX в. была изменена конфессиональная структура белорусских губерний: численность православного населения в 1897 г. увеличилась на 204,4%. При этом доля католиков при увеличении численности на 146% в общей численности населения уменьшилась до 58,8% в Виленской губернии, 24,1% – в Гродненской, 23,9% – в Витебской, 10,1% – в Минской, 2,9% – в Могилевской губерниях [Канфесіі 1998, с. 85].

Острая общественно-политическая и религиозная ситуация в Российской империи начала XX в. в белорусских губерниях осложнялась наличием большого числа «упорствующих в латинстве» (лиц, числящихся православными, но участвующих в католической обрядности) в Виленской, Гродненской и Минской губерниях⁶, что отражало несоответствие формальной религиозной принадлежности конфессиональной самоидентификации значительной части населения губерний и требовало изменения религиозной политики. Манифест Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г., Именной Высочайший Указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Указ 1906 г.⁷ предоставили право выхода из пра-

⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 886. Л. 3, 8, 9, 26, 28, 32, 49, 90.

⁷ История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах: пособие: В 4 ч. Ч. 3: Со второй половины XVIII в. до октября

вославной церкви и переход в иное вероисповедание, легализовали деятельность меньшинств (старообрядцев и сект, отпавших от православия), расширили возможности публичной религиозной деятельности неправославных исповеданий. По данным епископа Минского и Туровского, после издания Указа 1905 г. до конца 1905 г. в епархии в католицизм перешел 12 901 человек⁸. Реформы 1903–1906 гг. хотя и снизили уровень идеологического монополизма и расширили права неправославных исповеданий [Лисовская 2022, с. 9], однако не затронули основных принципов религиозного государства: слияния церкви и государства, ранжирования вероисповеданий, ограничения свободы совести неправославных граждан, доминирования религиозного мировоззрения и его безальтернативность.

Попытку трансформации системы государственно-конфессиональных отношений предприняло уже Временное правительство, которое с марта 1917 г. выстраивало последовательную политику обеспечения равенства конфессий и расширения религиозных прав. Закон «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. утвердил свободу совести как гражданскую свободу личности, ликвидировал дискриминацию по вероисповедному признаку, легализовал вневероисповедный статус и свободный выбор религии с 14 лет, религиозные организации получили свободу действия в публичной сфере⁹. Обеспечение свободы совести и вероисповедания, равенства конфессий, отделение школы от государства свидетельствуют о тенденции к построению светского (внеконфессионального) государства, что в данный момент было требованием политических партий (эсеров¹⁰ и РСДРП¹¹) и представителей религиозных меньшинств: старообрядцев, мусульман, евангельских христиан, баптистов [Никольская 2004]. Белорусские политические партии – Белорусская социалистическая громада¹², Конституционно-католическая пар-

1917 г. / Авт.-сост.: В.В. Старостенко, Э.В. Старостенко. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2015.

⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35 812. Л. 368.

⁹ Конфессиональная политика Временного правительства... С. 76, 85.

¹⁰ Программа партии социалистов-революционеров: [1906 г.]: Сборник программ политических партий в России / Под ред. В. Водовозова. Вып. 3. СПб., 1906. С. 14–27.

¹¹ Программа Российской социал-демократической рабочей партии. Белгород: Народная воля, 1917.

¹² Программа Белорусской Социалистической Громады // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. Мінск: Універсітэцкае, 1993. № 1. С. 65–68.

тия Литвы и Беларуси¹³ – выступали за отделение государства от церкви, в чем видели возможность преодоления монополизма православия и расширения прав католического костела и населения белорусских губерний. Однако Временное правительство пошло на сближение с православной церковью, которая с июля 1917 г. принимала участие в разработке проектов государственно-конфессиональных отношений. Так, законопроект «К вопросу о правовом положении церкви в государстве», подготовленный при сотрудничестве с Предсоборным советом православной церкви предполагал автономию и независимость религиозных организаций при «культурном сотрудничестве» с православной церковью вплоть до финансирования, участие церкви в ряде административных процессов. Как мы видим, в условиях политических трансформаций периода Временного правительства наметился переход от модели религиозного (конфессионального) к светскому государству идентификационной модели, при которой за православной церковью сохранялся приоритетный статус.

Переход власти к большевикам в октябре 1917 г. определил формирование новой парадигмы государственно-конфессиональной системы. В Программе РКП(б) 1919 г. были определены основы советской религиозной политики: «разрушение связей между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды», вытеснение религии из общественной сферы для полного отмирания религиозных предрассудков [Довгяло 2012, с. 83].

Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. и Декрет СНК Советской социалистической Республики Беларусь (ССРБ) «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 11 января 1922 г. задекларировали отделение церкви от государства, лишение церковных организаций статуса юридического лица, но при этом оставили право граждан на свободу совести и религии, обозначив отход от идентификационной модели светского государства. Постепенно началось вытеснение религии из сферы общественной жизни и ограничение индивидуальных религиозных прав: если еще в Конституции ССРБ 1919 г. и Конституции БССР 1927 г. допускалась возможность религиозной пропаганды как право исповедания религии, что еще допускало наличие частных религиозных компонентов в общественной сфере, то в Конституции БССР 1937 г. была закреплена исключительно свобода антирели-

¹³ Сообщения губернаторов на запрос МВД о политических партиях, их организации, численности и идеологии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 187: 1906 г. Д. 157. Л. 65.

гиозной пропаганды. Новая конституционная норма ограничила права верующих выражать свое вероисповедание публично во всех формах – от пропаганды до использования религиозных символов, допуская исповедание веры исключительно в рамках культовых действий, что привело к «приватизации» религии, ограничению свободы совести граждан.

На протяжении 1920-х – начала 1930-х годов был принят ряд циркуляров ЦИК (Президиума ЦИК), постановлений СНК БССР о землепользовании религиозных культов, о регистрации религиозных обществ, о пользовании и страховании молитвенных зданий, о конфискации церковных ценностей инструкции НКВД и НКЮ¹⁴ и др., которые регламентировали ограничительные меры в отношении религиозных организаций, в том числе лишение права юридического лица и возможности распоряжаться имуществом и действовать в публичном пространстве. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. окончательно закрепило ограничение деятельности религиозных организаций и легализовало супрематия государства – запрещалась любая религиозная агитация и деятельность вне культовых зданий (кроме посещения больных и умирающих по специальному разрешению), организация детских женских, молодежных, молитвенных собраний, обучение религии, был введен разрешительный принцип регистрации общин, право интервенции государственных органов во внутренние дела организаций (контроль за составом управляющих органов, исключение членов общин из управления, отклонение кандидатуры священнослужителей при назначении).

Влияние на религиозную политику БССР оказывала также и религиозная специфика Беларуси – высокая доля католического населения и наличие активно развивающихся позднепротестантских движений в Беларуси на фоне обострения внешнеполитической обстановки в период и после советско-польской войны 1919–1921 гг. Радикализация религиозной политики советских властей была вызвана наличием административных властей римско-католического костела за границей и традиционной этноконфессиональной идентификацией «католик-поляк», что после перехода Западной Беларуси к Польше в 1921 г. сформировало негативное отношение к католическому костелу и населению как к агентам польских буржуазных властей. Так, в 1933 г. большая группа католических священнослужителей была обвинена в создании контрреволюционной повстанческой организации – POW (*Polska Organizacja Wojskowa*). С целью окончательного решения вопроса польской шпионской сети

¹⁴ НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 11. Л. 24–74.

в костелах БССР 8 августа 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б рассмотрело вопрос «О мерах по закрытию польских костелов»¹⁵. 7 ноября 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б рассмотрело вопрос «О польских костелах» и, подводя итоги, было принято решение закрыть польские костелы в БССР. Кроме того, активный рост (с 45 общин в 1925 г.¹⁶ до 89 общин в начале 30-х годов¹⁷) и поддержка крестьянством евангельско-баптистского движения в БССР, их широкие связи с иностранными организациями и центрами (с Всемирным союзом баптистов, АРА, с польскими организациями в Западной Беларуси и др.) с середины 20-х годов перевели организации в разряд «проводников буржуазной идеологии». С начала 30-х годов органы НКВД БССР проводили работу по закрытию костелов и религиозных общин по причине их контрреволюционной деятельности. С середины 1937 г. по июнь 1938 г. были раскрыты и арестованы 2570 участников «объединенного антисоветского подполья», среди которых были 1015 священнослужителей и 57 клерикалов¹⁸. К 1937 г. были закрыты все евангельско-баптистские общины и римско-католические костелы.

Как мы видим, созданная система государственно-конфессиональных отношений на протяжении первых двадцати лет советской власти в БССР характеризовалась супрематией государства над религиозными акторами, лишением церкви правоспособности, локализацией религии в сфере частной жизни, ограничением прав и свобод верующих, делегализацией религиозных организаций. При этом секуляризм в советском государстве понимался не как разделение государственных и религиозных институтов, а как противодействие религии, борьба с религией не только в институциональной форме, но и с индивидуальными, частными убеждениями. При этом произошла фаворизация атеизма как мировоззренческой основы, общественные отношения выстраивались таким образом, при котором свобода совести реализуется в полном объеме только в рамках атеистических убеждений. Еще в 1922 г. утверждалось, что антирелигиозная пропаганда должна ставить на место отживающих остатков религиозных представлений ясные научные взгляды¹⁹. Атеизм постепенно превратился в «квазирелигию» с ее атрибутами – идеологией и культовой практикой. Так, в 60-е годы в БССР проводилась целенаправленная политика за-

¹⁵ НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 440. Л. 29.

¹⁶ Там же. Оп. 10. Д. 45. Л. 5.

¹⁷ Там же. Оп. 21. Д. 1900. Л. 15.

¹⁸ Там же. Д. 1410. Л. 23.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 158. Л. 6.

мены религиозных культовых практик гражданской обрядностью: крещений – октябринами, венчаний – комсомольскими свадьбами, отпеваний – гражданскими похоронами²⁰.

В период послевоенной либерализации религиозной политики 1943–1961 гг. была легализована деятельность религиозных организаций, они приобрели ограниченные права юридических лиц²¹, активизировалась религиозная жизнь, выросло число общин. Однако созданная система жесткого контроля за религиозными акторами силами Совета по делам религиозных культов и Совета по делам православной церкви, ограничение культовой деятельности, контроль за частной религиозной жизнью, включая установление возраста крещения до 18, а затем до 25 лет, целенаправленное формирование атеистического мировоззрения и гражданской обрядности, подменяющей религиозную, свидетельствуют о сохранении стратегия полного искоренения религии или превращение церкви в послушный «карманный» инструмент.

На послевоенную религиозную ситуацию в БССР оказало влияние воссоединение Западной Беларуси с БССР в 1939 г., в результате чего в БССР вошли территории с широко развитой сетью религиозных организаций. На 1948 г. в БССР были зарегистрированы 1050 православных церквей и молитвенных домов (70,3% – в западных областях БССР). Римско-католический костел продолжал рассматриваться как враждебная советской власти организация и до 1946 г. восстановленные в восточных областях БССР 84 костела были ликвидированы²², в западных областях из 416 храмов в 1939 г. осталось 387 в 1946 г.²³, в 1948 г. по всей БССР были зарегистрированы уже только 234 католические общины. Начиная с конца 50-х – в начале 60-х годов начинается очередное наступление на религию. Если на 1 января 1948 г. в БССР были зарегистрированы 1050 церквей и молитвенных домов²⁴, то в 1962 г. в БССР насчитывалось 313 общин культов (включая римско-католический костел)²⁵ и 525 православных церквей²⁶. Постановление СМ БССР № 233 от 19.04.1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»²⁷ и активизация репрессив-

²⁰ НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 43. Л. 34–36.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 37.

²² Там же. Ф. 4. Оп. 62. Д. 70. Л. 2–3.

²³ Там же. Д. 392. Л. 363.

²⁴ Там же. Д. 217. Л. 137.

²⁵ Там же. Ф. 952. Оп. 4. Д. 37. Л. 231.

²⁶ Там же. Д. 93. Л. 49.

²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 25. Л. 26.

ных мер окончательно утвердили модель радикальной сепарации (враждебной «французской» сепарации) в советском государстве.

Общественно-политические и экономические преобразования, либерализация общества во второй половине 80-х годов вызвали переосмысление многих стереотипов, включая религиозные, что постепенно привело к изменению положения религии в обществе и обусловили переход к новой парадигме государственно-конфессиональных отношений. Принципиально новая модель сформирована в 1991–2002 гг. в рамках независимой Республики Беларусь. Принятый в 1992 г. Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях»²⁸ провозгласил светский характер государства и образования, свободу совести и вероисповедания как частным образом, так и публично, запрет дискриминации по вероисповедному признаку, право родителей воспитания детей согласно своим религиозным взглядам. Данные принципы стали основой религиозных норм Конституции Республики Беларусь 1994 г. Закон 1991 г. определил и новые способы отношений государства и религиозных объединений. Религиозные организации признаны неотъемлемыми субъектами гражданского общества, провозглашена их самостоятельность, независимость и невмешательство государства во внутренние дела церквей, закреплено право осуществления религиозной деятельности религиозных общин без регистрации, которая необходима только для приобретения статуса юридического лица.

Закрепление и реализация новой парадигмы государственно-конфессиональных отношений привела к активизации религиозной сферы в Республике Беларусь. Если на 1988 г. зарегистрировано 708 религиозных общин 8 конфессий, то в 1996 г. – 2009 общин 23 религиозных направлений. Доминировала в религиозной структуре православная церковь, с которой в 2006 г. ассоциировало себя 72,6% граждан. В целом к христианским конфессиям отнесли себя более 82%, в том числе к католическому костелу – 9,2% граждан, к исламу – 0,5%²⁹. Наличие исторически сформированного религиозного ландшафта, в котором доминирует православная церковь и традиционные для белорусских территорий конфессии привела к

²⁸ Закон № 2054-ХІІ от 17 декабря 1992 г. «О свободе вероисповедания и религиозных организациях». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=V19202054> (дата обращения 20 июля 2022).

²⁹ Отчет о научно-исследовательской работе «Провести исследование территориальных особенностей конфессиональной структуры Беларуси и разработать электронный вариант географического атласа “Конфессии и культовые сооружения Беларуси”» (заключительный). № 397/61. Мн., 2007. С. 32–33.

закреплению в Законе «О свободе совести и религиозных организациях» от 31 октября 2002 г. принципа формирования религиозной политики исходя из «определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси, неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама». На основании данного подхода, в 2003 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве между Белорусской Православной Церковью и Республикой Беларусь и в дальнейшем с иными государственными органами с целью решения задач по духовно-нравственному совершенствованию общества. Таким образом, в 1991–2002 гг. произошло закрепление принципиально новой модели государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь – кооперационной модели или модели скоординированной сепарации.

Заключение

Как мы видим, в XX в. в Беларуси происходит смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений, в ходе которой произошел переход от модели религиозного государства в период Российской империи к модели секулярного государства в форме враждебной сепарации в БССР и кооперационной модели в Республике Беларусь.

Следует отметить, что процесс формирования государственно-конфессиональных отношений и их трансформации находился в сильной зависимости от общественно-политического и государственного положения белорусских земель. Нахождение в составе Российской империи и БССР в составе СССР определили унификацию правовой системы в рамках политического строя данных государств, несмотря на иную религиозную структуру и диверсификацию религиозных акторов. Так, учитывая абсолютистский характер государственного строя и задачу политической и идеологической интеграции земель Северо-Западного края в единое российское государство, в белорусских губерниях устанавливался общероссийский политико-правовой режим. В то же время процессы государственного строительства в БССР находились в сильной зависимости от политики РКП(б) и КПСС. Перед советским правительством стояла задача построения новой общественно-политической системы на принципах идеологии коммунизма, предполагающей сильную степень сепарации и идеологический монополизм, что и определило

модель государственно-церковных отношений в БССР. В связи с этим, основными факторами трансформации моделей государственно-конфессиональных отношений стали внешние факторы – политический кризис, революции 1905 и 1917 гг., трансформация политических систем на основе новых идеологических принципов и политических задач, геополитические изменения положения Беларуси, которые привели к изменению концептуальных подходов к положению религиозных акторов в государстве.

Особенности конфессиональной структуры Беларуси: высокий уровень религиозного сознания граждан, влияние религиозных организаций в обществе и в государстве, наличие конфессионального дуализма «православие – католицизм», диверсификация религиозной структуры общества на протяжении XX в. не только не принимались во внимание политическими кругами в процессе формирования государственно-конфессиональной системы, но и стали усугубляющим фактором, приведшим к установлению радикальной формы модели государственно-конфессиональных отношений и ее жесткой реализации на белорусских землях как в период Российской империи, так и в БССР. Кроме того, доминирование в религиозной структуре белорусского общества православия, в сильной степени аффилированного с государством до 1917 г., наличие римско-католического костела, оппонировавшего православию в религиозной сфере и государственной власти в политической – сдерживало развитие либерализации религиозной политики и во многом определяло общественно-политический дискурс с точки зрения православной церкви и ее интересов. Построение модели враждебной сепарации советским правительством также не основывалось на существующей религиозной системе общества и не принимало во внимание уровень религиозного сознания и религиозные традиции белорусского общества. Так, в 1964 г. религиозная обрядность в Брестской области сохранилась на уровне 59,4%, в отдельных районах Западной Беларуси – на уровне 80–70%³⁰. Таким образом, трансформации религиозной модели государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в начале XX в. – до 1991 г. проходили как сопутствующие изменения политической системы и были вызваны необходимостью сохранения стабильности политической системы во время революционных процессов 1905 и 1917 гг. и реализацией политических целей советского правительства.

В то же время формирование модели государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь проходило в условиях демократизации политических институтов, резкой активизации

³⁰ НАРБ. Ф. 952. Оп. 4. Д. 46. Л. 210–212.

религиозной жизни общества, отсутствия государственного давления над религиозной сферой. В связи с этим, на характер государственно-конфессиональных отношений в современной Республике Беларусь оказали преимущественное влияние внутренние факторы, прежде всего социокультурные факторы национальной и религиозной структуры общества с доминированием традиционных для Беларуси религиозных акторов – православной церкви, римско-католического костела, евангельско-лютеранского костела, иудаизма и ислама, а также высокая степень религиозности населения (в 2006 г. религиозными себя считали 59% граждан, квазирелигиозными – 5%, колеблющимися – 24%, неверующими – 12%)³¹. Ориентация на религиозные традиции и внутренние потребности белорусского общества при построении демократической Беларуси позволили сформировать кооперационную модель (модель скоординированной сепарации) государственно-конфессиональных отношений, наиболее валидную для политико-конфессиональной сферы белорусского общества.

Литература

- Балодис 2000 – *Балодис Р.* Религиозные организации и латвийское государство // Религия и право. 2000. № 6. С. 14–15.
- Довгяло 2012 – *Довгяло Н.В.* Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 77–81.
- Дьяченко 2003 – *Дьяченко О.* Пятидесятничество в Беларуси. Могилев, 2003. 188 с.
- Загідулін 2010 – *Загідулін А.М.* Беларускае пытанне ў польскай нацыянальнай і канфесійнай палітыцы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Гродна: ГрДУ, 2010. 183 с.
- Канфесіі 1998 – *Канфесіі на Беларусі / Рэд. У.І. Навіцкі.* Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.
- Лисовская 2021 – *Лисовская Т.В.* Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Брест: Альтернатива, 2021. 190 с.
- Лисовская 2022 – *Лисовская Т.В.* Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». 2022. № 1. С. 7–19.
- Мирошникова 1998 – *Мирошникова Е.М.* Государственно-церковные отношения в Германии // Религия и право. 1998. № 1–2 (4–5). С. 45–47.

³¹ Отчет о научно-исследовательской работе «Провести исследование территориальных особенностей конфессиональной структуры Беларуси...». С. 32–33.

- Никольская 2004 – *Никольская Т.К.* Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905–1917 гг.) // Богословские рассуждения. 2004. № 4. С. 163–181.
- Одинцов 2018 – *Одинцов М.И.* От государства конфессионального к государству светскому: российский путь: 1917–2017 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. статей. Вып. 14. Владивосток, 2018. С. 12–32.
- Понкин 2003 – *Понкин И.В.* Правовые основы светскости государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003. 416 с.
- Редькина 2010 – *Редькина О.Ю.* Основные принципы взаимоотношений государства и религиозных организаций в России: к истории вопроса // Общественные отношения в условиях становления гражданского общества в России: Сб. статей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 22–33.
- Сафонов 2011 – *Сафонов А.А.* Государство и церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М.: Изд-во Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ), 2011. С. 28–40.
- Феррари 1998 – *Феррари С.* Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель // Мировой опыт государственно-церковных отношений. М., 1998. С. 110–130.
- Яноўская 2002 – *Яноўская В.В.* Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мінск, 2002. 163 с.
- Янушевич 2005 – *Янушевич И.И.* Конфессиональная политика советского государства: уроки истории, 1917–1928 гг. Мн.: БГУ, 2005. 141 с.
- Fox 2005 – *Fox J.* Separation of religion and state in the 21st century. Comparing the Middle East and Western democracies // *Comparative Politics*. 2005. Vol. 37. No. 3. P. 317–335.
- Kettell 2013 – *Kettell S.* State religion and freedom. A comparative analysis // *Politics and Religion*. 2013. No. 6. P. 538–569.
- Krukowski 2000 – *Krukowski J.* Religia i wolność religijna w prawie Unii Europejskiej. Doświadczenia i perspektywę // *Materiały III Międzynarodowej konferencji “Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej”*. Warszawa, 2000. P. 217–231.
- Leustean 2008 – *Leustean L.N.* Challenges to church-state relations in contemporary Europe: introduction // *Journal of Religion in Europe*. 2008. No. 1. P. 247–250.
- Pietrzak 1995 – *Pietrzak M.* Prawo wyznaniowe. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1995. 298 s.
- Rex 2005 – *Rex A.* Models of religion-state relations // *Religious freedom in the liberal state*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 528 p.
- Robbers 2005 – *Robbers G.* State and Church in the European Union // *State and Church in the European Union* / Ed. by G. Robbers. Baden-Baden: Nomos, 2005. P. 577–589.
- Safian 2000 – *Safian M.* Wolność religijna w konstytucjach państw europejskich // *Materiały III Międzynarodowej konferencji “Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej”*. Warszawa, 2000. S. 43–75.

References

- Balodis, R. (2000), "Religious organizations and the Latvian state", *Religiya i pravo*, no. 6, pp. 14–15.
- Dovgvalo, N.V. (2012), "Legislative basis of the BSSR policy in the field of religion in 1924–1939", *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 77–81.
- D'yachenko, O. (2003), *Pyatidesyatnichestvo v Belarusi* [Pentecostalism in Belarus], Mogilev, Republic of Belarus.
- Ferrari, S. (1998), "Church and state in Western Europe. The Italian model", *Mirovoi opyt gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii* [World experience of state-church relations], Moscow, Russia, pp. 110–130.
- Fox, J. (2005), "Separation of religion and state in the 21st century. Comparing the Middle East and Western democracies", *Comparative Politics*, vol. 37, no. 3, pp. 317–335.
- Janoŭskaja, V.V. (2002), *Khrystsiyanskaya tsarkva ŭ Belarusi 1863–1914 gg.* [Christian Church in Belarus 1863–1914], Minsk, Republic of Belarus.
- Janushevich, I.I. (2005), *Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva: uroki istorii, 1917–1928 gg.* [Confessional policy of the Soviet state. Lessons from history, 1917–1928], Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Republic of Belarus.
- Kettell, S. (2013), State religion and freedom. A comparative analysis, *Politics and Religion*, no. 6, pp. 538–569.
- Krukowski, J. (2000), "Religia i wolność religijna w prawie Unii Europejskiej Doświadczenia i perspektywy", in *Materiały III Międzynarodowej konferencji "Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej"*, Warsaw, Poland, pp. 217–231.
- Leustean, L.N. (2008), "Challenges to church-state relations in contemporary Europe. Introduction", *Journal of Religion in Europe*, no. 1, pp. 247–250.
- Lisovskaya, T.V. (2021), *Pozdnii protestantizm v Zapadnoi Belarusi (1921–1939 gg.)* [Late Protestantism in Western Belarus (1921–1939)], Al'ternativa, Brest, Republic of Belarus.
- Lisovskaya, T.V. (2022), "The origin of the late Protestant movement in Belarus in the late 19th – early 20th centuries", *Herald of Omsk University. "Historical Studies" Series*, no. 1, pp. 7–19.
- Navitski, U.I., ed. (1998), *"Kanfesii na Belarusi"* [Confessions in Belarus], Ekaperspektyva, Minsk, Republic of Belarus.
- Nikolskaya, T. (2004), "Russian Protestantism at a stage of approval of the legalization strengthening (1905–1917)", *Bogoslovskie rassuzhdeniya*, no. 4, pp. 163–181.
- Miroshnikova, E.M. (1998), "State-church relations in Germany", *Religiya i pravo*, vol. 4–5, no. 1–2, pp. 45–47.
- Odintsov, M.I. (2018), "From a confessional state to a secular state. The Russian path. 1917–2017", *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskii i sovremennyi aspekt: Sbornik statei* [Freedom of conscience in Russia. Historical and modern aspects. Collected articles], iss. 14, Vladivostok, Russia, pp. 12–32.

- Pietrzak, M. (1995), *Prawo wyznaniowe*. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa, Poland.
- Ponkin, I.V. (2003), *Pravovye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya* [Legal foundations of secularism of the state and education], Pro-Press, Moscow, Russia.
- Red'kina, O.Yu. (2010), "Basic principles of relations between the state and religious organizations in Russia. On the history of the issue", in *Obshchestvennye otnosheniya v usloviyakh stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: sbornik statei* [Public relations in the conditions of the formation of civil society in Russia. Collected articles], Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Volgograd, Russia, pp. 22–33.
- Rex, A. (2005), "Models of religion-state relations", in *Religious Freedom in the Liberal State*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Robbers, G. (2005), "State and Church in the European Union", in Robbers, G., ed., *State and Church in the European Union*, Nomos, Baden-Baden, Germany, pp. 577–589.
- Safian, M. (2000), "Wolność religijna w konstytucjach państw europejskich", in *Materiały III Międzynarodowej konferencji "Religia i wolność religijna w Unii Europejskiej"*, Warsaw, Poland, pp. 43–75.
- Safonov, A.A. (2011), "State and church in imperial Russia. Legal aspects of the relationship, *Gosudarstvo, tserkov', pravo: konstitutsionno-pravovye i bogoslovskie problemy: IX Rumyantsevskie chteniya* [State, church, law. Constitutional, legal and theological issues. 9th Rumyantsev Conference]. Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo trgovno-ekonomicheskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 28–40.
- Zagidulin, A.M. (2010), *Belaruskae pytanne ŷ pol'skai natsyyanal'nai i kanfesiinai palitytsy ŷ Zakhodnyai Belarusi (1921–1939 gg.)* [Belarusian question in the Polish national and religious field of Western Belarus (1921–1939)], Grodnenskiy Derzhavnyi universitet, Grodno, Republic of Belarus.

Информация об авторе

Татьяна В. Лисовская, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; 220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, д. 4; Lisouskaya@bsu.by

ORCID ID 0000-0002-5562-8466

Information about the author

Tatsiana V. Lisouskaya, Cand. of Sci. (History), associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; 4, Nezavisimosty Av., Minsk, Republic of Belarus, 220030; Lisouskaya@bsu.by

ORCID ID 0000-0002-5562-8466

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 355.48(100)1914-/1918”

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-49-59

«Манифест девяноста трех» 1914 г. –
инструмент пропагандистской войны

Николай Н. Баранов

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, nikolaibaranov@urfu.ru*

Аннотация. Междисциплинарный потенциал интеллектуальной истории позволяет посредством изучения текста в контексте хорошо понять, какие позиции по отношению к войне, правительству, своему народу и военным противникам занимали под влиянием «августовского переживания», характерного для начального периода Великой войны, властители общественного мнения – писатели, ученые, деятели искусства и культуры. Однако обращение к коллективным инициативам – манифестам, открытым письмам, заявлениям, которые поддерживали и подписывали десятки и сотни людей связано с решением сложного комплекса вопросов. Это – проблемы авторства, мотивации, влияния индивидуальных политических и этических принципов на групповые решения, определения лидеров и маргиналов, сопоставление рациональных установок на достижение пропагандистского эффекта и неосознаваемых эмоций и т. д. В статье предпринята попытка дать ответы на эти вопросы на основе изучения обстоятельств появления и значения так называемого манифеста девяноста трех к культурному миру – подписанного видными немецкими интеллектуалами открытого письма с опровержением пропагандистских утверждений Антанты о немецких зверствах и разрушении культурных ценностей в Бельгии. Авторы пытались опровергнуть обвинения и подчеркнуть сугубо оборонительный характер действий немецких солдат. Однако пропагандистский эффект письма оказался обратным ожидаемому. Для общественного мнения стран Антанты оно стало символом идеологического и пропагандистского оправдания германской агрессии и послужило основанием для исключения немецких интеллектуалов из мирового академического сообщества.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, интеллектуальная мобилизация, пропаганда, культура

© Баранов Н.Н., 2024

Для цитирования: Баранов Н.Н. «Манифест девяноста трех» 1914 г. – инструмент пропагандистской войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 49–59. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-49-59

“Manifesto of the Ninety-Three” 1914 – a tool of propaganda war

Nikolai N. Baranov
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
nikolaibaranov@urfu.ru

Abstract. Interdisciplinary capacities of intellectual history make it possible, through studying the text in the context, to understand well what positions in relation to the war, the government, their people, and military opponents were occupied by the rulers of public opinion – writers, scientists, artists and cultural figures under the influence of the “August experience” characteristic of the initial period of the Great War. However, turning to collective initiatives – manifestos, open letters, statements that were supported and signed by dozens and hundreds of people is associated with solving a complex set of issues. They are those of authorship, motivation, the influence of individual political and ethical principles on group decisions, the definition of leaders and marginals, the comparison of rational attitudes to achieve a propaganda effect and unconscious emotions, etc. The article attempts to provide answers to the questions based on studying the appearance circumstances and significance of the so-called “Manifesto of the Ninety-Three to the Cultural World” – an open letter signed by prominent German intellectuals refuting the propaganda claims of the Entente about German atrocities and the destruction of cultural values in Belgium. The authors tried to refute the accusations and emphasize the purely defensive nature of the actions of the German soldiers. However, the propaganda effect of the letter turned out to be the opposite of what was expected. For the public opinion of the Entente countries, it became a symbol of the ideological and propagandistic justification of German aggression and served as the basis for the exclusion of German intellectuals from the world academic community.

Keywords: World War I, Germany, intellectual mobilization, propaganda, culture

For citation: Baranov, N.N. (2024), “ ‘Manifesto of the Ninety-Three’ 1914 – a tool of propaganda war”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 49–59, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-49-59

Введение

Драматичные, трагические, если не сказать катастрофические события последних лет, свидетельствующие и о радикальных переменах миропорядка, и об очевидной актуальности постимперского синдрома в отечественной политической культуре, актуализировали проблему публичных политических высказываний деятелей науки, культуры, искусства в поддержку или против определенных решений и действий власти. Индивидуальные и коллективные манифесты, обращения, открытые письма и прочее стали неотъемлемой и заметной частью публичного политического пространства. Эта традиция имеет сравнительно недавнюю историю и берет начало на рубеже XIX–XX вв., но особенно сильно она проявилась в начальный период Первой мировой войны.

В отличие от всех предыдущих войн, Первая мировая, или Великая война, стала не только пропагандистской войной, но и «войной интеллектуалов». Публичные выступления и воззвания ученых, философов, писателей, деятелей искусства придавали первому глобальному конфликту индустриальной эпохи характер «войны за культуру» и ставили своей целью воздействовать на общественность как внутри страны, так и за ее пределами. По аналогии с понятием «тотальной мобилизации» [Юнгер 2000], к Первой мировой войне можно применить понятие «интеллектуальной мобилизации» [Flasch 2000]. По мнению А.В. Михайловского, «война предъявила повышенные требования к “представителям духа”, и то, насколько эффективным оказался их ответ на вызовы времени, несомненно, является одним из важных показателей степени и характера модернизации страны и общества» [Михайловский 2014, с. 129]. При этом вслед за немецкими исследователями хотелось бы подчеркнуть принципиальное отличие понятия «интеллектуал» от привычного «интеллигенция» или принятого в Германии «бильдунгсбюргертум» [Pohl 1997]. Выдающийся немецкий социолог М.Р. Лепсиус утверждал: «Интеллектуалы – это не люди с какими-то личными особенностями, а люди, которые делают нечто определенное» [Lepsius 2009, S. 270]. В традиции М. Вебера Г. Хюбингер определяет миссию интеллектуалов следующим образом: интеллектуалы обязаны выполнять важные общественные функции, а именно, «формулировать мировоззренческие ценности, выступать за рациональную организацию социального порядка и систематизацию индивидуальных жизненных моделей» [Hübinger 1993, S. 202].

Интеллектуалы стали приобретать значительный вес в общественной жизни на рубеже XIX–XX вв. в первую очередь в связи

со «структурным изменением публичности» [Хабермас 2016], вызванным глубокими переменами всех сторон жизни такими, как прогрессирующая демократизация и одновременно политическая мобилизация практически всех социальных слоев, формирование основ массового общества, широкое распространение образования, развитие доступных средств массовой информации.

Появление интеллектуала как влиятельного действующего лица в политическом пространстве национального и европейского масштаба впервые манифестировалось во Франции, когда 13 января 1898 г. Э. Золя опубликовал в газете «Орор» свое знаменитое письмо на имя президента Франции Ф. Фора под заголовком «Я обвиняю!». В нем Золя выступил против незаконного приговора, вынесенного военным судом офицеру А. Дрейфусу по подозрению в шпионаже и против распространенных в обществе антисемитских настроений. Письмо приобрело широкую известность в культурном мире и во многом стало образцом для подражания.

В Германии первые признаки вовлеченности интеллектуалов в политические процессы были амбивалентными. С одной стороны, так называемые флотские профессора – историк Д. Шеффер, экономисты Э. Леви фон Галле и М. Зеринг с 1897 г. в прессе и публичных выступлениях активно поддерживали кораблестроительную программу адмирала А. Тирпица. Галле даже получил должность в бюро информации имперского военно-морского ведомства с задачей «научного обоснования» необходимости создания флота открытого моря.

С другой стороны, в связи с обсуждением в рейхстаге инициированного самим императором Вильгельмом II проекта так называемого «закона Хайнце», который предусматривал ужесточение цензуры театральных постановок и прочих публичных выступлений, многочисленные деятели культуры и науки объединились в марте 1900 г. в общественную организацию «Гётебунд». Они направляли свои усилия на объединение всех интеллектуальных и творческих сил Германии для защиты свободы искусства и науки. И те и другие использовали доступные средства для трансляции своих взглядов, прежде всего через прессу и публичные мероприятия [Ungern-Sternberg 2013, S. 12].

Основная часть

Начало Первой мировой войны сопровождалось «войной умов» невиданного размаха. С самого первого дня обе воюющие стороны боролись за то, чтобы привлечь на свою сторону страны, которые

в начале войны оставались нейтральными. Сначала это была Италия, затем – скандинавские государства, Нидерланды, Швейцария, Испания и Португалия, Греция, но прежде всего США. Обе стороны, конечно, пытались доказать, что сражаются за справедливое дело. Эта идеологическая война между немецкими интеллектуалами и их оппонентами была невозможна без сформированного в предшествующие годы образа «другого», а также имевшегося в наличии разнообразного пропагандистского инструментария, вроде популярной у многих европейских и русских критиков идеи «двух Германий» (условно говоря, «Германии Гёте» и «Германии Бисмарка») [Михайловский 2014, с. 131]. Державы Антанты, особенно французы, с самого начала пытались выставить немцев в целом как «варваров» или «гуннов». Тон задал философ Анри Бергсон, который, будучи президентом Академии моральных и политических наук, 8 августа 1914 г. говорил о войне «цивилизации против варварства» и объявил «простой научной обязанностью» подчеркивать, «что жестокость и цинизм Германии, ее презрение ко всякой справедливости и всякой истине означали возвращение к состоянию дикарей» [Ungern-Sternberg 2013, S. 18]. Британцы со своей стороны продемонстрировали высокий уровень организации. 2 сентября 1914 г. Чарльз Мастерман, глава Бюро военной пропаганды, организовал встречу писателей в «Веллингтон-хаусе» с просьбой оказать содействие в идеологической борьбе. Во встрече участвовало два десятка человек, в том числе А. Конан Дойл, Дж. Мэйсфилд, Т. Харди и Г. Уэллс. Р. Киплинг прислал свои извинения, но пообещал оказать всестороннюю помощь. 18 сентября в «Таймс» 53 английских писателя опубликовали манифест «Судьба и долг Британии. Заявление авторов. Праведная война». Тем самым была развязана антигерманская пропагандистская кампания. Она была спровоцирована бомбардировкой Реймского собора и разрушением ряда других памятников европейского искусства, но более всего – бессудным убийством 248 человек и гибелью библиотеки католического Лувенского университета 25 августа 1914 г. на территории оккупированной Бельгии. По мнению А.В. Михайловского, «она давала повод для обличения немцев в варварстве, которое всегда скрывалось под тонким наносным слоем образованности и культурности и теперь вырвалось наружу, продемонстрировав всему цивилизованному миру волю к разрушению современного Аттилы» [Михайловский 2014, с. 131].

Немцы в этом отношении вынуждены были держать оборону и одновременно искали возможность убедительной реакции. Опыт «августовского переживания» сплотил общество, хотя и не настолько сильно, как пыталась убедить официальная пропаганда. Тем не

менее «идеи 1914 года» доминировали в общественном сознании [Verhey 2000]. Человек оказывался изолированным в мире врагов, он защищал немецкую культуру от восточного варварства, от унижений западной цивилизации и от духа английского лавочника. Кроме того, война выступала спасением от культурного опустошения, от массового социального материализма, от паралича идеалистических порывов. Основным настроением в среде ведущих интеллектуалов и представителей художественного авангарда было освобождение от внутреннего застоя и возмущение невыносимыми враждебными обвинениями. С подачи известной консервативной газеты «Кройццайтунг» приобрел популярность термин «бургфриден» – гражданский мир, обозначающий прекращение внутренних распрей и национальное сплочение¹.

Ответом немецких ученых и писателей стал «манифест девятности трех», обращенный «К культурному миру». Он был опубликован 4 октября 1914 г. как обращение, подписанное 93 немецкими писателями, учеными и художниками с опровержением обвинений Антанты, направленных против немецкого «милитаризма» и зверств, совершаемых немецкой армией, особенно в оккупированной нейтральной Бельгии.

Судьба этого документа примечательна. С самого начала он воспринимался как инструмент и яркий пример пропагандистской войны. В 1916 г. текст был опубликован в переводе на русский язык под названием «Манифест 93 ученых. Призыв к цивилизованному миру» в сборнике «Две культуры: (к философии нынешней войны)»². Он неоднократно упоминается в трудах, посвященных «духу 1914 г.» и «августовскому переживанию» [Verhey 2000], «мобилизации духа» [Flasch 2000]. Однако предметное изучение обстоятельств появления, содержания, влияния, восприятия и значения манифеста предпринял в свое время только один человек – профессор древней истории в университете Базеля Ю. фон Унгерн-Штернберг [Ungern-Sternberg 2013]. Из современных отечественных исследователей к этому источнику обращался лишь А.В. Михайловский в статье, посвященной сравнительному анализу вовлеченности немецких и российских интеллектуалов в пропагандистские кампании периода Великой войны [Михайловский 2014].

Побудительным мотивом к созданию манифеста стала статья «Эффект английской лжи» в газете «Берлинер Тагеблатт» от 9 сен-

¹ См.: Neue Preußische Zeitung. 1914. No. 367.

² См.: *Бычковский Б.С.* Две культуры: (к философии нынешней войны). Пг.: 1916. С. 122–130.

тября 1914 г., где говорилось о том, как британская антигерманская пропаганда успешно распространяется в нейтральной Дании. Ответная инициатива формировалась по двум формально независимым друг от друга направлениям. С одной стороны, предприниматель Э. Бухвальд из патриотических побуждений в порядке частной инициативы предложил дать ответ активному участнику «Гетебунда» писателю Г. Зудерману. С другой стороны, сторонником активной контрпропаганды был начальник разведывательного управления имперского военно-морского ведомства капитан Г. Лейльн, который имел тесные контакты с журналистом Л. Фульдой, археологом и представителем министерства иностранных дел Т. Вигандом и вторым бургомистром Берлина Г. Райке. Причем все трое состояли в «Гетебунде». При участии Зудермана Фульда написал текст, который Райке риторически заострил в соответствии с традицией 95 тезисов Лютера. Шесть абзацев манифеста начинались с эмоционально окрашенной фразы «это неправда» и были направлены «против лжи и клеветы, с помощью которых наши враги Германии упорно стремятся запятнать чистое дело серьезной борьбы за существование» [Ungern-Sternberg 2013, S. 194]. 9 сентября 1914 г. началась кампания по сбору подписей под манифестом. Инициаторы первоначально рассчитывали на поддержку 40–50 человек. Намеренно исключались из числа подписантов, с одной стороны, политики, промышленники и высокопоставленные чиновники, а с другой – последовательные пацифисты, такие как А. Эйнштейн, Ф.В. Ферстер и Г. Гессе. Связь с потенциальными подписантами осуществлялась в основном по телеграфу.

Подписи под манифестом поставили нобелевские лауреаты – физик В. Рентген, философ Р. Ойкен, химик Р. Вильштеттер, будущий нобелевский лауреат М. Планк, историки А. фон Гарнак и Э. Майер, юрист-международник Ф. фон Лист, экономист Л. Брентано, зоолог Э. Геккель, художники М. Либерман и М. Клиндер, философ В. Виндельбанд, антиковед У. фон Виламовиц-Меллендорф, композитор Э. Хампердинк. Единственным профессиональным политиком, подписавшим манифест, оказался депутат рейхстага бывший пастор Ф. Науман.

Известно наверняка, что только один человек – математик Д. Гильберт сразу отказался подписать манифест. Большинство согласилось поддержать манифест по телеграфу, не видя полного содержания текста. Оглядываясь назад, некоторые были неприятно удивлены. Здесь сыграла свою роль практика протестной работы «Гетебунда». Его члены привыкли мобилизоваться на коллективные действия именно таким образом. Привычная форма протестов против цензурных ограничений сыграла в данном случае фатальную

роль. Однако ясно то, что это была декларация не крайних националистов и не «пангерманистов», а либералов. Данное обстоятельство не снижает ответственности подписавшихся, однако обозначает их стремление подчеркнуть патриотический и верный государству дух. Кроме того, очевидно существенное несоответствие между истинной или мнимой наивностью интеллектуалов и хладнокровно спланированной пропагандистской кампанией.

В Германии призыв первоначально нашел отклик и поддержку со стороны значительной части общественности, хотя вскоре появились некоторые критические голоса. Однако попытка врача-пацифиста Г.Ф. Николаи инициировать «Обращение к европейцам» провалилась из-за практически полного отсутствия поддержки. Его текст подписали, включая его самого, всего четыре человека, в том числе А. Эйнштейн и астроном В. Ферстер, который поначалу поддержал «Манифест девяноста трех» [Ungern-Sternberg 2013³, S. 205]. «Профессорское воззвание» было переведено на 10 языков и распространено в 14 странах. Оно подчеркивало роль Германии как носительницы культуры, отводило обвинения в «зверствах» немецких солдат, настаивало на оборонительном характере войны. «Без нашего милитаризма, – провозглашалось в воззвании, – немецкая культура была бы стерта с лица земли. На защиту этой культуры возник милитаризм из ее недр... Немецкое войско и немецкий народ составляют одно целое. Это сознание братски соединяет ныне 70 млн немцев без различия уровня образования, сословий и партий».

Манифест стал отправной точкой хорошо организованной пропагандистской кампании. Вскоре последовали новые публичные заявления подобного характера. Сначала текст за подписями ректоров 20 классических университетов, затем – 16 октября 1914 г. заявление преподавателей 53 высших учебных заведений, под которым было собрано свыше 3 тыс. подписей [Leonard 2018, S. 243].

Заключение

Подведем некоторые итоги. Работа с источником мало что может сказать о мотивации подписантов. Были ли это искренний патриотизм, выражение верности монарху и государству, корпоративная солидарность, вера в безусловное превосходство немецкой духовной культуры над механической цивилизацией Запада. Несомненно одно. Вне зависимости от намерений интеллектуалов ма-

³Бычковский Б.С. Указ. соч. С. 125.

нифест стал оружием пропагандистской войны. Однако его эффективность оказалась не просто недостаточной, а даже имела эффект прямо противоположный тому, что ожидалось. Обращение было истолковано общественностью стран Антанты как предательство со стороны немецких интеллектуалов универсальных академических и моральных норм, как символ немецкого варварства, против которого подписанты хотели протестовать. После окончания войны немецкая наука институционально и индивидуально подвергалась стигматизации со стороны победителей именно на основании «Манифеста девяноста трех». Это обстоятельство наряду с пресловутой ст. 231 Версальского договора, возлагавшей на Германию единоличную ответственность за развязывание войны, обусловило стремление к реваншу. Борьба против того и другого помешала людям в Германии должным образом осознать свою роль в развязывании войны и распаде международного научного сообщества.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия»).

Aknowlegements

The work was carried out within the grant of the Russian Science Foundation (Project № 22-28-00201 “The gender factor of political mobilization under the conditions of the First World War. Russia, France, Germany”).

Литература

- Михайловский 2014 – *Михайловский А.В.* Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт // Вопросы национализма. 2014. № 3 (19). С. 129–151.
- Хабермас 2016 – *Хабермас Ю.* Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
- Юнгер 2000 – *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. 537 с.
- Flasch 2000 – *Flasch K.* Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Ein Versuch. Berlin: Alexander Fest Verlag, 2000. 447 S.

- Hübinger 1993 – *Hübinger G.* Die Intellektuellen im wilhelminischen Deutschland. Zum Forschungsstand // Intellektuelle im deutschen Kaiserreich / Hg. von G. Hübinger, W. Mommsen. Frankfurt a/M.: Geschichte Fischer, 1993. 246 S.
- Leonard 2018 – *Leonard J.* Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs. München: C.H. Beck Verlag, 2018. 1168 S.
- Lepsius 2009 – *Lepsius M.R.* Interessen, Ideen und Institutionen. Wiesbaden: VS Verlag, 2009. 304 S.
- Pohl 1997 – *Pohl K.H.* Liberalismus und Bürgertum 1880–1918 // Historische Zeitschrift. 1997. Bd. 17. S. 231–292.
- Ungern-Sternberg 2013 – *Ungern-Sternberg J., Ungern-Sternberg W.* Der Aufruf “An die Kulturwelt!”. Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg., Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2013. 381 S.
- Verhey 2000 – *Verhey J.* The spirit of 1914. Militarism, myth, and mobilization in Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 268 p.

References

- Flasch, K. (2000), *Die geistige Mobilmachung. Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg. Ein Versuch*, Alexander Fest Verlag, Berlin, Germany.
- Hübinger, G. (1993), “*Die Intellektuellen im wilhelminischen Deutschland. Zum Forschungsstand*”, in Hübinger, G. and Mommsen, W., eds., *Intellektuelle im deutschen Kaiserreich*, Geschichte Fischer, Frankfurt am Main, Germany.
- Khabermas, Yu. (2016), *Strukturnaya transformatsiya publichnoi sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuznogo obshchestva* [Structural transformation of the public sphere. Studies regarding the category of bourgeois society], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Leonard, J. (2018), *Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs*, C.H. Beck Verlag, München, Germany.
- Lepsius, M.R. (2009), *Interessen, Ideen und Institutionen*, VS Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Mikhailovskii, A.V. (2014), *Uspekhi i neudachi “intellektual'noi mobilizatsii”: germanskii i rossiiskii opyt* [Successes and failures of “intellectual mobilization”. German and Russian experience], *Voprosy natsionalizma*, vol. 19, no. 3, pp. 129–151.
- Pohl, K.H. (1997), “*Liberalismus und Bürgertum 1880–1918*”, *Historische Zeitschrift*, Bd. 17, S. 231–292.
- Ungern-Sternberg, J. and Ungern-Sternberg, W. (2013), *Der Aufruf “An die Kulturwelt!”. Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg*, Peter Lang, Frankfurt am Main, Germany.
- Verhey, J. (2000), *The spirit of 1914. Militarism, myth, and mobilization in Germany*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Yunger, E. (2000), *Rabochie. Gospodstvo i geshtalt'; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Dominance and Gestalt. Total mobilization. About pain], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Николай Н. Баранов, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; nikolaibaranov@urfu.ru
ORCID ID: 0000-0001-9998-0843

Information about the author

Nikolai N. Baranov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; 19, Mira St., Ekaterinburg, Russia, 620002; nikolaibaranov@urfu.ru
ORCID ID: 0000-0001-9998-0843

Введение военного положения
в Великом княжестве Финляндском
в проектах российских учреждений
и должностных лиц (1907–1911 гг.)

Александра Ю. Бахтурина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, b-a-t13@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены проекты введения военного положения в Великом княжестве Финляндском после окончания первой русской революции в 1907–1911 гг. и дискуссии в правящих верхах по этому вопросу. Анализируются причины, вызывавшие желание бюрократических верхов ввести в Княжестве военное положение. На основании документов из фондов АВПРИ, ГАРФ, РГИА и опубликованных источников делается вывод о том, что введение военного положение связывалось с необходимостью борьбы с российским революционным движением, участники которого активно использовали особенности особого статуса Финляндии, скрываясь от российской полиции и жандармерии. Сравниваются взгляды Николая II, великого князя Николая Николаевича, П.А. Столыпина, А.Ф. Зейна, В.Н. Коковцова на возможность введения военного положения в Финляндии. Их мнения, а также позиция представителей министерств, показывают, что введение военного положения всегда рассматривалось российской стороной как крайняя мера, нежелательный и неэффективный способ государственного управления Великим княжеством. Именно поэтому, несмотря на сложные политические обстоятельства, оно не было введено и официальный Петербург стремился к решению проблем путем переговоров.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, военное положение, Николай II

Для цитирования: Бахтурина А.Ю. Введение военного положения в Великом княжестве Финляндском в проектах российских учреждений и должностных лиц (1907–1911 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 60–72. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-60-72

The introduction of martial law
in the Grand Duchy of Finland
in the projects of Russian institutions
and officials (1907–1911)

Aleksandra Yu. Bakhturina
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, b-a-t13@mail.ru*

Abstract. The article considers the projects of the introduction of martial law in the Grand Duchy of Finland after the end of the first Russian Revolution in 1907–1911 and the discussions in the ruling circles on that issue. It analyzes the reasons for the desire of the bureaucratic elite to introduce martial law in the Principality. Based on documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Russian Foreign Ministry, the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive funds and published sources, it is concluded that the introduction of martial law was associated with the need to fight the Russian revolutionary movement, whose participants actively used the Finland's special status when hiding from the Russian police and gendarmerie. A comparison is made of the positions of Nicholas II, Grand Duke Nikolai Nikolaevich, P.A. Stolypin, A.F. Zein, V.N. Kokovtsov regarding the possibility of martial law in Finland. Their views, as well as the position of representatives of the ministries, show that the imposition of martial law has always been considered by the Russian side as an extreme measure, an undesirable and ineffective way of governing the Grand Duchy. That is why, despite the difficult political circumstances, it was not introduced and official St. Petersburg sought to resolve issues through negotiations.

Keywords: The Grand Duchy of Finland, P.A. Stolypin, V.N. Kokovtsov, martial law, Nicholas II

For citation: Bakhturina, A.Yu. (2024), "The introduction of martial law in the Grand Duchy of Finland in the projects of Russian institutions and officials (1907–1911)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political science. History. International relationships" Series*, no. 1, pp. 60–72, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-60-72

Введение

Взаимоотношения имперского правительства с Великим княжеством Финляндским существенно осложнились с началом первой русской революции. Революционное движение в России и активизация левых сил в Финляндии, с точки зрения власти, представляли

серьезную опасность для государства. Защищенность российских революционеров от полицейской власти и антиправительственная деятельность финляндской радикальной организации «Войма» вызвали особое беспокойство российских властей и официального Петербурга. В отечественной историографии российское и финляндское революционное движение долгое время рассматривалась в контексте истории деятельности партии большевиков [Дашков 1980; Коронен 1983] в позитивном ключе. В последние годы стало анализироваться его дестабилизирующее влияние на политическую ситуацию, государственную безопасность в Петербурге и России в целом [Бахтурина 2009; Мусаев 2004]. Зарубежная, особенно современная финляндская, историография не обходит вниманием этот сюжет, но крайне осторожно подходит к оценке деятельности левых политических сил в Финляндии, ограничиваясь или констатацией факта их деятельности или полностью отрицая ее антиправительственную составляющую [Клинге 2005, с. 491–492; Куяла 2010; Юссилла, Хентилля, Невакиви 2010; Luntinen 1997]. В этом контексте представляют несомненный интерес действия Совета министров, министерств, государственных деятелей и отдельных должностных лиц, направленные на стабилизацию ситуации, включая неоднократные попытки введения военного положения в Великом княжестве Финляндском в 1907–1911 гг.

Революционное движение в Выборгской губернии и проект введения военного положения в 1907 г.

В годы первой русской революции радикальные политические силы Российской империи и Финляндии объединялись против общего врага – самодержавия. На территории Финляндии находили убежище представители различных политических партий, преследуемые российской полицией. Был организован переезд нелегалов через Финляндию в Швецию. По воспоминаниям А.Ф. Нуортевы, «мы располагали официальными печатями многих русских губернских учреждений, настоящими бланками документов» для того, чтобы обеспечить революционеров иностранными паспортами¹. Но наиболее ярко проблема проявилась в восстаниях 30 июля – 2 августа 1906 г. в Свеаборгской крепости и матросов Скаутденского полуострова, поддержанных финляндскими рабочими и финляндской Красной гвардией. Объединение российского и финляндского антиправительственного движения было крайне

¹ Ленин в воспоминаниях финнов. М.: Политиздат, 1979. С. 49.

опасным явлением и, по мнению российского министерства внутренних дел, требовало немедленного расширения прав российской полиции и жандармерии в княжестве, а также ограничения ввоза оружия в Финляндию, что в середине 1906 г. представляло серьезную проблему. 24 августа императорским высочайшим повелением был запрещен на один год ввоз в Финляндию нарезных ружей, револьверов и пистолетов². Вступив на пост премьер-министра, П.А. Столыпин и подчиненное ему Министерство внутренних дел (МВД) вели длительные переговоры с финляндским Сенатом, добиваясь официальной поддержки действий российской полиции на финляндской территории. В итоге был издан циркуляр гражданской экспедиции Сената от 4 ноября 1906 г. о порядке обысков, арестов и выдачи революционеров российским властям, которым финляндская полиция обязывалась по указанию российской обыскивать или арестовывать российских подданных. Но, по мнению премьер-министра, практического значения циркуляр не имел [Бахтурина 2009].

В марте 1907 г. прошли выборы в финляндский Сейм на основе нового сеймового устава 1906 г., по итогам которых большинство мест получили социал-демократы. Наряду с победой социал-демократов в Сейме усилились позиции шведской и младофинской партий. Победа блока конституционалистов и младофиннов, по оценкам российского Генерального штаба, подталкивала Сейм к активным действиям. По агентурным данным Генерального штаба, представители младофиннов заявляли о необходимости соединить усилия с российской оппозицией, чтобы «воспользоваться» ее силами «для достижения своих личных целей»³. Помимо радикализации Сейма после выборов были и иные проблемы, в том числе наличие существенных запасов оружия на финляндской территории. Хотя по агентурным данным, благодаря введенным в августе 1906 г. запретам, ввоз оружия из-за границы был прекращен, но оставались значительные запасы оружия, например, в Таммерфорсе, вплоть до тяжелых орудий⁴. Все это весьма осложнило российско-финляндские отношения.

30 января 1907 г. Николай II назначил заседание совещания для обсуждения мер в отношении Финляндии. В разработке этих мер приняли участие различные российские ведомства. Члены специально образованной межведомственной комиссии под предсе-

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1906. Т. 26. № 28 267. С. 823.

³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 257. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 10.

дательством контр-адмирала И.Ф. Бострема предложили ряд мер, направленных на прекращение ввоза оружия через Финляндию и активность российских революционных деятелей. Одним способом для решения проблемы члены комиссии считали возможным закрытие финляндских портов. И если сама идея не вызвала принципиальных возражений, то правовое обоснование таких действий требовалось. Члены комиссии предложили два варианта. Первый – ввести в Финляндии действие правил о местностях, состоящих на военном положении, и на этом основании закрыть порты. Вторым вариантом был предложен МИД. Его представители считали, что особый статус Финляндии не дает оснований для подобных действий и с правовой точки зрения необходимо объявить Финляндию воюющей стороной и получить максимальную свободу действий [Бахтурина 2009]. Варианты комиссии Бострема и МИДа были рассмотрены в начале февраля 1907 г. на совещании в присутствии Николая II⁵. Император и главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич сразу отвергли предложения МИДа «по моральным соображениям»⁶. В итоге участники совещания решили, что автономный статус Великого княжества не является препятствием для введения военного положения.

Наиболее проблемной территорией была признана Выборгская губерния. Именно там, в непосредственной близости от столицы, действовали российские революционеры и именно там они оказывались вне досягаемости царской полиции. Именно там проводились нелегальные встречи представителей российской оппозиции и скрывались от преследований революционные деятели. Поэтому в начале 1907 г. решение о введении военного положения в Финляндии носило локальный характер и должно было затронуть только эту территорию. Несмотря на принятое решение, царское правительство к активным действиям не перешло, пытаясь вести переговоры с финляндской администрацией. В июле 1907 г. были продлены ограничения на ввоз оружия в Финляндию, введенные в 1906 г.⁷ Также не исключалась возможность сотрудничества с местной финляндской администрацией. С января 1908 г. должно было увеличиться жалование коронных ленсманов⁸. Но в ноябре

⁵Переписка Николая II и П.А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 107.

⁶АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 278/279. Л. 2–4.

⁷Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1907. Т. 27. № 29 428. С. 473.

⁸Там же. № 29 429. С. 474.

1907 г. Особое совещание вновь вернулось к обсуждению этого вопроса. Мнения его членов разделились. Часть их них считала, что достаточно расширить полномочия чинов Отдельного корпуса жандармов, но большинство настаивало на том, что без объявления Выборгской губернии на военном положении эта мера ничего не даст. Переписка Николая II и Столыпина по этому вопросу весьма определенно указывает на то, что предложения по введению военного положения выдвинул именно премьер-министр. 9 ноября император написал ему, что «с предположениями Вашими относительно предстоящих распоряжений по Финляндии я согласен»⁹. Планируемые мероприятия включали не только введение военного положения в Выборгской губернии, но и назначение выборгского военного генерал-губернатора. Николай II поручил Столыпину разработать текст указа и правительственного сообщения, «в которых нужно ясно и определенно изложить причины объявления Выборгской губернии на военном положении»¹⁰, главной целью которого должно было стать проведение массовых арестов российских революционных деятелей, «свивших», по выражению Столыпина, «революционное гнездо» под Петербургом¹¹. По воспоминаниям начальника дворцовой охранной агентуры А.И. Спиридовича, в 1907 г. центр одной из боевых организаций эсеровской партии находился в Финляндии, где «в полной безопасности от русских властей зарождались, обсуждались и разрабатывались грандиозные террористические акты... оттуда совершались налеты на Петроград и поражали власть своею смелостью и неожиданностью»¹². Одновременно было принято решение об отставке либерального финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда.

Информация о готовящемся введении военного положения распространилась невероятно быстро. На следующий день, 10 ноября, Столыпин сообщил Николаю II о том, что «революционеры осведомлены о решении, касающемся Выборгской губернии, вследствие чего часть их уже выехала оттуда»¹³. Николай II с сожалением ответил: «Какая неприятная досада, что приходится откладывать решенное крупное дело. Не понимаю, каким образом могли разгла-

⁹ Переписка Николая II и П.А. Столыпина... С. 115.

¹⁰ Там же.

¹¹ Красный архив. 1924. № 5. С. 115.

¹² *Спиридович А.И.* Революционное движение в России: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С. 358–359.

¹³ Россия и независимость Финляндии: 1899–1920: Сборник документов / Сост. М.В. Зеленев, П. Хакала. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2021. С. 793.

ситься слухи? Неужели наша русская болтливость?»¹⁴ Столыпин считал, что болтливость тут ни при чем, скорее, оказалось невозможным скрыть военные приготовления. Он предложил отложить «всю операцию на несколько недель, дабы дать революции вновь осесть в Выборгской губернии»¹⁵. За это время Столыпин предлагал довести подготовку военного положения до конца, но «затем приостановиться и дать окончательный сигнал через несколько недель, когда революционеры успокоятся»¹⁶. Николай II согласился.

Дальнейшие действия Столыпина достаточно убедительно свидетельствовали о том, что крайних мер стремились избежать. Возобновились переговоры Столыпина с министром статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофом о правах российской полиции и жандармерии. 22 декабря 1907 г. премьер-министр встретился с Герардом и Лангофом. Во время встречи, ссылаясь на Николая II, Столыпин заявил, что в случае дальнейшего неподчинения финнов решено действовать военной силой. Итоги встречи премьер подвел так: «По-видимому, в Гельсингфорсе начинают понимать, что это не пустые угрозы», «дело принимает удовлетворительный оборот»¹⁷. Российской полиции удалось арестовать руководителя эсеровского боевого отряда в Финляндии А.Д. Трауберга и других ее членов¹⁸. Это ослабило революционную активность и военное положение в Выборгской губернии введено не было, но Николай II распорядился установить по границам Финляндии военный кордон.

Кризис исполнительной власти в Великом княжестве Финляндском и возобновление дискуссий о военном положении

В 1905–1906 гг. было отменено или приостановлено действие законов, ограничивавших финляндскую автономию. При этом наибольшую сложность представлял вопрос об организации законодательного процесса. Отказ от положений манифеста 1899 г., обеспечивавших распространение общегосударственного законодательства на Великое княжество Финляндское, подводил к

¹⁴ Красный архив. 1924. Т. 5. С. 116.

¹⁵ Россия и независимость Финляндии: 1899–1920... С. 793.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Из переписки П.А. Столыпина и Николая Романова // Красный архив. 1928. № 5. С. 81.

¹⁸ *Стиридович А.И.* Указ. соч. С. 363.

необходимости восстановить старую практику административного законодательства. В 1908 г. царское правительство предприняло попытку вернуться к практике согласования общеимперских и финляндских законов в административном порядке при помощи договоренностей между императором, финляндским Сеймом и Сенатом. Но, поскольку одним из итогов первой русской революции стал стабильный рост влияния социал-демократов в финляндском Сейме, возвращение к практике административных соглашений в 1908 г. было затруднено. Потенциально это было возможно только при наличии компромиссного соглашения царского правительства с представителями крупных финляндских политических партий.

В январе 1908 г. старофинны – представители правого крыла старофинской партии – попытались вернуть себе утраченное политическое положение при помощи российского правительства. Один из видных старофиннов Ю.Р. Даниельсон-Кальмари посетил помощника финляндского генерал-губернатора А.Ф. Зейна. По итогам состоявшегося разговора Зейн представил Столыпину записку, где писал, что старофинская партия готова вступить в открытую борьбу со шведской народной партией. Они рассчитывали на помощь правительства Столыпина в смене состава финляндского Сената. В связи с этим Зейн составил список требований к старофиннам в обмен на поддержку российского правительства, в том числе старофинны должны были гарантировать отстранение Сейма от решения важнейших общегосударственных вопросов и принять меры против революционного движения в крае¹⁹. Но предложения Зейна остались без ответа.

Идея возможного соглашения с российским правительством была не чужда и представителям конституционалистов. В начале 1908 г. финляндская печать пропагандировала идею смешанной «русско-финляндской конференции», указывая, что это лучший путь для упорядочения отношений.

Возвращение к практике административного законодательства затруднялось не только положением финляндской стороны. Создание Совета министров, Государственной думы и реформирование Государственного совета требовало распространения компетенции этих органов на финляндский законодательный процесс. 20 мая (2 июня) 1908 г. был издан закон «о порядке направления финляндских дел, касающихся интересов империи»²⁰, согласно которому все финляндские дела, до доклада их императору, подлежали

¹⁹ РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–5об.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1908. Т. 28. № 30 379. С. 267–268.

рассмотрению в Совете министров. Основную проблему составлял вопрос об определении границы между общеимперским и местным финляндским законодательством, которая на тот момент оказалась неразрешимой.

6 (19) июня 1908 г. члены финляндского Сената высказались против данного закона, считая, что российские представительные и исполнительные органы не могут участвовать в финляндском законодательном процессе. В марте 1909 г. сенаторы-конституционалисты подали в отставку. 17 (30) сентября истек срок полномочий членов Хозяйственного департамента финляндского Сената и оставшиеся сенаторы также вышли в отставку. Накал страстей вокруг закона 1908 г. и отставки финляндского Сената ярко демонстрировала периодическая печать. В финляндской печати активно продвигалась мысль о том, что общего законодательства в России и Финляндии быть не может, а общие интересы возможны только в области международных отношений²¹. Российское «Новое время» оценивало эти заявления как «шум и крики неистовствующих сепаратистов»²².

Кризис исполнительных учреждений Великого княжества Финляндского вновь подтолкнул обсуждение вопроса о военном положении. В связи с полной отставкой Сената Столыпин обратился в военное министерство с просьбой отправить в Финляндию дополнительные войска. С этим был согласен Николай II. 26 сентября 1909 г. он телеграфировал Столыпину из Ливадии: «Раз они (сенаторы. – А. Б.) позволяют себе демонстративно уходить – Сенат фактически упраздняется... Безусловно разделяю Ваш взгляд о необходимости указания количества войск в Финляндии. Уполномочиваю Вас переговорить об этом с военным министром и генералом Гезенкампофом на предмет немедленного приведения этой меры в исполнение»²³. Но военное министерство и штаб Петроградского военного округа высказались против, считая, что делать это следует только в случае активных антиправительственных выступлений. Возражал и министр юстиции М.Г. Акимов, считавший, что военное положение не может быть средством управления.

В результате в сентябре 1909 г. царское правительство пошло по пути мирного решения проблемы. Финляндский генерал-губернатор В.А. Бекман предложил назначить новыми сенаторами лиц, находившихся на имперской службе, но имеющих финляндское гражданство, поскольку его наличие было обязательным для чле-

²¹ Обзор печати о Финляндии. СПб., 1911. С. 47, 50.

²² Новое время. 1909. 15 июня.

²³ П.А. Столыпин: Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 345–346.

нов финляндского Сената. Столыпин поддержал Бекмана. 27 сентября в телеграмме императору он писал, что упразднение Сената, как предложил днем ранее Николай II, даст «лишь повод и толчок к забастовке», а «при наличии законного Сената на забастовку теперь не решатся». Также Столыпин составил примерный список будущих сенаторов – адмиралов и генералов, имеющих финляндское гражданство, которые «готовы беспрекословно исполнять все веления Вашего Величества»²⁴.

*Военное положение
как метод управления Финляндией:
крах проекта А.Ф. Зейна*

17 июня 1910 г. был издан закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения»²⁵, приведивший административно-правовую систему края в единство с общероссийскими нормами. Он вызвал недовольство финляндских общественно-политических кругов и большинства населения Финляндии. Реакция Сейма на закон 1910 г. убедительно демонстрировала, что возврат к практике административного законодательства, системе взаимных договоренностей невозможен.

Новый финляндский генерал-губернатор А.Ф. Зейн в этой ситуации попытался инициировать обсуждение вопроса о военном положении в Совете министров. Он обратился с просьбой о введении особых правил объявления Финляндии на военном положении. По мнению Зейна, особую опасность представляли отдельные террористические акты на территории княжества. Он ссылаясь на убийство президента Абосского гофгерихта Хирвиканты. Покушение, по мнению Зейна, было прямым следствием политики царского правительства, направленной на усиление представителей «финской» партии в местных учреждениях Княжества в противовес влиянию конституционалистов и радикальных младофинских кругов. Генерал-губернатор считал, что только угроза военного положения может предотвратить новые покушения и защитить лиц, готовых занимать местные административные посты. В противном случае, писал Зейн, «отнимется у правительственной власти и эта, хотя и слабая, но все же необходимая ей опора»²⁶. Совет министров

²⁴ Там же. С. 57.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1910. Т. 30. № 33 795. С. 790–791.

²⁶ ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

рассмотрел вопрос 14 октября 1911 г. и не поддержал Зейна. Было отмечено, что «несравненно более полезным в смысле усиления государственной власти в крае явилось бы постепенное пополнение местного административного и полицейского персонала надежными русскими служащими»²⁷. Поэтому решено «признать предположение финляндского генерал-губернатора о предрешении вопроса об объявлении Финляндии на военном положении при первом новом террористическом посягательстве на жизнь должностного лица или военнослужащего... несвоевременным»²⁸. Члены Совета министров считали, что военное положение может вводиться только в случае массовых беспорядков и не является средством борьбы с отдельными политическими убийствами. Позиция Совета министров отражала взгляды нового премьер-министра В.Н. Коковцова, признававшего сложность и важность финляндской проблемы, с одной стороны, и считавшего необходимым отказ от резких политических решений – с другой.

Заключение

Анализ неоднократных попыток введения военного положения в Великом княжестве Финляндском во время и после первой русской революции демонстрирует отношение правящих верхов к ситуации в Финляндии и поиск вариантов ее решения. Наиболее примечательным здесь является то, что российская сторона постоянно стремилась к переговорам и пыталась избегать крайних мер. Имеющиеся документы свидетельствуют о трудностях переговорного процесса российской и финляндской сторон, которые в значительной степени были вызваны стремлением обеспечить собственные интересы, а не достичь соглашения. Российская сторона исходила из необходимости стабилизации политической ситуации и укрепления административно-правового единства государства, финляндская – всячески ограждала свой автономный статус, нередко в ущерб имперским интересам. Позиции императора и отдельных должностных лиц при решении этой проблемы показывают, что наиболее взвешенную позицию занимали отдельные министры, реально оценивая возможные последствия крайних мер. Николай II нередко проявлял склонность к жестким решениям, но под влиянием отдельных министров и Столыпина был готов от них

²⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1911 г. М.: РОССПЭН, 2002. С. 402.

²⁸ Там же.

отказаться. Наибольшей гибкостью отличалась позиция Столыпина, который талантливо лавировал между сторонниками различных мнений, предпочитая в итоге компромиссные решения. Дискуссии о введении военного положения в Финляндии в преддверии Первой мировой войны, несомненно, указывали на сложность финляндской проблемы, которую так и не удалось урегулировать, хотя вплоть до 1917 г. удавалось избежать крайних мер, к числу которых относилось введение военного положения.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Великое княжество Финляндское в государственной политике Российской империи. 1894–1914 гг.: государственные интересы и практика принятия политических решений» № 24-28-01780.

Acknowledgements

The reported study was funded by The Russian Science Foundation, the project “The Grand Duchy of Finland in the government Policy of the Russian Empire. 1894–1914: State interests and the practice of political decision-making” no. 24-28-01780.

Литература

- Бахтурина 2009 – *Бахтурина А.Ю.* Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905–1908 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2009. № 17. С. 59–69.
- Дашков 1980 – *Дашков Ю.Ф.* У истоков добрососедства: Из истории российско-финляндских революционных связей. М.: Прогресс, 1980. 214 с.
- Клинге 2005 – *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб.: Издат. дом «Коло», 2005. 615 с.
- Коронен 1983 – *Коронен М.М.* В.И. Ленин в Финляндии Л.: Лениздат, 1983. 319 с.
- Куяла 2010 – *Куяла А.* Коллизии российско-финляндских отношений: 1904–1917 гг. // Исторический архив. 2010. № 4. С. 87–121.
- Куяла 2015 – *Куяла А.* Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 17: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. С. 198–212.
- Мусаев 2004 – *Мусаев В.И.* Великое Княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 282–290.

- Юссила, Хентилия, Невакиви 2010 – Юссила О., Хентилия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии: 1809–2009 / Пер. с фин. М.: Весь мир. 2010. 472 с.
- Luntinen 1997 – Luntinen P. The Imperial Russian army and navy in Finland. 1808–1918. Helsinki, 1997. 400 p.

References

- Bakhturina, A.Yu. (2009), “The Russian revolutionary movement and the Grand Duchy of Finland (1905–1908)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Scientific History. History of Russia” Series*, no. 17, pp. 59–69.
- Dashkov, Yu.F. (1980), *U istokov dobrososedstva. Iz istorii rossiisko-finlyandskikh revolyutsionnykh svyazei*. [At the origins of good neighborliness. From the history of Russian-Finnish revolutionary relations], Moscow, USSR.
- Jussila, O., Hentilä, S. and Nevakivi, J. (2009), *Politicheskaya istoriya Finlyandii: 1809 – 2009* [Suomen poliittinen historia, 1809–2009], Helsinki, Finland.
- Klinge, M. (2005), *Imperskaya Finlyandiya* [Imperial Finland], Saint Petersburg, Russia.
- Koronen, M.M. (1983), *V.I. Lenin v Finlyandii* [V.I. Lenin in Finland], Leningrad, USSR.
- Kuyala, A. (2010), “Collisions in Russian-Finnish relations. 1904–1917”, *Istoricheskii arkhiv*, no. 4, pp. 87–121.
- Kuyala, A. (2015), “Clashes in Russian-Finnish relations. 1904–1917”, *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii, t. 17: Finlyandiya i Rossiya* [Russian collection. Studies on the history of Russia, vol. 17: Finland and Russia], Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 198–212.
- Luntinen, P. (1997), *The Imperial Russian army and navy in Finland. 1808–1918*. Helsinki, Finland.
- Musaev, V.I. (2004), “The Grand Duchy of Finland and the Russian revolutionaries (early 20th century)”, *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*, no. 5, pp. 282–290.

Информация об авторе

Александра Ю. Бахтурина, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; b-a-t13@mail.ru

Information about the author

Aleksandra Yu. Bakhturina, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; b-a-t13@mail.ru

Упразднение института земских участковых начальников в Российской империи в марте 1917 г. (на примере белорусских губерний)

Игорь Г. Гуцинский

*БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Минск, Республика Беларусь, hushchynski@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена упразднению должностей земских участковых начальников в белорусских губерниях в ходе Февральской революции 1917 г., которые были введены в Российской империи в 1889 г. в целях усиления правительственного контроля над крестьянским населением. Данные чиновники, как правило, назначались из числа поместного дворянства и были подведомственны Министерству внутренних дел. Наряду с административными полномочиями на них были возложены судебные функции в отношении крестьян по уголовным и гражданским делам, подсудным ранее мировым судьям. Это противоречило принципу отделения судебной власти от административной и ставило крестьян в неравное правовое положение по сравнению с иными сословиями. Белорусские губернии были в числе тех, в которых земские начальники оставались важнейшим элементом сферы правосудия вплоть до марта 1917 г., когда их деятельность была прекращена Временным правительством. Ликвидация данных должностей в ходе Февральской революции выглядела вполне естественной мерой в контексте тенденций обновления и демократизации общественной жизни. Вместе с тем, на практике это нередко приводило к созданию ситуации вакуума судебной власти в сельской местности и делало для местных властей практически невыполнимой задачу поддержания законности и правопорядка.

Ключевые слова: земские участковые начальники, судебная система, временные судьи, мировой суд, Февральская революция, 1917 г., белорусские губернии

Для цитирования: Гуцинский И.Г. Упразднение института земских участковых начальников в Российской империи в марте 1917 г. (на примере белорусских губерний) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 73–87. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-73-87

Abolition of the institution of Zemstvo district chiefs in the Russian Empire in March 1917 (on the example of Belarusian provinces)

Ihar H. Hushchynski

*BIP – University of Law and Social-Information Technologies,
Minsk, Republic of Belarus, hushchynski@gmail.com*

Abstract. The article deals in an abolition of the positions of Zemstvo district chiefs in the Belarusian provinces during the February Revolution of 1917. Positions were introduced in the Russian Empire in 1889 in order to strengthen government control over the peasantry. As a rule, the positions of Zemstvo district chiefs were taken over by local landlords. Those officials were subordinated to the Ministry of Internal Affairs. Along with administrative powers, they were given judicial functions in relation to peasants (previously it was under the jurisdiction of justices of the peace). It contradicted the principle of separating the judiciary from administrative authority and put the peasants in an unequal legal position compared to other estates. In the Belarusian provinces the positions of Zemstvo district chiefs existed until March 1917, when their activity was terminated by the Provisional Government. The liquidation of those positions during the February Revolution looked like a completely natural measure in the context of trend of renewal and democratization of public life. At the same time, in practice, then often led to vacuum of judicial power in rural areas and made it almost impossible for local authorities to maintain law and order.

Keywords: Zemstvo district chiefs, judicial system, provisional judges, justice of the peace, February Revolution, 1917, Belarusian provinces

For citation: Hushchynski, I.H. (2024), “Abolition of the institution of Zemstvo district chiefs in the Russian Empire in March 1917 (on the example of Belarusian provinces)”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relationships” Series*, no. 1, pp. 73–87, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-73-87

Введение

Должности земских участковых начальников были учреждены в Российской империи согласно «Положению о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г.¹, основной смысл которого заклю-

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 9. СПб., 1889. № 6196.

чался в усилении правительственного контроля над крестьянским населением. Данные чиновники, назначаемые министром внутренних дел, как правило, из числа местного поместного дворянства, наделялись административными и судебными полномочиями в отношении крестьян. Вместе с этим упразднился институт мировых судей, функции которых в сельской местности переходили именно к земским участковым начальникам. На практике именно выполнение судебных функций вышло на первый план в их деятельности [Страленя 2017, с. 5]. Менее значительные, но при этом наиболее массовые категории уголовных и гражданских дел с участием крестьян теперь были подсудны данным чиновникам-помещикам, одновременно выполнявшим судебные и административные функции и подведомственным Министерству внутренних дел, а не Министерству юстиции. Очевидно, это противоречило принципам всесословности судов и отделения судебной власти от административной, провозглашенным судебными уставами от 20 ноября 1864 г. В связи с этим институт земских участковых начальников как в период его существования, так и в последующей историографии оценивался преимущественно критически [Краковский, Соломко 2020, с. 38–44, 283–286]. Вместе с тем примерно с начала 2000-х гг. в исторической литературе получило довольно широкое распространение мнение о целесообразности и в целом прогрессивном характере меры правительства по его введению [Иванова, Желтова 2010, с. 213; Миронов 2015, с. 452]. Деятельность земских участковых начальников была прекращена лишь Временным правительством в марте 1917 г. К этому времени был принят закон «О преобразовании местного суда» (от 15 июня 1912 г.)², согласно которому данные чиновники лишались судебных функций. Однако в связи с Первой мировой войной этот закон успел быть введенным лишь в 20 губерниях [Верняев 2018, с. 978]. На остальной территории империи, где имелись должности земских участковых начальников (23 губернии), они функционировали в прежнем виде вплоть до Февральской революции. В том числе это касалось Витебской, Могилевской и неоккупированной немецкими войсками части Минской и Виленской губерний, ликвидация должностей земских участковых начальников в которых является предметом исследования данной статьи. Для обобщенного наименования указанной территории в работе употребляется термин «белорусские губернии».

Следует отметить, что в историографии процессу отмены института земских участковых начальников уделено сравнительно

²Там же. Т. 32. СПб., 1912. № 37 328.

небольшое внимание. При этом информация о непосредственных мотивах упразднения данных должностей, отношении общественности к этому и самим земским начальникам дают возможность более объективно и всесторонне охарактеризовать данный административно-правовой институт. Кроме того, изучение темы прекращения деятельности земских участковых начальников в условиях Февральской революции будет способствовать формированию более четкого представления о напряженной социальной обстановке и остроте проблемы правового нигилизма в обществе весной–летом 1917 г.

Цель статьи – раскрыть процесс упразднения должностей земских участковых начальников в белорусских губерниях, охарактеризовать отношение общественности к ним, показать последствия ликвидации данного административно-правового института в условия Февральской революции. Источниковой базой исследования являются законодательные акты, а также материалы переписки органов Временного правительства из фондов Национального исторического архива Беларуси (г. Минск) и Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург). Работа основывается на методологических принципах историзма, объективности, системного и ценностного подходов. Для достижения исследовательской цели были применены как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный) методы.

Основная часть

Как уже было отмечено, должности земских участковых начальников в Российской империи были введены по закону от 12 июля 1889 г. Однако на территорию белорусских губерний его действие было распространено значительно позднее. В Витебской, Могилевской и Минской губерниях земские начальники действовали с 1901 г.³, в Гродненской и Виленской – с конца 1903 г. [Горячева 2018, с. 124]. Правительство долгое время не решалось вводить здесь положение от 12 июля 1889 г. из-за опасения усиления позиций местного дворянства, которое в своей массе было католического вероисповедания и считалось политически неблагонадежным [Страленя 2017, с. 4–5]. Тем временем вопрос о лишении земских участковых начальников судебных полномочий

³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 20. СПб., 1900. № 18 854.

обсуждался и прорабатывался в правительственных кругах еще с конца XIX в. [Сорокин 2017, с. 24–25]. Проведение стольпинской аграрной реформы обнажило проблему юридической обособленности крестьян и, соответственно, анахронизма института земских участковых начальников как дворянского сословного органа судебно-административной власти в деревне. Это подтолкнуло правительство к принятию 15 июня 1912 г. закона о реформе местного суда, по которому судебные функции земских начальников переходили к выборным мировым судьям. Однако, как уже было сказано, в большинстве губерний, в том числе белорусских, данный закон до Февральской революции введен не был.

Временное правительство в качестве основы своей политики в сфере суда объявило не построение новой судебной системы вместо старой, а возвращение к первоначальным принципам судебной реформы 1864 г. Должны были быть отменены те корректировки, которые были внесены самодержавием в судебную систему после реформы с целью ограничения ее либеральных принципов – всеобщности, независимости судебной власти, гласности, выборности судей и др.⁴ Институт же земских участковых начальников, безусловно, по своей сути противоречил этим постулатам. Поэтому одной из первых мер Временного правительства по реформированию судебной системы стало прекращение их деятельности.

21 марта 1917 г. председатель Временного правительства Георгий Львов сообщил губернским комиссарам о необходимости немедленно приостановить деятельность земских участковых начальников. Их судебные функции должны были быть возложены на временных судей, которые назначались губернскими комиссарами по согласованию с уездными комиссарами⁵. Временные судьи должны были действовать до момента внедрения новых правил об устройстве местного суда. Вскоре, 4 мая 1917 г., было принято соответствующее постановление Временного правительства, которое предусматривало введение выборных мировых судов. С началом их работы временные судьи должны были сложить полномочия⁶.

В разных губерниях идея замены земских участковых начальников временными судьями весной 1917 г. была реализована

⁴Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Пг.: Государственная канцелярия, 1917. С. 11.

⁵Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1684. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

⁶Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. С. 224–238.

с разной степенью успешности. Например, во всех уездах Минской губернии временные судьи были назначены и приступили к исполнению своих обязанностей в апреле 1917 г.⁷ Причем они здесь действовали вплоть до конца 1917 г., пока данные должности не были упразднены большевиками. Дело в том, что к тому времени выборы мировых судей, за исключением Борисовского уезда⁸, здесь так и не были проведены. В Витебской губернии попытка заменить упраздненных земских начальников временными судьями фактически не удалась. Они некоторое время функционировали только в Невельском, Полоцком, Себежском и, возможно, Витебском уездах. На большей же части Витебской губернии до момента начала работы мировых судов (июнь – август 1917 г. в зависимости от уезда⁹) функции местного суда, ранее принадлежавшие земским начальникам, вообще никто не выполнял. Подобная ситуация практически вакуума судебной власти в сельской местности сложилась на неоккупированной части Виленской губернии (Вилейский, Дисненский, Ошмянский уезды), где после прекращения деятельности земских начальников их полномочия никто не перенял¹⁰. Что касается Могилевской губернии, то, к сожалению, конкретных сведений о назначении вместо земских участковых начальников временных судей выявить не удалось. Однако, судя по тому, что в ситуациях необходимости остановки правонарушений крестьян против земской и помещичьей собственности губернский комиссар летом 1917 г. мог прибегать лишь к увещаниям, которые не помогали¹¹, варианта привлечь их к суду у него не было. В Могилевской губернии временные судьи, если и функционировали, то не повсеместно.

В Минской губернии основной проблемой при формировании личного состава временных судей стал вопрос о привлечении на данные должности бывших земских участковых начальников. Отметим, служба в органах суда им не была запрещена ни постановлениями Временного правительства, ни циркулярами Министерства юстиции, ни другими официальными правительственными документами. Однако их назначение на должности временных судей воспринималось в обществе неоднозначно. Земские участковые начальники в массовом сознании воплощали порядки только что

⁷ НИАБ. Ф. 1684. Оп. 1. Д. 8. Л. 23–26.

⁸ Там же. Ф. 1685. Оп. 4. Д. 3. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 38–46.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1021. Л. 1.

¹¹ Аграрные самоуправления // Могилевская жизнь. 1917. 29 июля. С. 2.

свергнутого и крайне непопулярного режима. В данном контексте показателен черновой вариант текста свидетельства на имя бывшего земского начальника Мозырского уезда Сергея Юнакова, сохранившийся в документах канцелярии минского губернского комиссара. Там было написано: «На должность временного мирового судьи (многие в тот момент ошибочно отождествляли понятия временных и мировых судей. – *И. Г.*) Юнаков не был назначен лишь ввиду общего принятого руководства не назначать на эту должность лиц, бывших земскими начальниками, так как по отношению вообще к этим лицам существовало неприязненное отношение среди крестьянского населения»¹². Данный документ показывает, что при подборе личного состава временных судей кандидатуры бывших земских начальников выделялись неугодными. В то же время они имели опыт судебной деятельности, в некоторых случаях юридическое образование, часто благодаря своей работе пользовались настоящим авторитетом и уважением в среде населения. Кроме того, имел место дефицит желающих и при этом способных выполнять судебные обязанности, в результате чего бывшие земские начальники в некоторых уездах оставались практически единственными кандидатурами.

Из-за нехватки лиц, пригодных для исполнения обязанностей временных судей, слуцкий уездный комиссар Радослав Островский внес в список кандидатур на данные должности бывших земских начальников Евгения Сорокоумова и Николая Флорентинского. При этом по поводу них Островский сам имел сомнения – в связи с их «недостаточно корректным отношением к общественным силам», особенно со стороны Сорокоумова. Однако других лиц для замещения данных вакансий, по словам слуцкого уездного комиссара, не было¹³. Вскоре с ходатайством в поддержку Флорентинского к губернскому комиссару обратились князь А.Г. Радзивилл и Несвижский порайонный комиссар Боровский. Они отмечали беспристрастность и справедливость Флорентинского при рассмотрении дел, его либеральные убеждения, а также уважение и доверие со стороны населения¹⁴. В результате он в должности был утвержден, в отличие от Сорокоумова. Как видим, при формировании состава временных судей учитывались не только личные и профессиональные качества кандидатов, но и соответствие их политических взглядов общественным настроениям.

¹² НИАБ. Ф. 1685. Оп. 4. Д. 6. Л. 17–17об.

¹³ Там же. Д. 11. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 11.

Всего по Минской губернии около половины назначенных в апреле 1917 г. временных судей (30 из 61) являлись бывшими земскими участковыми начальниками. Остальные – из числа кандидатов на судебные должности, адвокатов, помещиков и др.¹⁵

Сами бывшие земские начальники, оставшись без работы, вынуждены были обращаться к уездным и губернским комиссарам с просьбами о назначении временными судьями. Такие прошения часто подкреплялись соответствующими ходатайствами волостных комитетов (органов крестьянского самоуправления, заменивших волостные правления) или просто подписями населения в поддержку их кандидатур¹⁶. В марте 1917 г., например, 42 жителя местечка Зембин Борисовского уезда поставили подписи под ходатайством о назначении временным судьей бывшего местного земского начальника Николая Бруяка¹⁷. А в обращении к минскому губернскому комиссару от имени прихожан Волосовичской церкви Бобруйского уезда (от 28 мая 1917 г.) было вообще написано, что им не нужен судья, «будь он хоть доктором права с европейской изящностью ученого человека», а нужен в судебском кресле человек, знакомый с условиями местной жизни, а также их правами и обычаями – то есть бывший земский участковый начальник Платон Рольцевич¹⁸. Еще один бывший Земский участковый начальник Бобруйского уезда Николаев собирал подписи за его назначение временным судьей. Однако в конце апреля 1917 г. минскому губернскому комиссару поступило обращение от жителей Паричской волости, в котором говорилось, что им та бумага была подsunута в ночное время, подписались они только под влиянием просьб и уговоров, но теперь ознакомились с бывшей судебской деятельностью Николаева и категорически отказываются от своих подписей¹⁹.

Нередко назначение бывших земских участковых начальников встречало противодействие со стороны общественности. Например, 29 марта 1917 г. на заседании Минского комитета при уездном комиссаре в результате обсуждения восьми кандидатур на должности временных судей Минского уезда пять из них не были утверждены по причине того, что были бывшими земскими участковыми начальниками²⁰. Однако в дальнейшем в Минском

¹⁵ НИАБ. Ф. 1685. Оп. 4. Д. 1. Л. 32–34об.

¹⁶ Там же. Ф. 1684. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 14; Оп. 4. Д. 3. Л. 3, 9, 11.

¹⁷ Там же. Ф. 1685. Оп. 4. Д. 3. Л. 9.

¹⁸ Там же. Д. 2. Л. 32.

¹⁹ Там же. Л. 8.

²⁰ Там же. Ф. 1684. Оп. 1. Д. 8. Л. 9–9об.

уезде ряд бывших земских начальников все-таки был назначен временными судьями²¹.

О недопустимости назначения временными судьями бывших земских участковых начальников высказался крестьянский съезд, состоявшийся в апреле 1917 г. в Минске. Ссылаясь на него, 26 апреля соответствующее решение принял Бобруйский уездный исполнительный комитет. Однако к этому времени в данном уезде временные судьи уже были назначены и приступили к исполнению обязанностей (половина из них, четыре из восьми, были бывшими земскими начальниками)²². Судя по всему, на бывших земских начальников было оказано определенное давление, чтобы они сложили судебские полномочия. В таких обстоятельствах данные судьи выполнять свои обязанности фактически не могли, однако и отказываться от должностей не стали. В связи с этим Бобруйский уездный комиссар 5 мая обратился к Минскому губернскому комиссару с вопросом: что делать, если бывшие земские начальники так и не уволятся? В ответе говорилось, что решения крестьянского съезда – «лишь пожелания», а утвержденные на должностях временные судьи могут быть отстранены от должностей только по решению суда и должны немедленно приступить к исполнению своих судебных обязанностей²³. На этом Бобруйский уездный исполком не прекратил попыток добиться увольнения бывших земских начальников, обратившись в конце июля с соответствующей просьбой в Министерство юстиции. Но снова получил отказ, так как для этого не было законных оснований²⁴.

В Слуцком уезде на одну из должностей временных судей был назначен и приступил к исполнению обязанностей бывший земский начальник Александр Ковалевский. Однако 28 мая 1917 г. Комитет общественных организаций при Клецком участковом комиссаре провел свои выборы кандидата на данную должность. В них приняли участие 43 члена комитета: местные крестьяне и представители общественных организаций Клецка. Кандидатом на должность временного судьи ими был избран выходец из местного крестьянства Петр Мартышенко, имевший свидетельство об окончании курса юридических наук Киевского университета. После этого комитетом была направлена в Министерство юстиции просьба о назначении Мартышенко временным судьей вместо Ковалевского. Причем в ходатайстве подчеркивалось, что оно направлено не против конкретной кандидатуры Ковалевского, а выражает прин-

²¹ Там же. Л. 20.

²² Там же. Ф. 1685. Оп. 4. Д. 2. Л. 15–15об.

²³ Там же. Л. 16–17.

²⁴ Там же. Л. 26об.

ципальное несогласие видеть в качестве судей бывших земских начальников вообще²⁵. Однако Клецкому комитету в просьбе было отказано, так как, согласно закону, уже назначенный временный судья мог быть уволен только в случае совершения им преступления или по собственному желанию²⁶.

В некоторых случаях против назначения бывших земских начальников временными судьями выступали волостные комитеты или даже отдельные граждане. Вот несколько примеров такого рода конфликтов.

В Речицком уезде среди назначенных временных судей оказались четыре бывших земских начальника (а также один помещик и два адвоката). Однако данные четверо судей (Ежгурович, Коморный, Мацкевич и Кочуровский) сразу к исполнению обязанностей не приступили из-за противодействия волостных комитетов. С 12 по 16 апреля 1917 г. в Речице проходил съезд представителей волостных комитетов уезда. 14 апреля заседание затянулось далеко за полночь, и когда в три часа ночи делегаты собрались расходиться, ряд крестьян, среди которых выдвигался представитель Микулицкого волостного комитета Рахманов, настояли на немедленном обсуждении вопроса о назначении на должности временных судей бывших земских участковых начальников. После чего заседание продолжилось. В конце концов было принято решение разрешить бывшим земским начальникам быть временными судьями, но только с согласия местных волостных комитетов. Однако назавтра, как только работа съезда возобновилась, Рахманов снова поднял данный вопрос. Он сетовал на то, что вчера из-за позднего времени и усталости присутствующие не разобрались в сути резолюции. В результате большинством голосов было постановлено отстранить от должностей бывших земских начальников, выбрать и представить уездному комиссару на утверждение свои кандидатуры²⁷. После этого упомянутые временные судьи отказались приступать к работе до окончательного разрешения ситуации. И только после того, как 27 мая минский губернский комиссар высказался о невозможности отстранения их от должностей и предложил принять дела, они приступили к исполнению обязанностей²⁸.

Сопrotивление со стороны Заславского и Раковского волостных комитетов Минского уезда встретило назначение сюда временным судьей бывшего земского начальника Ивана Бабицева. Еще

²⁵ НИАБ. Ф. 1685. Оп. 4. Д. 11. Л. 52–53.

²⁶ Там же. Л. 54–54об.

²⁷ Там же. Д. 10. Л. 18–18об.

²⁸ Там же. Л. 20, 37.

в конце марта 1917 г. Заславский волостной комитет обратился в Минский уездный комитет с ходатайством не назначать временными судьями бывших земских начальников, а выбирать лиц исключительно из крестьянского и мещанского сословий²⁹. Тем временем ряд бывших земских участковых начальников подали минскому уездному комиссару Николаю Гущинскому соответствующие прошения. Среди них был И. Бабичев, в поддержку назначения которого на должность временного судьи подписались несколько десятков жителей Раковской и Заславской волостей³⁰. Однако его кандидатура вызвала ряд протестов. Сначала имело место анонимное обращение «жителя Заславля» к минскому губернскому комиссару Борису Самойленко и министру юстиции Александру Керенскому от 30 марта 1917 г., в котором говорилось: «Бабичев – известный взяточник, плохой человек, крыса старого режима, ...как нечестный человек в мировые судьи не годится»³¹. А 7 апреля Заславский волостной комитет постановил: «Принимая во внимание в высшей степени вредную деятельность земских начальников вообще, а Бабичева в особенности – просить г. минского губернского комиссара, чтобы... никто из бывших земских начальников не был назначен в Заславский участок мировым судьёй»³². Соответствующее решение принял и Раковский волостной комитет³³. В результате Бабичев на должность временного судьи назначен не был³⁴.

Конфликтная ситуация сложилась также вокруг назначения бывшего земского начальника Владимира Чернявского временным судьёй 5-го участка Минского уезда. Он был утвержден в должности Минским губернским комиссаром и в апреле 1917 г. приступил к исполнению обязанностей. Однако 19 мая 1917 г. Ивенецкий волостной сход, в котором приняли участие 52 человека, постановил обратиться к губернскому комиссару с просьбой отстранить Чернявского от должности в связи с категорическим несогласием населения иметь такого судью³⁵, но был получен отказ³⁶. 4 июня 1917 г. Ивенецкий волостной комитет при участии члена местного совета солдатских депутатов Пашкевича рассмотрел ответ губернского комиссара и постановил: «Имея в виду, что Чернявский народу

²⁹ Там же. Д. 5. Л. 19.

³⁰ Там же. Л. 20–21.

³¹ Там же. Л. 3.

³² Там же. Л. 36.

³³ Там же. Л. 37.

³⁴ Там же. Л. 32.

³⁵ Там же. Л. 53.

³⁶ Там же. Л. 55.

не желателен как бывший земский начальник, и что в настоящее время служащие избираются от народа, а не назначаются... – категорически потребовать от губернского комиссара исполнения воли народа». А 28 июня местное волостное собрание приняло решение не принимать от судьи Чернявского повесток и просить начальство обязательно отстранить его от должности. Обосновывалось это тем, что он «при старом режиме показал себя с очень плохой стороны, судил неправильно», «обращался с людьми прямо не по-человечески», «вёл безнравственную жизнь»³⁷. Тем не менее Чернявский оставался в должности, пока в сентябре 1917 г. не был переведен по службе в Петроград на должность помощника начальника канцелярии Министерства юстиции³⁸.

Как уже было отмечено, на большей части Витебской и в неоккупированных уездах Виленской губерний после упразднения должностей земских участковых начальников предполагавшейся их замены временными судьями не произошло. В Витебской губернии, как правило, это было связано с тем, что уездные комиссары под давлением общественности не решались единолично определить кандидатов на должности временных судей и соглашались на проведение их выборов³⁹. Хотя утвержденная постановлением Временного правительства процедура их назначения этого не требовала. Процесс выборов кандидатов во временные судьи затягивался. В том числе по причине того, что часто, кроме местных землевладельцев, подходящих кандидатур не находилось. А их назначение временными судьями встречало недовольство и даже сопротивление населения⁴⁰. 4 мая 1917 г. Временным правительством было принято постановление, согласно которому должны были быть выбраны постоянные мировые суды. После этого вопрос о выборах временных судей снимался с повестки дня. Однако выборы составов присутствий мировых судов также не могли быть проведены оперативно, так как на тот момент еще не были созданы волостные земства⁴¹. Таким образом, в сельской местности создавалась ситуация практически отсутствия судебной власти, так как крестьянские волостные суды, хотя официально и не упразднялись, но в своей массе перестали действовать по причине отрицательного отношения к ним населения⁴². В подобном ключе развивалась

³⁷ НИАБ. Ф. 1685. Оп. 4. Д. 5. Л. 57–57об.

³⁸ Там же. Л. 80.

³⁹ Там же. Ф. 3445. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Д. 63. Л. 5.

⁴¹ Там же. Л. 6об.

⁴² Там же. Л. 5.

ситуация на неоккупированной части Виленской губернии. Здесь основной причиной того, что в марте–апреле 1917 г. не были избраны временные судьи, было то, что долгое время не был назначен губернский комиссар. Кроме того, местная общественность была в принципе против введения единоличных временных судей, так как эти должности заняли бы или бывшие земские начальники, или помещики. Деятельность волостных судов на данной территории также была прекращена по причине крайнего недоверия к ним населения⁴³. Действие упомянутого выше постановления Временного правительства от 4 мая 1917 г. не распространялось на Виленскую губернию, так как здесь не было земских учреждений⁴⁴. Для ведения здесь мировых судов разрабатывался отдельный документ, однако он так и не был принят. Тем временем весной–летом 1917 г. произошел резкий рост правонарушений аграрного характера (самовольные запашки, сенокосы, порубки леса и т. д.). Отсутствие судебной репрессии как инструмента борьбы с правонарушениями делало для уездных и губернских комиссаров задачу поддержания правопорядка и законности практически нерешаемой. Витебский губернский комиссар Алексей Волкович констатировал, что слабость центральной власти парализовала ее действенность на местах, где инструментами наведения порядка были лишь разъяснения, увещевания и т. п. способы⁴⁵.

Выводы

Таким образом, институт земских участковых начальников в белорусских губерниях был упразднен Временным правительством в марте 1917 г. Такая мера была вполне естественной в контексте тенденций обновления и демократизации общественной жизни, а также соответствовала представлению об институте земских участковых начальников как пережитке свергнутого режима, а о самих этих чиновниках – как преданных самодержавию служащих. Об этом свидетельствует то, что назначение весной 1917 г. бывших земских начальников на судебные должности часто встречало противодействие различных политических сил и населения. С другой стороны, отношение населения к самим лицам, занимавшим эти должности (а не как к данному институту судебно-административной власти в целом), не было всецело негативным. Прекращение

⁴³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1021. Л. 2–3.

⁴⁴ Там же. Л. 27.

⁴⁵ НИАБ. Ф. 3445. Оп. 1. Д. 63. Л. 15об.

деятельности земских начальников в условиях Февральской революции было спонтанной, а не запланированной мерой Временного правительства. На практике это нередко приводило к созданию ситуации фактически вакуума судебной власти в сельской местности и крайне осложняло для местных властей выполнение задачи поддержания законности и правопорядка.

Литература

- Верняев 2018 – *Верняев И.И.* Реформа местного суда 1912 г. в имперском измерении: как строить общие институты в многосоставном обществе // Новейшая история России. 2018. № 4. С. 966–982.
- Горячева 2018 – Гродненская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917) / Ред. Р.Ф. Горячева. Гродно: ЮрСаПринт. 2018. 352 с.
- Иванова, Желтова 2010 – *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
- Краковский, Соломко 2020 – *Краковский К.П., Соломко З.В.* История суда и правосудия в России. Т. 5. М.: Норма, 2020. 696 с.
- Мионов 2015 – *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 912 с.
- Сорокин 2017 – *Сорокин А.А.* Вопрос о реформе местного суда Российской империи: власть и общество (1889–1912 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новгород: Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2017. 35 с.
- Страленя 2017 – *Страленя А.А.* Деятельность земских начальников на территории Беларуси (конец XIX в. – 1914 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2017. 22 с.

References

- Goryacheva, R.F., ed. (2018), *Grodenskaya guberniya: gosudarstvennyye, religioznye i obshchestvennyye uchrezhdeniya (1802–1917)* [Grodno province. State, religious and public institutions (1802–1917)], YurSaPrint, Grodno, Republic of Belarus.
- Ivanova, N.A. and Zheltova, V.P. (2010), *Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Estates society of the Russian Empire (18th – early 20th century)], Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Krakovskii, K.P. and Solomko, Z.V. (2020), *Istoriya suda i pravosudiviya v Rossii* [History of court and justice in Russia], vol. 5, Norma, Moscow, Russia.
- Mironov, B.N. (2015), *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire. From tradition to modern times], vol. 2, Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia.

- Sorokin, A.A. (2017), *Vopros o reforme mestnogo suda Rossiiskoi imperii: vlast' i obshchestvo (1889–1912 gg.)* [The question of reforming the local justice of the Russian Empire. Power and society (1889–1912)], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet imeni N.I. Lobachevskogo, Nizhny Novgorod, Russia.
- Stralenyia, A.A. (2017), *Deyatel'nost' zemskikh nachal'nikov na territorii Belarusi (konets XIX v. – 1914 g.)* [Activity of Zemstvo chiefs on the territory of Belarus (late 19th century – 1914)], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Belorusskii gosudarstvennyi universitet, Minsk, Republic of Belarus.
- Vernyaev, I.I. (2018), “The Reform of the local court of 1912 in the imperial dimension. How to build common institutions in a multi-component society”, in *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 4, pp. 966–982.

Информация об авторе

Игорь Г. Гущинский, кандидат исторических наук, доцент, БИП – Университет права и социально-информационных технологий, Минск, Беларусь; 220030, Беларусь, Минск, ул. Советская, д. 18; hushchynski@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6866-7723

Information about the author

Ihar H. Hushchynski, Cand. of Sci. (History) associate professor, BIP – University of Law and Social-Information Technologies, Minsk, Republic of Belarus; 18, Sovetskaya St., Minsk, Republic of Belarus, 220030; hushchynski@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6866-7723

Опыт действий бронетанковых войск Красной армии на Хасане и Халхин-Голе: рефлексии военной элиты

Алексей А. Киличенков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kilichenkov@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе документов их фондов Российского государственного военного архива (РГВА) предпринята попытка анализа процесса осмысления представителями командования Красной армии опыта действий бронетанковых сил в ходе локальных военных конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-Гол в 1938–1939 гг. Выводы, сделанные командирами разного уровня в целом, точно фиксировали главные недочеты и ошибки применения танковых частей и соединений, полностью повторявшие таковые в ходе гражданской войны в Испании. Делается вывод о том, что к моменту начала конфликтов этот опыт оказался неизвестен танковым и общевойсковым командирам. Кроме того, на основе контент-анализа выявляется неспособность специалистов оценить слабое бронирование танков, как главную причину тяжелых потерь. Обращается внимание на то, что при верной фиксации чрезвычайно низкого уровня подготовки командиров и личного состава танковых войск, итоговые выводы докладов вышестоящему командованию содержали исключительно высокие оценки боеспособности и заверения в готовности выполнить любую задачу. В то же время высшее военно-политическое руководство страны получало достаточный объем правдивой информации от своих представителей из зоны конфликтов, но предпочитала транслировать обществу картину высочайшей боевой готовности бронетанковых войск, что нашло яркое и убедительное отражение и в массовой советской культуре.

Ключевые слова: локальные военные конфликты, Красная армия, бронетанковые войска, оценка боевого опыта, военная элита

Для цитирования: Киличенков А.А. Опыт действий бронетанковых войск Красной армии на Хасане и Халхин-Голе: рефлексии военной элиты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 88–101. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-88-101

The Armored Forces of the Red Army in Khasan's and Khalkhin Gol's armed conflicts. Reflections of the military elite

Aleksei A. Kilichenkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kilichenkov@yandex.ru*

Abstract. In the article, based on documents from the collections of the Russian State Military Archive (RGVA), an attempt is made to analyze the process of understanding by representatives of the Red Army command the experience of the actions of Armored forces during local military conflicts at lake Khasan and Khalkhin Gol river in 1938–1939. The conclusions made by commanders at various levels, in general, accurately recorded the main shortcomings and errors in the use of tank units and formations, which completely repeated those during the Civil War in Spain. It is concluded that by the time the conflicts began, that experience was unknown to tank and combined arms commanders. In addition, based on content analysis, the inability of specialists to assess the weak armoring of tanks is revealed as the main reason for heavy losses. Attention is drawn to the fact that while correctly recording the extremely low level of training of commanders and personnel of the tank forces, the final conclusions of the reports to the higher command contained exceptionally high assessments of combat effectiveness and assurances of readiness to carry out any order. At the same time, the country's top military-political leadership received a sufficient amount of truthful information from its representatives from the conflict zone, but preferred to broadcast to the public a picture of the highest combat readiness of the armored forces, which was clearly and convincingly reflected in mass Soviet culture.

Keywords: local armed conflicts, Red Army, armored forces, assessment of combat experience, military elite

For citation: Kilichenkov, A.A. (2024), "The Armored Forces of the Red Army in Khasan's and Khalkhin Gol's armed conflicts. Reflections of the military elite", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relationships" Series*, no. 1, pp. 88–101, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-88-101

Введение

История участия Советского Союза в локальных военных конфликтах кануне Второй мировой войны благодаря «архивной революции» 1990-х гг. вышла из «историографической тени» и к настоящему времени прочно занимает свое место в спектре ис-

следовательского интереса современных российских историков [Субханкулов 2011, с. 32–39; Зимонин 2013, с. 65–83]. При этом объектом научного анализа становятся все новые аспекты этих событий [Коломиец 2013; Болд 2013, с. 143–154; Дятлов 2014, с. 221–224; Иванов 2018, с. 6–15], среди которых опыт локальных войн как самостоятельная проблема также нашел своих исследователей [Бельков 2005, с. 182–202; Шашкова 2017, с. 67–77; Мухин 2020, с. 4–12]. Необходимо отметить и появление публикаций, имеющих непосредственное отношение к тематике данной статьи [Богданов 2011, с. 97–100]. Развитие новейшей отечественной историографии локальных войн явно свидетельствует о признании исследователями актуальности анализа опыта, полученного в их ходе. В настоящей статье ставится цель изучения процесса восприятия и оценки представителями командования Красной армии и военно-политического руководства страны опыта применения советских бронетанковых войск в ходе военных конфликтов на Дальнем Востоке. Модель восприятия этого опыта, механизм его анализа, оценки и применения представляет собой важнейший и чрезвычайно перспективный предмет исторических исследований, позволяющий редкую возможность изучения рефлексий интеллектуальной культуры определенной группы.

Другим, не менее важным аспектом актуальности поставленной цели является та роль, которую бронетанковые войска и вооружения играли в предвоенный период. Роль решающей ударной силы, которую еще только предстояло сыграть в приближающейся Второй мировой войне, уже успела проявиться в ходе локальных конфликтов в Испании и на Дальнем Востоке. И вопрос о том, насколько военная элита разных стран, а в данном случае – Советского Союза – смогла осознать эту роль и адекватно отрефлексировать полученный опыт, имеет важнейшее значение для исследования проблематики Великой Отечественной войны и, особенно, ее трагического начала.

Применение бронетанковых войск Красной армии в ходе конфликта у о. Хасан

В 1930-е – начале 1940-х гг. вооруженные силы СССР – и армия, и флот, и авиация – оказались участниками большинства военных конфликтов на территории стран Европы и Азии, что, безусловно, было продиктовано политическими мотивами, в результате чего советское военное командование, получило редчайшую возможность накопления и анализа непосредственного опыта боевых действий.

Полученный опыт тщательно изучался командованием Красной армии и флота.

Первым полноценным боевым испытанием для советских танковых войск стал вооруженный конфликт с Японией в районе озера Хасан в июле–августе 1938 г. Советская пропаганда по его окончании представила эти события как безусловную победу Красной армии, в которой бронетанковые войска сыграли решающую роль. Действительность оказалась очень и очень далека от мифологизированного образа, закрепившегося в сознании советских людей на долгие десятилетия.

В боевых действиях 29 июля – 11 августа 1938 г. приняли участие автобронетанковые войска Краснознаменного Дальневосточного фронта – 2-я отдельная механизированная бригада, 32-й и 40-й отдельные танковые батальоны и разведбатальоны 32-й и 40-й стрелковых дивизий. Танковые подразделения сыграли важную роль в решающих боях 6–8 августа, обеспечивая штурм ключевых пунктов японской обороны – сопки Безымянная, Заозерная и Пулеметная. Несмотря на скоротечность конфликта и ограниченный масштаб применения бронетанковых сил, выводы из опыта их применения были сделаны самые обширные, и, что было особенно важно, анализ полученного опыта проводился на всех уровнях – от младших командиров до наркома обороны и генерального секретаря ВКП(б). И все основания для этого были. Бои, в которых активно действовали танки заняли всего трое суток, но потери оказались весьма тяжелыми. Согласно отчету начальника АБТО 1-й армии ДКФ комбрига А.Ф. Попова, из участвовавших в боях 200 танков были потеряны и выведены из строя 83 машины (6 БТ-7 и 77 Т-26), погибли 63, ранены 97, пропали без вести 7 танкистов¹.

На этот раз недостатка в объяснении причин столь высоких потерь не было. Донесения и отчеты с мест, обобщенные в Генеральном штабе РККА, рисовали картину удручающе безграмотного применения танков. Командование стрелковых частей и соединений, которым были приданы механизированная бригада и танковые батальоны, совершенно не считалось с тем, что местность была фактически танконедоступной – высокие сопки, овраги, заболоченные участки.

¹Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35083. Оп. 1. Д. 81. Л. 80–81, 140; Ф. 31811. Оп. 2. Д. 855. Л. 36–38. Здесь необходимо отметить, что цифры танковых потерь в ходе хасанского конфликта значительно разнятся и в документах, и в литературе по при причине различий в методике подсчета.

Вместо применения небольшими группами поддержки пехоты танки целыми батальонами или ротами отправлялись в атаку на позиции противника, занимавшего склоны сопок. При этом никаких выводов из первых неудачных штурмов не было сделано. Не удивительно, что в ходе атак, проведенных, как правило, без всякой разведки, большая часть потерянных танков просто застряла в болотах и оврагах². Организации применения танков, по сути, никакой не было. Обеспечить взаимодействие танков с пехотой, артиллерией и авиацией не получалось. Танки, действовавшие фактически без разведки и без прикрытия артиллерией, попадали в засады и без помех расстреливались противотанковой артиллерией противника.

В то же время эти выводы, зафиксированные на различных уровнях управления войсками, совершенно недвусмысленно свидетельствовали, что опыт войны в Испании не был никоим образом учтен. До полного совпадения повторялись все те же ошибки и просчеты командования, все то же отсутствие взаимодействия на поле боя разнородных сил, отсутствие разведки, полное неумение пехотных командиров использовать танки и т. п.

Очень важно отметить и то, в чем выводы танкистов в Испании и на Хасане совпали. И те и другие не видели срочной необходимости усилить броневую защиту своих боевых машин. Специалисты Генштаба РККА совершенно обоснованно считали главной причиной больших потерь отсутствие «должного взаимодействия между пехотой, артиллерией, танками и авиацией»³, но никак не слабость бронирования.

Анализ итогов изучения опыта боевых действий на Хасане позволил выявить еще одну очень важную черту этого процесса. Авторы многочисленных отчетов и донесений в целом вполне объективно отмечали имевшиеся недостатки и просчеты как в боевой подготовке войск, так и в организации их применения. Впору было бить тревогу и требовать немедленной и кардинальной реорганизации обучения и подготовки войск и командиров. Именно это требование должно было стать ключевым содержанием итоговых выводов по опыту хасанского конфликта. Но авторы упомянутых докладов доносили до начальства совсем иные заключения. Финальная часть упомянутого обзора Генштаба РККА прямо походила на реляцию триумфальной победы, звучащую из уст восторженного политработника: «В боях за социалистическую родину доблестные танкисты с именем вождя

²Так, 2-я механизированная бригада, брошенная 6–7 августа на штурм высоты Заозерная, потеряла таким образом 44 танка (РГВА. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 81. Л. 141).

³Там же. Л. 142.

народов тов. Сталина шли бесстрашно и мужественно в бой, проявляя исключительную храбрость, отвагу, стойкость и преданность до конца своей жизни нашей партии и родине»⁴.

Нет никаких оснований предполагать, что советское руководство – и Ворошилов, и Сталин – были введены в заблуждение. На упомянутом заседании Военного совета 26 ноября 1938 г. комкор Г.М. Штерн, докладывая членам Политбюро ЦК ВКП(б) о действиях Красной армии в ходе конфликта на Хасане, самым критическим образом оценил и подготовку, и действия танковых частей: «Плохо были подготовлены и танковые части. Достаточно будет, если я доложу, что в 1-й, и 2-й, и 21-й мехбригадах ни один батальон ни одного раза не занимался с пехотой. Танковые части варились в собственном соку <...> Несмотря на то что танкам были даны самые исчерпывающие указания, танки действовали плохо...»⁵. Эти оценки комкора Штерна были подтверждены и в тексте приказа наркома обороны № 0040 от 4.09.1938 г., где было прямо сказано: «Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне... Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери...»⁶.

Но это оказалось всего лишь выводами «для внутреннего пользования». Армии и стране транслировались «правильные оценки». В марте 1939 г. на заседании XVIII съезда ВКП(б) в приветственном слове от имени советских танкистов участник боев у Хасана, командир 2-й отдельной мехбригады полковник А.П. Панфилов заверил «XVIII съезд большевистской партии... нашего вождя и учителя т. Сталина, нашего любимого народного комиссара т. Ворошилова, весь советский народ, что наши танки в полной боевой готовности»⁷.

Боевая подготовка танковых войск Красной армии получила самую высокую оценку и в выступлении наркома обороны К.Е. Ворошилова на том же съезде: «Неплохо работают наши

⁴ «На границе тучи ходят хмуро...» (к 65-летию событий у озера Хасан): Аналитические материалы / Сост. И.И. Басик, В.Л. Воронцов, В.И. Коротаев, Н.И. Никифоров; под общ. ред. Н.И. Резника. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005. С. 214.

⁵ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 206–216.

⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М.: Терра, 1994. С. 57–58.

⁷ XVIII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. М.: ОГИЗ, 1939. С. 506.

славные танкисты. Есть целые танковые части и соединения, боевая подготовка которых расценивается очень высоко. В общем, все танковые войска являются хорошо слаженными, неплохо подготовленными как в огневом, так и тактическом отношении. С боевыми задачами любого характера этот род войск, безусловно, всегда справится, так как рядовой, командный, комиссарский и политический состав их хорошо подготовлен (курсив наш. – А. К.) и свое дело знает “на-ять”»⁸.

Эти бравурные заверения очень быстро оказались растиражированы советской пропагандой. Уже в июле 1939 г. состоялась премьера фильма Ивана Пырьева «Трактористы». И сам фильм, и прозвучавшая в нем знаменитая песня «Три танкиста» Бориса Ласкина были созданы под впечатлением событий у о. Хасан.

Но разведка доложила точно:
И пошел, командою взметен,
По родной земле дальневосточной
Броневоу ударный батальон.

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи,
Под напором стали и огня.

И добили – песня в том порука –
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста – три веселых друга
Экипаж машины боевой!

А «Марш советских танкистов» из этого же фильма не оставлял ни малейших сомнений в том, что танковые войска Красной армии, действительно, способны выполнить любой приказ Родины и готовы решить любую боевую задачу:

Заводов труд и труд колхозных пашен
Мы защитим, страну свою храня,
Ударной силой орудийных башен
И быстротой, и натиском огня.

Гремя огнем, сверкая блеском стали
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И Первый Маршал в бой нас поведет!

⁸Там же. С. 202.

И фильм, и обе песни стали необычайно популярны и любимы в народе. Вместе с ними возник и укрепился в общественном сознании миф о всеограшающей мощи советских танковых войск. Он начал жить своей собственной жизнью, получая постоянную живительную подпитку военных парадов и демонстраций, на которых танковая техника становилась безусловным «гвоздем программы». Зародившийся в 1938–1939 гг. миф получил свое дальнейшее развитие в фильме «Танкисты» (реж. З. Драпкин, Р. Майман, 1939 г.), ставшем впечатляющей демонстрацией всеограшающей мощи и фантастических возможностей бронетанковых войск Красной армии.

Действия бронетанковых войск Красной армии в ходе конфликта на р. Халхин-Гол

Спустя всего лишь год бронетанковые войска Красной армии стали участником нового вооруженного конфликта с Японией, на этот раз – более масштабного и ожесточенного. В мае–сентябре 1939 г. на границе Китая с Монголией у реки Халхин-Гол произошли боестолкновения, переросшие в полномасштабные сражения с применением авиации и артиллерии. В отличие от событий на Хасане местность благоприятствовала действиям танков, и они вполне ожидаемо стали главной ударной силой объединенной советской группировки, в составе которой было задействовано 498 танков и 385 бронемашин [История Второй мировой войны 1974, т. 2, с. 217].

Советские автобронетанковые войска, действительно, сыграли решающую роль в главных сражениях данного конфликта, но и в этот раз их потери оказались чрезвычайно тяжелыми. Согласно донесению врид начальника АБТУ комбрига В.П. Пуганова, в общей сложности на Хасане и Халхин-Голе безвозвратно было потеряно 265 боевых машин, включая 136 танков (75 БТ-5, 48 БТ-7, 2 Т-26, 6 Т-37, 5 БХМ-3) и 121 БА, и 8 тягачей Т-20⁹.

Истинную же напряженность боев с применением танков и масштаб их потерь отражают другие показатели. Так, в ходе ожесточенных боев у высоты Баин-Цаган 3–5 июля 1939 г., когда противник переправился на западный берег р. Халхин-Гол и создал угрозу флангу и тылу советско-монгольской группировки, для ликвидации его плацдарма в наступление была брошена 11-я танковая бригада. Эта атака стала одним из самых известных

⁹РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 856. Л. 301.

эпизодов конфликта на Халхин-Голе. Благодаря К.М. Симонову, сохранилось описание боя тем, кто отправил танковую бригаду в эту атаку – Г.К. Жуковым: «На Баин-Цагане у нас создалось такое положение, что пехота отстала... А японцы свою 107-ю дивизию уже высадили на... нашем берегу... перетащили дивизию и организовали двойную противотанковую оборону – пассивную и активную... А во-вторых, перетащили всю противотанковую артиллерию, свыше ста орудий... Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы тогда сознательно шли на это. Бригада была сильная, около 200 машин. Она развернулась и пошла. Понесла очень большие потери от огня японской артиллерии... Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулось 36 танков, и вскоре 24 из них уже горело. Но зато мы раздавили японскую дивизию. Стерли»¹⁰.

Согласно докладу инспектора АБТВ фронтовой группы полковника П.И. Другова, 11-я танковая бригада в ходе боев 3 июля 1939 г. потеряла из общего числа 132 танков 46 – сгоревшими и 36 – подбитыми (62%)¹¹. В докладе командира танковой бригады полковника С.И. Олейникова описана атака 2-го танкового батальона 11 ТБр, когда за три часа боя батальон потерял 21 танк из 31 (67,7%)¹².

Масштаб этих потерь сам по себе должен был подтолкнуть к весьма тревожным выводам. И, если на Хасане потери, действительно, можно было объяснить объективными причинами (танко-недоступной местностью), то на Халхине-Голе танки действовали почти в идеальных в этом отношении условиях, что признавали сами участники событий¹³. Но эти почти идеальные условия не спасли их от тяжелых потерь. Более того, обстоятельства этих действий и уровень потерь фактически стали приговором прежней концепции развития танков, когда в первой половине 1930-х гг. скорость и маневренность считались лучшей защитой от огня противотанковой артиллерии. Но этот, казалось бы, очевидный и самый первый вывод остался не замеченным советскими танковыми специалистами и не нашел никакого отражения в отчетных документах.

¹⁰ *Симонов К.* К биографии Г.К. Жукова // Симонов К. Истории тяжелая вода. М.: Вагриус, 2005. С. 78–79.

¹¹ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 1088. Л. 5.

¹² Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 94. Возможно, что Г.К. Жуков наблюдал именно этот бой.

¹³ Там же. Л. 86.

*Отчетные доклады танкистов:
опыт контент-анализа*

Нет основания полагать, что отчетные доклады были составлены людьми, далекими от реалистического и даже критического восприятия. Совсем наоборот. Тексты и П.И. Другова, и С.И. Олейникова оставляют впечатление трезвого, глубокого и обстоятельного анализа, о чем свидетельствует структура обоих докладов. Так, половина доклада П.И. Другова (47,6% объема) отведена описанию и анализу действий танков в бою, подготовка танков к бою – 14%, обеспечение действий танков – 7,1%, характеристика ТВД – 0,8%, характеристика ПТО противника – 0,7%, выводам посвящена довольно большая часть доклада – 22,8%.

Другов охватил практически все основные вопросы подготовки и применения танков. Но, если оценить «иерархию приоритетности» каждого отдельного вопроса, то на первом месте окажется проблема конструктивных недостатков боевых машин – 16,6%. Автора доклада эта проблема явно волновала более других. И здесь возникает некая коллизия. Полковник Другов достаточно подробно описывает вскрывшиеся слабые места в конструкции танков и бронемашин Красной армии и подробно останавливается на слабости бронирования последних. Но общего вывода о срочной необходимости усиления броневой защиты ввиду полной беззащитности танков перед артиллерией любых калибров так и не было сделано. Острейшая проблема почти полного отсутствия взаимодействия танков с пехотой и особенно с артиллерией, не говоря уже об авиации, в докладе Другова заняла весьма скромное место – всего 5,3% общего объема текста.

Доклад командира танковой бригады полковника С.И. Олейникова – такой же подробный и обстоятельный, содержит, главным образом, описание боевых эпизодов (57,6% общего объема текста). Точно также, как и в докладе Другова, упоминается, что отсутствие взаимодействия с пехотой и артиллерией становилось причиной потерь танков, но этот важнейший вывод теряется среди массы мелких суждений. Доклад Олейникова более всего примечателен повторяющимися замечаниями о совпадении конкретных выводов из опыта войны в Испании и на Халхин-Голе, но вполне закономерный вопрос о том, почему одни и те же ошибки были повторены дважды, у автора доклада так и не возник.

Поразительно, но оба автора докладов, ставшие прямыми участниками событий, подробно описывали характер повреждений советских танков и фактически признавали их беззащитность перед японской противотанковой артиллерией всего лишь 37-мм калибра,

бронебойные снаряды которой с малых и средних дистанций легко пробивали лобовую и бортовую броню любого танка и «раскрывались внутри танка»¹⁴. Последствия пробития броневой защиты танка были катастрофическими: «...от попадания противотанковых снарядов почти все танки и броневики... горят и восстановлению не подлежат. Машины приходят в полную негодность, пожар вспыхивает за 15–30 с. Экипаж всегда выскакивает с горящей одежды. Пожар дает сильный пламя и черный дым (горит как деревянный домик), наблюдаемый с дистанции 5–6 км. Через 15 минут начинают взрываться боеприпасы, после взрыва которых танк может быть использован только как металлолом» [Коломиец 2013, с. 86–87].

Большие потери бронетехники совершенно обосновано объяснялись ошибками в ее применении. В качестве главной из них указывалось отсутствие взаимодействия с другими родами войск на поле боя: «Этот опыт нам говорит, что танковая часть без взаимодействия с пехотой может прорваться через поспешно организованную оборону противника, но полностью уничтожить оборону не сможет... если пехота имеет хотя бы половину суток для организации обороны (особенно противотанковой), атака ее одними танками без поддержки артиллерии и без взаимодействия с пехотой сопряжена с большими потерями. Такая атака может быть допустима только как крайний случай, вызванный оперативными соображениями»¹⁵.

Но все-таки ни повторявшиеся ошибки в применении танков и бронемашин и, как следствие, их большие потери, ни конструктивные недостатки советской бронетехники, не сказались на финальных выводах. Более того, ни один из танкистов, авторов докладов о боях на Халхин-Голе не ставил под сомнение боеспособность советских танков: «БТ-5 и особенно БТ-7 – прекрасные боевые машины, способные решать все боевые задачи легких танков... Танки Т-26 показали себя с лучшей стороны... ХТ-26¹⁶ показали себя исключительно с хорошей стороны. Танк наводил ужас на японскую пехоту»¹⁷.

Общий вывод по итогам халхин-гольского конфликта звучал в уже знакомой нам интонации: «Механизированные части, выражающие мощь техники РККА, являлись грозной силой для захватчиков. Японские пленные солдаты говорили: “мы теперь знаем, что СССР очень богатая страна, у нее много хлеба и машин.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1088. Л. 4об. – 5.

¹⁵ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 1088. Л. 5об.

¹⁶ Огнемётный танк на базе танка Т-26.

¹⁷ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 1088. Л. 15.

Мы боимся ваших танков, особенно, тех, которые метают огонь”. Танкисты проявили везде массовый героизм... показали образцы выдержки, самоотверженности и героизма в борьбе...»¹⁸

Заключение

Действия бронетанковых войск Красной армии в ходе локальных конфликтов на Дальнем Востоке в 1938–1939 гг. дали чрезвычайно важный опыт их применения в современной войне. И на Хасане, и на Халхин-Голе советские танки и бронемашины использовались как главная ударная сила прорыва подготовленной обороны умелого противника, применявшего все средства борьбы с бронированными целями. Полученный опыт был подвергнут анализу на различных уровнях управления войсками, и сделанные выводы в целом точно зафиксировали слабые и сильные стороны бронетехники Красной армии и ее применения. Но в ходе обобщения этого опыта были допущены две фатальных ошибки. Первой из них стало отсутствие вывода о неспособности броневой защиты танков и бронемашин противостоять снарядам противотанковой артиллерии, второй – общая высокая оценка уровня подготовки бронетанковых войск и их соответствия требованиям современной войны. Эти выводы, транслируемые высшему командованию, затем тиражировались советской пропагандой и становились основой ложных представлений и общества, и военно-политического руководства страны об истинной готовности армии к надвигавшейся большой войне.

Литература

- Бельков 2005 – *Бельков Д.А.* Красная армия накануне Великой Отечественной войны: использование опыта локальных войн // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). С. 182–202.
- Богданов 2011 – *Богданов И.О.* Использование советскими конструкторами опыта локальных войн 30-х годов XX в. при создании новой танковой техники // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 4 (85). С. 97–100.
- Болд 2013 – *Болд Р.* Боевые действия на реке Халхин-Гол: пересмотр статистики // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 3 (11). С. 143–154.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 112.

- Дятлов 2014 – Дятлов В.В. Оценка советским военно-политическим руководством опыта боевых действий артиллерии в вооруженных конфликтах и войнах 1929–1940 гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 3 (86). С. 221–224.
- Зимонин 2013 – Зимонин В.П. Халхин-Гол в системе Второй мировой войны // Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века: Сб. статей / Науч. ред. Е.В. Бойкова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 65–83.
- Иванов 2018 – Иванов В.В. Применение бронетехники войсками советской Красной армии в вооруженном конфликте на озере Хасан, июль – август 1938 г. // News of Science and Education. 2018. Т. 12. № 2. С. 6–15.
- История Второй мировой войны 1974 – История Второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. / Гл. ред. А.А. Гречко. Т. 2. М.: Воениздат, 1974. 480 с.
- Коломиец 2013 – Коломиец М.В. Танки на Халхин-Голе: «Необъявленная война» Сталина: боевое крещение советских танкистов. М.: Яуза: Эксмо, 2013. 127 с.
- Мухин 2020 – Мухин М.Ю. Влияние опыта вооруженных действий второй половины 1930-х гг. на организацию и концепции применения советских войск // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 4–12.
- Субханкулов 2011 – Субханкулов Р.Ф. Участие СССР в вооруженных конфликтах у озера Хасан и реки Халхин-Гол: историографический аспект // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 1. С. 32–39.
- Шашкова 2017 – Шашкова О.А. Боевой опыт русской армии: страницы истории военной археографии конца XIX – первой половины XX в. Ч. 3: 1930-е гг. // История и архивы. 2017. № 1. С. 67–77.

References

- Bel'kov, D.A. (2005), "The Red Army on the eve of the Great Patriotic War. Using the experience of local wars", *The New Historical Bulletin*, vol. 13, no. 2, pp. 182–202.
- Bogdanov, I.O. (2011), "The use by Soviet designers of the experience of local wars of the 1930s in development of new tank equipment", *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 85, no. 4, pp. 97–100.
- Bold, R. (2013), "The fighting at the Khalkhin Gol river. A revision of statistics", *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 11, no. 3, pp. 143–154.
- Dyatlov, V.V. (2014), "Assessment by the Soviet military-political leadership of the experience of artillery combat operations in armed conflicts and wars of 1929–1940", *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 86, no. 3, pp. 221–224.
- Grchko, A.A., ed. (1974), *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945* [History of the World War II, 1939–1945], 12 vols., vol. 2, Voениzdat, Moscow, USSR.

- Ivanov, V.V. (2018), "The use of armored forces by troops of the Soviet Red Army in the armed conflict on Lake Khasan, July–August 1938", *News of Science and Education*, vol. 12, no. 2, pp. 6–15.
- Kolomiets, M.V. (2013), *Tanki na Khalkhin-Gole. "Neob'yavlennoy voine" Stalina: boevoye kreshchenie sovetskikh tankistov* [Tanks at Khalkhin Gol. "Undeclared War" of Stalin. Baptism by fire for Soviet tank crews], Yauza, Eksmo, Moscow, Russia.
- Mukhin, M.Yu. (2020), "The military operations experience of the second half of the 1930s influencing the organization and concepts of the use of Soviet troops", *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 12, pp. 4–12.
- Shashkova, O.A. (2017), "Russian army combat experience. Pages of military archeography history in the late 19th – early 20th century. Part 3. 1930s", *History and Archives*, no. 1, pp. 67–77.
- Subkhankulov, R.F. (2011), "Participation of the USSR in armed conflicts near Lake Khasan and the Khalkhin Gol River. A historiographical aspect", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*, no. 1, pp. 32–39.
- Zimonin, V.P. (2013), *Khalkhin-Gol v sisteme Vtoroi mirovoi voiny // Khalkhin-Gol: vzglyad na sobytiya iz XXI veka: Sbornik statei* [Khalkhin Gol. A look at events from the 21st century. Collected articles], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 65–83.

Информация об авторе

Алексей А. Киличенко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kilichenkov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9868-3342

Information about the author

Aleksei A. Kilichenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kilichenkov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9868-3342

УДК 796.03(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-102-116

Советская политика
в области «спорта высоких достижений»
в 1920–1930-х гг.

Николай Б. Копысов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kopysov_n@mail.ru*

Аннотация. В статье поднята проблема места и роли спорта высоких достижений в общественно-политической жизни СССР 1920–1930-х гг. Создавая концепцию развития спорта в стране, советское руководство делало упор в первую очередь на вопросы физической культуры, не предполагавшей наличия в ней соревновательного элемента. Однако развитие советского спорта в рассматриваемый период носило крайне неоднородный характер, в связи с чем изменялась и роль спортивных соревнований. Автор анализирует эти трансформации, используя нормативно-правовые документы, издаваемые организациями, так или иначе руководившими советским спортом в 1920–1930-х гг. и материалы периодической печати. Особое внимание уделяется постановлениям 1933–1934 гг., окончательно утвердившим спорт высоких достижений в советском обществе, их предпосылкам, причинам и результатам. Автор приходит к выводу о том, что резкий поворот в сторону развития спорта высоких достижений в СССР в 1933–1934 гг. привел к легитимизации спорта как профессии и был связан с реализацией определенных внешнеполитических стратегий, в частности, с необходимостью развития международных связей как с пролетарскими, так и с буржуазными силами в Европе на фоне нацистской угрозы.

Ключевые слова: история спорта, спорт в СССР, спорт высоких достижений, физическая культура, ВСФК, спортивная периодическая печать

Для цитирования: Копысов Н.Б. Советская политика в области «спорта высоких достижений» в 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 102–116. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-102-116

© Копысов Н.Б., 2024

Soviet policy on “high-performance sports” in the 1920s and 1930s

Nikolai B. Kopysov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kopysov_n@mail.ru*

Abstract. The article affects an issue of the place and role of high-performance sports in the socio-political life of the USSR of the 1920s – 1930s. Creating the concept of sports development in the country, the Soviet leadership focused primarily on the issues of physical culture, which did not imply the presence of a competitive element in it. However, the development of Soviet sports in the period under review was extremely heterogeneous, and therefore the role of sports competitions was changing. The author analyzes those transformations using documents published by organizations that managed Soviet sports in the 1920s – 1930s and materials of the periodical press. Special attention is paid to the regulations of 1933–1934, which finally established the high-performance sports in Soviet society, their prerequisites, causes and results. The author comes to the conclusion that a sharp turn towards the development of high-achievement sports in the USSR in 1933–1934 led to the legitimization of sport as a profession and was associated with the implementation of certain foreign policy strategies, in particular, with the need to develop international relations with both proletarian and bourgeois forces in Europe against the background of the Nazi threat.

Keywords: history of sports, sports in the USSR, high-performance sports, physical culture, ACPC (VSFC), sports periodicals

For citation: Kopysov, N.B. (2024), “Soviet policy on ‘high-performance sports’ in the 1920s and 1930s”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 102–116, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-102-116

Введение

Деятельность советского руководства в области спорта в межвоенный период традиционно рассматривается с точки зрения развития физической культуры. Однако не менее значимыми в этот период были вопросы спорта высоких достижений.

К вопросу становления спорта высоких достижений в СССР обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Одним из первых этот вопрос поднял Р. Эдельман. Рассматривая не «производство», а «потребление» советского спорта, он опреде-

ляет сложные взаимоотношения между «верхом» – государством и «низом» – зрителями и болельщиками. Ученый приходит к выводу, что цели развития спорта в СССР зачастую не совпадали с интересами рядового зрителя [Эдельман 2008]. С. Дюфресс рассматривает феномен советских спортсменов как знаменитостей. Ученый говорит о возникновении советского спорта и неоднозначности социокультурной роли его непосредственных представителей, которая стала предметом конфликтов среди партийных организаций. Отправной точкой для своего исследования автор делает 1934 г., когда, по его мнению, формируется феномен советского спортсмена как знаменитости [Дюфресс 2018].

Складывание отечественной историографии советского спорта началось в 2000-х гг. А.Б. Суником рассматриваются различные аспекты зарождения спорта и олимпийского движения в России [Суник 2010]. История спортивных соревнований нашла отражение в исследованиях С. Бондаренко (становление футбола в СССР в межвоенный период) [Бондаренко 2013] и В.В. Борисова (развитие бокса [Борисов 2020a] и тяжелой атлетики в СССР [Борисов 2020b]). Становление спортивных клубов в СССР Д.С. Оленев и А.В. Чернов исследуют через призму происхождения названий советских спортивных обществ [Оленев, Чернов 2010]. Е.В. Барышева [Барышева 2012] и А.Н. Филиппов [Филиппов 2012] исследуют феномен физкультурных парадов в СССР, приходя к выводу об их особой политической важности. Спортивная политика СССР и связанная с ней политическая борьба в высшем партийном руководстве нашли отражение в советской спортивной прессе, ставшей предметом исследования К.А. Алексеева. Отмечая ее политический характер, автор приходит к выводу, что советская спортивная пресса, во многом основанная на дореволюционных «буржуазных» изданиях, сохраняла их черты вплоть до конца 1930-х гг. [Алексеев 2015]. На сегодняшний день вне поля зрения исследователей остались вопросы теоретического обоснования необходимости спорта высоких достижений, способах его реализации и роли в общественно-политической жизни страны.

Становление спорта высоких достижений в СССР

Создавая концепцию развития физической культуры в стране, часть советского руководства, выступавшая с левых позиций, ставила под сомнение вопрос о целесообразности культивирования соревновательного спорта как такового, предполагая ограничиться

гимнастическими упражнениями без соревновательного элемента. В постановлении о создании ВСФК (Высшего Совета Физической Культуры), руководящего органа в области физкультуры и спорта с 1923 г., слово «спорт» не фигурирует, что свидетельствует о его второстепенности по отношению к физкультуре¹, основными задачами развития которой стали ее «пролетаризация» и «массовизация»². Руководство советским спортом считало, что стремление победить соперника, поставить рекорд – исключительно буржуазная практика, пагубно влияющая на развитие советской физической культуры³.

Пойти на такой радикальный шаг, как полная отмена спортивных состязаний, органы, руководившие физкультурой в стране, все же не смогли. В связи с этим было решено проводить соревнования как губернского, так и всесоюзного уровня. В них закладывались принципы, которые позволяли, как отмечал член ВСФК Л. Геркан, пролетарскому спорту дистанцироваться от буржуазного⁴. Во-первых, спортивные соревнования могли создать здоровую конкурентную среду, усиливающую эффективность занятий физкультурой. Во-вторых, в соревнованиях должны были быть заложены основы социальности и коллективизма, отвечающие задачам социалистического строительства. В-третьих, соревнования, являясь не только средством досуга, но и крупным событием, позволяли привлекать к занятию физкультурой все больше людей, что было особенно важно в контексте вопроса массовости⁵.

Однако с такой позицией согласиться смогли не все. Оппозиция по этому вопросу именовалась в прессе «левым уклоном». Противоречия были настолько весомы, что отдельные их элементы проникали на страницы прессы. Так, например, в начале 1925 г. «Красный спорт» приводит опыт организации физкультуры в г. Самаре, где местная администрация свела ее к посещениям «нормального

¹О культурной работе профсоюзов: из постановления пленума ВЦСПС от 12–17 апреля 1923 г. // Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / Сост. И.Г. Чудинов. М., 1959. С. 9–11.

²Там же.

³*Израилов А.* Рабочая молодежь и спорт буржуазии // Известия спорта. 1923. № 5. С. 4.

⁴*Геркан Л.* Массовый и индивидуальный характер спорта // Там же. 1922. № 4. С. 3.

⁵Итоги работы и очередные задачи профсоюзов: из резолюции XV конференции ВКП(б) от 26 октября – 3 ноября 1926 г. // Основные постановления... С. 14.

урока», исключаяющего всякого рода соревновательную деятельность⁶. Ситуация потребовала вмешательство ЦК РКП(б), постановившего: «В вопросе относительно соревнований необходимо исходить из того положения, что применяемые в соответствии с научными требованиями соревнования должны быть одним из способов вовлечения масс в физкультуру и выявления достижений в ней, как индивидуальных, так и, особенно, целых коллективов»⁷.

Своеобразным итогом первого десятилетия развития советской физкультуры, в котором нашли отражение все ее тенденции, стала московская Спартакиада 1928 г. Противопоставляя ее буржуазным соревнованиям, советское руководство заявляло: «Пусть на буржуазной олимпиаде в Амстердаме покажут лучшие секунды. Мы за этим не гонимся. Нам это не надо... Там – спорт ради спорта, у нас же – спорт для укрепления физических сил рабочего класса»⁸. При этом на торжественной церемонии закрытия Спартакиады А.С. Енукидзе, заявил о том, что на Спартакиаде было установлено свыше 80 новых всесоюзных рекордов⁹. В прессе даже присутствовало сравнение спортивных результатов Спартакиады с лучшими показателями буржуазных спортивных соревнований¹⁰. Таким образом, несмотря на идеологическое осуждение рекордсменства, был сделан определенный шаг в сторону соперничества с буржуазией и в достижении лучших спортивных результатов.

Спорт высоких достижений на рубеже 1920–1930-х гг. Великий перелом

Рубеж 1920–1930-х гг. ознаменовался колоссальными внутриполитическими процессами в СССР. Стремление достичь коренного перелома в социалистическом строительстве, индустриализация и реализация грандиозных проектов первой пятилетки, коллективизация сельского хозяйства стали причиной того, что физкультура

⁶ Еще один из уклонов через край в советской физкультуре // Красный спорт. 1925. 11 янв. С. 2.

⁷ Постановление ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. // Основные постановления... С. 12.

⁸ Громов Б. Спартакиада // Известия. 1928. 12 авг. С. 3.

⁹ Торжественное закрытие всесоюзной Спартакиады // Правда. 1928. 25 авг. С. 4.

¹⁰ Единый боевой фронт рабочих спортсменов // Физкультура и спорт. 1928. № 35. С. 2.

и спорт несколько утратили свою значимость, отходя на второй план или вовсе пропадая со страниц прессы. Однако несмотря на явное преобладание вопросов физкультуры над вопросами спорта, темы спортивных соревнований все же не ушла из повседневной риторики.

Одной из таких тем был футбол. Всесоюзно популярная игра к началу 1930-х годов постепенно превратилась из средства физкультуры и физического развития в яркое зрелище, имевшее сотни тысяч поклонников по всей стране, но в 1929 г. на страницах прессы стали появляться статьи о «болезни» отечественного футбола. Критиковались грубость игроков во время матчей, слабая квалификация судей и, главное, отрыв футбола от общей физкультурно-спортивной линии и постепенное его превращение в «спорт ради спорта»¹¹. Подобные идеологически неверные тенденции усилились к 1933–1934 гг. «Красный спорт» заговорил о футболомании в регионах, противопоставляя ее «здоровому» спорту, работа по культивации которого отходила на второй план¹². Неоднократно публиковались материалы о переходах игроков из одной команды в другую, что, по мнению редакции, срывало физкультурную работу. Руководство команд резко критиковалось, а игроки назывались рвачами¹³. Недопустимым руководством советским спортом считало и формирование феномена футбольных болельщиков. «Кружковый патриотизм» считался воплощением некультурности и грубости и должен был быть немедленно искоренен¹⁴. Эти материалы свидетельствуют о формировании элементов буржуазного спорта и, как следствие, борьбу с ними уже в начале 1930-х гг.

Противопоставить футболу, все больше перенимавшему западные буржуазные черты, советское руководство пыталось легкую атлетику. Легкоатлетические события удостаивались не меньшего внимания, чем события футбольные, несмотря на то что аудитория этих видов спорта была едва ли сопоставима. Легкая атлетика была инструментом агитации за сдачу норм ГТО, важнейшему аспекту развития физической культуры рассматриваемого периода¹⁵. Аналогичная ситуация имела место и в зимних видах спорта. Хоккей с мячом, представлявший собой зимний аналог футбола, и имевший

¹¹ Зискинд А. Беспощадная борьба извращениям в футболе! // Там же. 1929. № 46. С. 3.

¹² Спорта нет: футболомания процветает // Красный спорт. 1934. 5 янв. С. 2.

¹³ Пять рвачей // Там же. 12 мая. С. 4.

¹⁴ Писарев В.С. Ликвидировать болельщиков! // Там же. 28 февр. С. 4.

¹⁵ Хроника // Известия. 1932. 6 авг. С. 4.

схожие с ним «недостатки» пользовался популярностью у широкой аудитории и освещался в прессе. В то же время лыжный спорт, концептуально схожий с легкой атлетикой, упоминался столь же часто, хоть и не имел такой же широкой аудитории.

Нацистская угроза и на ее фоне необходимость сближения с политическими оппонентами в области спорта подтолкнули советское руководство к пересмотру некоторых фундаментальных принципов отечественной физкультуры. Осенью 1933 г. ВСФК выпустил постановление, в корне перевернувшее подход к вопросу соревнований. Президиум совета признавал успешное выполнение задач партии в области физкультуры, в том числе и по ликвидации «рекордсменского уклона»¹⁶. Для дальнейшего же развития спорта в стране, в первую очередь его качественного уровня, предполагалось создание добровольных массовых спортивных обществ, составленных по производственному принципу, по типу общества «Динамо», существовавшего с 1923 г.¹⁷ Задачами этих обществ должны были стать физкультурная работа среди трудящихся, подготовка к сдаче норм ГТО и, главное, усиление качества спортивно-технической работы, для скорейшего осуществления лозунга «Догнать и перегнать буржуазные рекорды в спорте» в сочетании с массовой физкультурной работой¹⁸. Как мы видим, в рамках одного документа говорится о ликвидации «рекордсменского уклона» и необходимости погони за рекордами. Подобный диссонанс, вероятнее всего, связан с необходимостью введения изменений в области спортивных достижений в сочетании с нежеланием отказываться от предыдущих заявлений.

Бурные обсуждения этого постановления в спортивных кругах вынудили выступить с речью председателя ВСФК Н. Антипова. Он заявил, что советская физкультура не собирается отказываться от своих базовых принципов, а ее основой все так же остается комплекс ГТО, направленный на включение широких масс в физкультурную работу. Результаты комплекса показывают эффективность системы советской физкультуры, отходить от которой попросту нет оснований¹⁹. Актуализацию темы рекордов руководитель связывал с гибкостью физкультурной системы, способной по мере

¹⁶ О перестройке физкультурного движения: постановление президиума ВСФК при ЦИК СССР от 7 октября 1933 // Красный спорт. 1933. Спец. вып.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Комплекс ГТО был, есть и будет основой нашей работы: речь тов. Н.К. Антипова // Там же. 1934. 25 апр. С. 3–4.

необходимости перестроиться с военной подготовки на работу в области спорта и наоборот²⁰. Антипов четко дал понять – «в советском физкультурном движении взят курс на погоню за буржуазными рекордами». Это решение обосновывалось, во-первых, запросом советского общества на высокие достижения в спорте, а во-вторых, стремлением результатами доказать правильность курса, проводимого ВСФК.

Об актуализации вопроса спорта в рамках советской физкультуры свидетельствует возобновление в 1933 г. выпуска газеты «Красный спорт», более ориентированной на спортивную тематику, чем издание «Физкультура и спорт», затрагивавшего вопросы спорта лишь косвенно²¹. На ее страницах появляется не только информация о всесоюзных достижениях, но и сравнение результатов советских спортсменов с западными рекордами²². Для определения спортсменов, ставящих своей целью достижение высоких результатов, начало использоваться слово «мастер»²³. В 1934 г. в обиход уверенно входит недопустимое ранее словосочетание «чемпион СССР»²⁴.

Завершающим элементом перехода советской физкультуры на «спортивные» рельсы стало постановление ЦИК СССР об установлении звания заслуженного мастера спорта. Понятие «мастер спорта» существовало и ранее, однако данный акт предписывал регламентировать его присвоение. Звания могли быть удостоены «выдающиеся мастера – активные строители советской физической культуры»²⁵.

«Догнать и перегнать буржуазные рекорды»

Постановления 1933–1934 гг. полностью изменили не только характер развития советской физкультуры и спорта, но и само ее целеполагание. Генеральной целью ее развития ставилось уже

²⁰ Там же.

²¹ Выше мирового буржуазного рекорда // Красный спорт. 1933. 5 окт. С. 5.

²² Фирсов З. Спортивные достижения советских и мировых пловцов // Там же. 1934. 31 янв. С. 4.

²³ Всячески помочь мастеру // Там же. 8 апр. С. 2.

²⁴ Рейтер В. Чествование чемпиона СССР т. Буйницкого // Там же. 16 мая. С. 3.

²⁵ Об установлении звания заслуженного мастера спорта: постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. // Основные постановления... С. 22–23.

не создание физически развитого советского человека – борца за мировую революцию, или политическое воспитание рабочего класса, а достижение мирового первенства в спорте. Риторика завоевания мировых рекордов и достижения побед на мировом уровне отчетливо прослеживалась в официальных заявлениях высшего руководства советской физкультурой. Так, на совещании президиума ВСФК в октябре 1934 г. Н. Антипов не просто заявляет о необходимости воплощения в жизнь лозунга «догнать и перегнать буржуазные рекорды», но и четко формулирует условие его реализации. А цели работы в этом направлении сформулировал В. Манцев, преемник Н. Антипова. По его мнению, победы на международной арене и достижение мировых рекордов станут своеобразной рекламой советского общества и пропагандой политического устройства СССР для рабочего класса всего мира²⁶.

Выход советского спорта на международную арену способствовал определенному сближению с идеологическими оппонентами. Так, в 1934 г. в Москву были приглашены первые буржуазные спортсмены: с показательными выступлениями перед советской публикой предстали сильнейшие конькобежцы и легкоатлеты, в 1935–1939 гг. советские футболисты проводили многочисленные встречи с буржуазными оппонентами, советская пресса все больше обращала внимание на спортивные соревнования в буржуазных странах.

Политически важными для СССР были взаимоотношения с представителями реформистских спортивных организаций, по которым особенно сильно ударил приход к власти в Германии НСДАП. Постановлением от января 1934 г. Люцернский спортивный клуб разрешил своим организациям устанавливать контакты с красными спортсменами. Красный спортивный клуб, в свою очередь, организовал в Париже летом того же года международный спортивно-гимнастический слет рабочих спортсменов, к участию в котором приглашались реформистские и даже буржуазные организации, стоящие на позициях борьбы с фашизмом²⁷. Несмотря на все еще ощутимые разногласия, оба спортивного клуба в сотрудничестве выступили против берлинской Олимпиады 1936 г. Красные физкультурные организации должны были внести предложения по борьбе с играми секциям САСИ, обратиться к рабочим партиям за

²⁶ Как можно лучше и в кратчайший срок // Красный спорт. 1935. 27 мая. С. 1.

²⁷ О международном спортивно-гимнастическом слете рабочих спортсменов в Париже: постановление президиума ВСФК при ЦИК СССР от 2 апреля 1934 // Там же. 12 апр. С. 1.

поддержкой антиолимпийской кампании, проводить разъяснительную работу в буржуазных и студенческих спортивных организациях, мобилизовать революционную печать²⁸. Высшей точкой этого сотрудничества стало, безусловно, участие советских спортсменов на очередной рабочей олимпиаде 1937 г. в Антверпене, широко освещавшейся советской прессой. Подчеркивалось, что основным ее лозунгом является противодействие фашизму²⁹.

Антифашистская риторика сохранилась вплоть до 1939 г. В 1938 г. издания выступили против планировавшейся в 1940 г. Олимпиады в Токио³⁰. Не прекратилась практика антифашистских слетов, ставших одними из регулярных международных соревнований. По-прежнему публиковались материалы об ужасающем характере спорта в Германии³¹. Фашистские организации оставались главными антагонистами для советских изданий вплоть до лета 1939 г.³² Таким образом, характерное для советской прессы разделение на добро и зло в 1933–1939 гг. происходило не по принципу пролетариат – буржуазия, как это было ранее, а по признаку антифашизм – фашизм.

Отметим, что тема рекордов во второй половине 1930-х гг. выходила за рамки непосредственно спортивной риторики. Так, например, в одной из карикатур в «Известиях» лозунг «За мировые рекорды!» поставлен в один ряд с другими постулатами мирового рабочего класса в борьбе с буржуазией³³. Наиболее же ярким явлением всесоюзного размаха движения за достижение мировых рекордов в рассматриваемый период стали успехи советской авиации. О важности ее развития заявлялось еще в середине 1920-х гг., однако предметные разговоры и конкретные планы действий появились лишь в 1935–1936 гг. Примечательно, что показателем развития такой важной отрасли, применяемой как в военной, так и в гражданской сфере, как авиация, виделось достижение наивысших технических показателей: скорости, высоты и дальности беспосадочного перелета³⁴. Вступление СССР в ФАИ (Federation Aeronautique Internationale – Международная авиа-

²⁸ Против фашистской олимпиады // Там же. 1935. 30 мая. С. 2.

²⁹ Рабочая олимпиада в Антверпене // Там же. 1937. 25 июля. С. 4.

³⁰ Семенов А. Где будет Олимпиада? // Красный спорт. 1938. 5 янв. С. 2.

³¹ Федоров Р. Спорт в фашистской Германии // Там же. 1938. 14 апр. С. 3.

³² Четкина О. Спортивная молодежь и демократический фронт мира // Там же. 1939. 19 июня. С. 2.

³³ Стоп! Красный свет! // Известия. 1936. 12 янв. С. 3.

³⁴ Некрасов А. Рекорд большевиков // Там же. 11 авг. С. 2.

ционная федерация) для официального фиксирования рекордов советских летчиков превратило развитие авиации и достижение рекордных показателей в этой сфере в своеобразное спортивное соревнование. Поэтому к освещению этих событий подключилась и спортивная пресса, обратившая, вместе с правительственной, внимание на наиболее яркие достижения³⁵. К таковым относились многочисленные рекорды высоты В. Коккинаки и рекорды дальности перелета экипажей В. Чкалова и М. Громова³⁶. Спортивная составляющая развития авиации в СССР выразилась и в проведении спортивных соревнований по аэропорту³⁷.

Взятый курс на достижение мировых рекордов привел к популяризации образа самих спортсменов. Вслед за героями-летчиками, не только удостоившимися высших государственных наград, но и ставшими настоящими кумирами для советского человека, выдающиеся спортсмены СССР также постепенно становились героями страны. Подобные тенденции прослеживались в советском спорте как в 1920-х, так и в начале 1930-х гг., однако в те годы образ спортсмена представлял собой некий обезличенный идеал. С введения в 1934 г. звания заслуженного мастера спорта отчетливо просматривается процесс персонификации спортсмена. Чемпионам посвящались статьи, предоставлялось слово на страницах СМИ, особо освещалось присвоение званий заслуженного мастера спорта³⁸. Лучшие спортсмены СССР оценивались как передовые граждане страны, назывались «знатными людьми» советской физической культуры³⁹. Наиболее яркими представителями советского спорта второй половины 1930-х гг. являлись конькобежец Я. Мельников, одним из первых померившийся силами с буржуазными чемпионами мира в своей дисциплине, бегуны Г. и С. Знаменские, также неоднократно принимавшие участие в забегах с мировыми рекордсменами, футболисты братья Старостины, внесшие весомый вклад в развитие советского футбола и его успехи на международной арене, боксер В. Михайлов, легкоатлеты Р. Люлько, Н. Озолин, М. Шаманова и др.

Активная популяризация и развитие спорта высоких достижений обнажили материальную сторону этого вопроса. Согласно устоявшимся принципам, основанным на советской идеологии,

³⁵ Михайлов Р. Мировые рекорды // Красный спорт. 1936. 1 янв. С. 2.

³⁶ Бухаров А. Герой-спортсмен // Там же. 1937. 15 июля. С. 1.

³⁷ Горшенин П. Воздушные соревнования и авиационные рекорды // Правда. 1937. 17 февр. С. 2.

³⁸ Заслуженные мастера спорта // Красный спорт. 1937. 23 марта. С. 1.

³⁹ Яков Федорович Мельников // Там же. 1939. 11 июня. С. 3.

спортсмены были обязаны работать на производстве в соответствии со своей специальностью, не получая доходов за спортивную деятельность. Однако достижение высоких результатов требовало от спортсменов регулярных тренировок, не позволяющих уделять работе достаточно времени, в связи с чем спортивные общества и клубы еще в период нэпа прибегали к полулегальным или вовсе нелегальным способам финансирования своих спортсменов. Эти практики были известны советскому руководству, старавшемуся бороться с подобным буржуазным явлением. В начале 1937 г. в «Красном спорте» факты дотаций и стипендий в спортивных обществах были подвергнуты жесткой критике⁴⁰. Одним из постановлений комитета по физкультуре «иждивенческие настроения» в советской физкультуре предлагалось полностью ликвидировать⁴¹.

Уже в июле того же года вопрос о выплатах спортсменам поднял руководитель ВСФК И. Харченко. В очередной речи, посвященной целям советской физической культуры, он призвал отказаться от точки зрения, что мастера спорта должны обязательно работать на производстве⁴². По мнению Харченко, они представляли высокую ценность как передовые люди советской физкультуры, вследствие чего физкультурные организации должны оказывать им всякую помощь в совершенствовании спортивного мастерства⁴³. Функционер заключил: «В нашей стране лучший спортсмен оценивается как передовой человек нашей родины, и нет ничего зазорного в том, чтобы спортивная работа была его жизненной профессией»⁴⁴. Этим заявлением Харченко фактически признал спорт в СССР «легальной» профессией, в связи с чем мы можем сделать вывод о легитимизации спорта как профессии в довоенном СССР.

Заключение

⁴⁰ *Ерастов И.* Против «стипендиатов» и «иждивенцев» в спорте // Там же. 1937. 11 янв. С. 2.

⁴¹ О запрещении выплаты так называемых стипендий и дотаций физкультурникам: постановление московского комитета по делам физической культуры и спорта при Мособлисполкоме и Моссовете // Там же.

⁴² *Харченко И.* Ближайшие задачи советской физической культуры // Там же. 13 июля. С. 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

Итак, вопрос непосредственно спорта и спортивных соревнований стал для советского руководства предметом разногласий и неоднозначных трактовок. В начале 1920-х гг. необходимость их организации ставилась под сомнение – предлагалось ограничиться лишь физкультурно-гимнастическими мероприятиями. Стремление к победе над соперником и погоня за рекордами считались буржуазными явлениями, чуждыми пролетарской физкультуре, и поэтому критиковались. Однако уже в конце 1933 г. в вопросе необходимости развития спортивной составляющей произошел резкий поворот. В результате этого тема спортивных соревнований и рекордов стала преобладать в физкультурной риторике. Заявления об отсутствии необходимости работы на производстве для лучших спортсменов и их возможности сделать занятие спортом основным видом заработка говорит об официальном существовании спорта как профессии в СССР в короткий предвоенный промежуток времени. Поворот в сторону борьбы за рекорды был обусловлен необходимостью выхода советского спорта на международную арену для реализации определенных внешнеполитических стратегий.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РГГУ «История советской повседневности: актуальный взгляд молодых историков» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The reported study was carried out within the RSUH project “The History of Soviet everyday life: an up-to-date view of young historians” (“Student project research teams of RSUH” competition).

Литература

- Алексеев 2015 – Алексеев К.А. Спортивная журналистика после октября 1917 года: особенности происхождения советской физкультурно-спортивной печати // Вестник МГУ. Серия «Журналистика». 2015. № 2. С. 103–119.
- Барышева 2012 – Барышева Е.В. Визуальные аспекты репрезентации власти в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные чтения РГГУ – 2011: теория и методология

- гуманитарного знания, общественные функции гуманитарных и социальных наук, россиеведение, гуманитарное знание и образование: сборник материалов / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М.: РГГУ, 2012. С. 254–264.
- Бондаренко 2013 – *Бондаренко С.* Советский футбол в довоенную пятилетку (1936–1941) // *Логос*. 2013. № 5. С. 171–212.
- Борисов 2020a – *Борисов В.В.* Становление и развитие бокса в Петрограде – Ленинграде 1917–1941 гг. // *Вопросы студенческой науки*. 2020. № 8. С. 318–323.
- Борисов 2020b – *Борисов В.В.* Становление и развитие тяжелой атлетики в Петрограде – Ленинграде 1917–1941 гг. // *Вопросы студенческой науки*. 2020. № 10. С. 234–237.
- Дюфресс 2018 – *Дюфресс С.* Спортивные знаменитости: возникновение и эволюция феномена в СССР // *Социология власти*. 2018. № 2. С. 83–100.
- Оленев, Чернов 2010 – *Оленев Д.С., Чернов А.В.* К проблеме спортивного дискурса: нейминг отечественных клубов как индикатор социальных трансформаций // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2010. № 2. С. 61–65.
- Суник 2010 – *Суник А.Б.* Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010. 615 с.
- Филиппов 2012 – *Филиппов А.Н.* Советский физкультурный парад 1920–1930-х гг. // *Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки»*. 2012. № 1. С. 30–33.
- Эдельман 2008 – *Эдельман Р.* Серьезная забава: История зрелищного спорта в СССР. М.: Советский спорт, 2008. 398 с.

References

- Alekseev, K.A. (2015), “Sports journalism after October 1917. Features of the origin of the Soviet physical culture and sports press”, *Vestnik MGU, Seriya “Zhurnalistika”*, no. 2, pp. 103–119.
- Barysheva, E.V. (2012), “Visual aspects of the representation of power in the 1920s and 1930s”, in Pivovarov, E.I., ed., *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2011: teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya, obshchestvennye funktsii gumanitarnykh i sotsial’nykh nauk, rossievedenie, gumanitarnoe znanie i obrazovanie: sbornik materialov* [RSUH Humanitarian Conference – 2011. Theory and methodology of humanitarian knowledge, public functions of humanities and social sciences, Russian studies, humanitarian knowledge and education. Collected proceedings], RGGU, Moscow, Russia, pp. 254–264.
- Bondarenko, S. (2013), “Soviet football during the pre-war five-year period (1936–1941)”, *Logos*, no. 5, pp. 171–212.
- Borisov, V.V. (2020), “Formation and development of boxing in Petrograd – Leningrad 1917–1941”, *Voprosy studencheskoi nauki*, no. 8, pp. 318–323.
- Borisov, V.V. (2020), “Formation and development of weightlifting in Petrograd – Leningrad 1917–1941”, *Voprosy studencheskoi nauki*, no. 10, pp. 234–237.

- Dufraisse, S. (2018), “The advent of sport celebrities. Emergence and evolution of the phenomenon in the USSR”, *Sotsiologiya vlasti*, vol. 30, no. 2, pp. 83–100.
- Edelman, R. (2008), *Ser'eznaya zabava: Istoriya zrelishchnogo sporta v SSSR* [Serious fun. A history of spectator sports in the USSR], Sovetskii sport, Moscow, Russia.
- Filippov, A.N. (2012), “Soviet sports parade of the 1920s – 1930s”, *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki”*, no. 1, pp. 30–33.
- Olenev, D.S. and Chernov, A.V. (2010), “An issue of sports discourse. The naming of Russian clubs as an indicator of social transformations”, *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 61–65.
- Sunik, A.B. (2010), *Ocherki otechestvennoi istoriografii istorii fizicheskoi kul'tury i sporta* [Essays on the national historiography of the history of physical culture and sports], Sovetskii sport, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Николай Б. Копысов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kopysov_n@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-2585-1524

Information about the author

Nikolai B. Kopysov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kopysov_n@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-2585-1524

К вопросу о формировании
ответственного правительства (министерства)
Витте – Столыпина:
факты и их интерпретация

Данил В. Рыбин

*Санкт-Петербургский институт (филиал),
Всероссийский государственный университет юстиции,
Санкт-Петербург, Россия, danilarybin@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема, активно обсуждаемая в современной исторической науке. Это история безуспешного формирования коалиционного правительства из чиновников и общественных деятелей в разгар первой русской революции. Несмотря на важные открытия в данной сфере многие аспекты формирования правительства общественного доверия остались неизвестны. Часть из них мы представляем в настоящей публикации. Были предприняты три попытки сформировать правительство: С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкиным и П.А. Столыпиным. Наиболее близка к созданию правительства была комбинация, дискутировавшаяся в июне 1906 г. По нескольким причинам она не состоялась. Каждая сторона преследовала свои интересы, зачастую групповые или эгоистичные. Все обвиняли друг друга в провале переговоров. Таким образом, была упущена важная возможность сближения городских обществ с государством. Это сыграло негативную роль в будущей истории страны.

Ключевые слова: ответственное министерство, А.Ф. Кони, П.А. Гейден, Д.Н. Шипов, легалисты, консервативные либералы, кадеты, правительство общественного доверия, Государственная Дума, Министерство народного просвещения, общественные деятели

Для цитирования: Рыбин Д.В. К вопросу о формировании ответственного правительства (министерства) Витте – Столыпина: факты и их интерпретация // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 117–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-117-133

On the issue of the formation
of a responsible government (ministry)
of Witte – Stolypin.
Facts and their interpretation

Danil V. Rybin

St. Petersburg Institute (branch),

All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia,

danilarybin@rambler.ru

Abstract. The article considers an issue that is actively discussed in modern historical science. It is the story of the unsuccessful formation of a coalition government of officials and public figures at the height of the first Russian revolution. Despite important discoveries in the sphere, many aspects of the formation of a government of public trust remain unknown. We present some of them in this publication. Three attempts were made to form a government by the chairmen of the government: S.Yu. Witte, I.L. Goremykin and P.A. Stolypin. The closest they came to forming a government was the combination discussed in June 1906. For several reasons it did not take place. Each side pursued its own interests, often the group or selfish ones. Everyone blamed each other for the failure of the negotiations. Thus, an important opportunity to bring urban societies closer to the state was missed, what played a negative role in the future history of the country.

Keywords: responsible ministry, A.F. Koni, P.A. Geiden, D.N. Shipov, legalists, conservative liberals, cadets, government of public trust, State Duma, Ministry of Public Education, public figures

For citation: Rybin, D.V. (2024), “On the issue of the formation of a responsible government (ministry) of Witte – Stolypin. Facts and their interpretation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 117–133, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-117-133

Введение

Одной из тем, живо интересующих историков за годы первой русской революции, стали планы высшей власти о формировании так называемого ответственного министерства или ответственного правительства. Проблема обсуждалась целый век. Если рассматривать советский период, то основные работы о дискуссии по ответственному правительству отмечались в отдельных изданиях, но специальному глубокому изучению не подвергались. Исключением составила очень хорошая монография В.И. Старцева (1977).

В первой части работы исследователь подробно разобрал все перипетии борьбы вокруг создания ответственного правительства. Автор проработал много воспоминаний, но совершенно исключил из объекта исследования архивные материалы, особенно переписку, а также часть прессы. В итоге работа имеет большие «провалы» и пробелы [Старцев 1977, с. 8–130].

Особенно активно эта тема обсуждается последние 20 лет. Можно выделить работы В.В. Кара-Мурзы [Кара-Мурза 2014, с. 111–113]. Автор в основном следует идее П.Н. Милюкова о срыве плана ответственного министерства Столыпина. С.В. Куликов отмечал в своем исследовании роль Д.В. Трепова в переговорах о создании ответственного министерства. Исследователь почти по дням восстанавливает все мероприятия дворцового коменданта по укреплению власти, налаживанию связи с 1-й Думой, формированию коалиции. Есть тонкое отличие работ С.В. Куликова и С.В. Шелохаева. Последний был склонен считать переговоры игрой власти с думской оппозицией. В то время как Куликов считает, что речь шла о реальных планах Трепова, В.Б. Фредерикса, и, возможно Николая II по формированию коалиционного (правительственно-кадетского) правительства. Считая, что планы власти по формированию нового правительства были серьезными, он допускает большое преувеличение, утверждая, что причиной срыва переговоров стала почти исключительно бескомпромиссная позиция Милюкова (аргументации при этом исследователь приводит недостаточно). Автор делает смелые утверждения, что Николай II был консервативным либералом, что не подкрепляется источниками [Куликов 2017, с. 115–132].

Работа С.В. Перекрестовой в каком-то смысле продолжает публикацию Куликова. В ней раскрывается история третьего обсуждения коалиционного правительства при Столыпине. Автор делает акценты на относительно неизвестных аспектах переговоров, в том числе особенно выделяя роль либералов Д.Н. Шипова и Г.Е. Львова и объясняя причины сильного стремления лидеров думской оппозиции к формированию ответственного министерства. Вслед за Куликовым Перекрестова считает, что царь серьезно воспринимал переговоры (Столыпин остается под вопросом), а сорвались они из-за ригидности обеих сторон [Перекрестова 2017, с. 25–30].

С юридической стороны к вопросу постаралась подойти исследовательница О.С. Неверова [Неверова 2013, с. 87–93]. Она напоминает, что требование ответственности правительства и ответственного министерства было одним из главных лозунгов кадетской партии на выборах в первую Государственную Думу.

Победив на выборах, партия пыталась проводить этот принцип в жизнь. Встретив сопротивление 13 мая 1906 г. Государственная Дума вынесла вотум недоверия правительству. Рассказывая о Ф.Ф. Кокошкине, Нестерова приходит к выводу, что в то время в России под ответственным министерством прежде всего понималось правительство, опирающееся на общественное мнение, зависимое от него. То есть речь шла не о прямой юридической ответственности министров.

Подробный анализ всех трех попыток сформировать ответственное министерство был изложен в работе С.В. Шелохаева, крупнейшего специалиста по политической системе империи начала XX в. Этот анализ мы приведем ниже [Шелохаев 2001, с. 251–262]. Вторит ему следующий крупный исследователь – К.А. Соловьев. В своей работе 2017 г. этот автор демонстрирует коммуникации между разными участниками переговорного процесса. Подробно изложен эпизод с крахом вторых переговоров об ответственном правительстве [Соловьев 2017, с. 133–144]. С их материалами перекликается исследование К.В. Гаврилова о попытке Витте сформировать ответственное министерство [Гаврилов 2009, с. 26–33].

Своего рода промежуточный итог дискуссии подвел И.В. Лукоянов, который в своей работе, вышедшей в 2017 г., сопоставил точки зрения Куликова и Соловьева. В ней он подверг мягкой критике отдельные положения Куликова (о Трепове и пр.) и Соловьева. Также он обратил внимание, что ученые не проводят различие между ответственным министерством и правительством общественных деятелей, а оно было [Лукоянов 2017, с. 145–154].

Материалы переговоров об ответственном правительстве отложились в архивах и содержатся в многочисленных воспоминаниях участников, часть из которых мы анализируем в своей работе.

Содержание

В работах исследователей не упомянуто о событиях, предшествующих появлению проекта об ответственном министерстве, до октября 1905 г. [Политические партии России 2022, с. 352–358]. Еще за несколько лет до революции российские ученые-государственники обсуждали «неизбежность» введения в России ответственного министерства. Со своей стороны, встревоженные грамотные сановники искали контакты с либеральной оппозицией, рассчитывая на нормализацию отношений.

2 июля 1902 г. в письме к другу Стаховичу Д.Н. Шипов отмечал, что Витте встречался с ним. Шипов-старший воспринимался

Витте и Плеве как лидер освободительного движения и земской среды. Или, по крайней мере, они считали его более удобным «лидером», подходящим для будущих переговоров. Во всяком случае, современники из разных политических лагерей отзывались о Шипове очень комплиментарно, в частности, В.А. Маклаков писал, что даже враги Дмитрия Николаевича «не отрицали его моральной безупречности и политической честности»¹.

По утверждению Шипова, они могли развивать движение, но без требования создать парламент (с подачи Плеве)². В то же время отдельные легалисты (либеральные юристы) рассматривались как будущие кандидаты на министерские посты. Например, после убийства министра народного просвещения – Боголепова среди кандидатов на пост значился Н.С. Таганцев³.

Из дневников П.А. Гейдена мы узнаем, что А.В. Адлерберг (псковский губернатор) и В.Б. Фредерикс (министр двора) по собственной инициативе и по инициативе земцев из северо-западных губерний взаимодействовали с общественными деятелями и организовали встречу нескольких из них, в том числе Гейдена с императором в июне 1905 г. Эта история описана в ряде публикаций. На ней, возможно, а также на земских съездах 1905 г. обсуждали вопрос о введении ответственного министерства.

В работе С.В. Шелохаева «Либерализм в России в начале XX века» подробно описаны события 16–26 октября 1905 г. В том числе обсуждались вопросы о привлечении в состав правительства крупных общественных деятелей: Д.Н. Шипова, Е.Н. Трубецкого, П.Н. Гучкова, М.А. Стаховича, С.Д. Урусова. Возникали новые кандидатуры: кн. Г.Е. Львов, С.А. Муромцев и пр. В ходе переговоров, по данным С.В. Шелохаева, Витте вел себя как грубый манипулятор. Так, он несколько раз ставил участников переговоров перед «свершившимся фактом», чтобы подтолкнуть их к нужному ему решению. А решение было такое – общественные деятели входят в правительство, но их программные предложения игнорируются. В итоге Витте получил несколько отказов.

Отдельно он встречался с И.В. Гессеном, Л.И. Петражицким, И.И. Петрункевичем, П.Н. Милюковым. Именно Милюков посоветовал Витте сформировать не «общественный», а «деловой»

¹Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника): В 3 ч.: Прил. к журн. «Иллюстрированная Россия» на 1936 г. Ч. 3. Отд. 4: Первая революция. Париж: Журнал «Иллюстрированная Россия», 1936. С. 431.

²РО РГБ. Ф. 440. Карт. 3. Д. 13. Л. 1–2.

³Там же. Ф. 334. Карт. 5. Д. 3. Л. 21–22.

кабинет министров, что якобы премьер-министр воспринял как удачную идею [Шелохаев 2019, с. 329–335]. В последующие месяцы Витте неоднократно взаимодействовал с либералами, правда, почти всегда «водя их за нос». Почти все предложения либералов при разработке избирательного закона, Основного закона, не были учтены. В таком описании с Шелохаевым целиком соглашается К.А. Соловьев [Политические партии России 2022, с. 349–351]. В ранней публикации С.В. Шелохаев те же события описывал подробнее [Шелохаев 2001, с. 251–262].

В то же время в своих воспоминаниях В.А. Маклаков ответственность за неудачу переговорного процесса по формированию правительства с участием общественных деятелей возлагает на представителей освободительного движения. В октябре 1905 г. по приглашению Витте в Петербург приехала делегация от Бюро Земских Съездов в составе Ф.Ф. Кокошкина, князя Львова и Ф.А. Головина. И на первой встрече с обер-прокурором Святейшего Синода князем А.Д. Оболенским делегацией были предъявлены ультиматумы – вся беседа с Витте должна стать достоянием гласности. В итоге они отказались поддерживать правительство Витте и требовали созыва Учредительного собрания для выработки конституции, причем последнее должно было быть избрано путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования⁴. По мнению В.А. Маклакова, Бюро Земских съездов даже не планировало идти на компромисс с правительством, они хотели не примирения, а желали капитуляции власти⁵.

По сути дела, Витте одновременно вел переговоры с тремя группами общественных деятелей. Они знали об этом и, соответственно, могли быть этим недовольны. Витте как бы «покидал их в кучу» и хотел выбрать из этой «кучи», что получится.

26 октября 1905 г. Стахович написал Витте письмо, в котором окончательно отказывался от поста в обновленном Совете министров империи. В качестве аргумента он ссылался на то, что никогда не работал в государственном аппарате и не имел необходимого опыта, но обещал всячески поддерживать Витте в ходе будущих реформ⁶. 28 октября пришло письмо от Шипова. Он отказывался занять пост государственного контролёра. Разделяя либеральную программу Витте, он рассуждал, что необходимо было бы ввести в правительство различных общественных деятелей, которых объединяла бы общая программа. Однако общественные деятели

⁴ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 438–439.

⁵ Там же. С. 444.

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

войти отказались. Срок действия нового кабинета пронизательный Шипов определил до созыва 1-й Государственной Думы⁷. Вскоре от поста министра народного просвещения отказался князь Евгений Трубецкой без четкого обоснования, но с намеком, что Витте надо формировать внепартийный кабинет⁸.

Тем не менее, несмотря на интересные публикации С.В. Шелухаева и К.А. Соловьева, названные ученые, зная об участии других общественных деятелей в переговорах не упоминают о них. На самом деле кампания привлечения общественников-специалистов была гораздо шире, чем вовлечение только группы людей, связанных, так или иначе, с Шиповым. Витте обратился к нескольким группам либералов. В то же время он не пригласил ни одного из друзей Кони (фактического лидера легалистов), что, возможно, было связано с холодно-враждебными отношениями между ними с 1880-х гг. Поэтому в числе возможных министров не попали А.Ф. Кони, К.К. Арсеньев, М.А. Стасюлевич, В.К. Случевский и прочие легалисты. Интересно, что поначалу Витте старался вести переговоры о формировании правительства с деятелями поодиночке, а потом уже оказался перед группой либералов.

Одним из первых к кому обратился Витте был известный праволиберальный сенатор и член Государственного совета Н.С. Таганцев. Это стало для Витте своего рода экспериментом. Ему он предлагал стать министром народного просвещения, а его товарищем сделать А.С. Посникова (легалист и экономист). Переговоры проходили 19–20 октября. По описанию Витте, два его разговора с Таганцевым закончились эмоциональной выходкой последнего, который на второй день убежал от премьер-министра⁹.

По словам правоведа, Витте уже проводил переговоры с другими общественными деятелями (какими?). При первом же разговоре Таганцев стал отказываться от поста, ссылаясь на практическую неподготовленность, «отсутствие властности». Однако премьер манипулировал неопытным сенатором и тот почти согласился. Посников предложил Таганцеву отказаться. Состоялся второй разговор у Витте, который каждый участник излагал по-своему. По словам Таганцева, разговор закончился ничем, и Посников при нем не присутствовал.

После первого же разговора Витте связался с Петергофом и сообщил царю о согласии сенатора занять пост министра. В своих воспоминаниях он обходит этот вопрос молчанием. Общий стиль

⁷Там же. Л. 2–5.

⁸Там же. Л. 6.

⁹*Vumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. СПб., 1911. С. 58.

обращения премьер-министр, выглядевший как смесь наскока, поспешности и манипуляции коробил всех участников переговорного процесса. Таганцев запутался и в тот момент, когда из Царского Села поступило извещение о вызове к царю, он ехать отказался (нельзя также исключать, что сенатор фактически пошел на грубый отказ, чтобы пресечь попытки продвинуть его на пост министра, понимая, что императору он отказать не сможет). Так или иначе, на этой дерзости политическая карьера Таганцева закончилась¹⁰.

Таганцев также недоговаривал и представлял искаженную информацию. Еще 15 октября (до встречи с премьером?) от Таганцева к Витте поступило письмо. Сенатор отмечал, что потерял связь с системой образования 25 лет назад. Взамен Таганцев предлагал либерального экономиста А.С. Посникова. Одновременно он указывал, что Е.Н. Трубецкой не годится на эту роль, так как является неуравновешенным человеком, «не перебродившим», т. е. опытный юрист уже знал о том, что кандидатура Трубецкого рассматривается наряду с его кандидатурой¹¹. Сам Витте, переговорив с Трубецким, определил его следующим образом: «Это чистый человек, полный философских воззрений, с большими познаниями, как говорят, прекрасный профессор, настоящий русский человек, в неизгаженном... смысле этого слова, но наивный администратор и политик. Совершенный Гамлет русской революции»¹². В то же время Витте не отчаялся и вплоть до своей отставки продолжал уговаривать либералов войти в правительство. Так, в феврале 1906 г. он уговаривал (безуспешно) И.И. Янжула (экономиста-легалиста) стать главноуправляющим землеустройством и земледелием¹³.

По данным Шелохаева, второй раунд переговоров о создании «ответственного министерства» начался в конце мая 1906 г., и он стал ответом на политический конфликт Государственной Думы и премьера Горемыкина. Слабая власть вновь пыталась прощупать варианты возможной сделки с либералами. Основными переговорщиками со сторон правительства были министры Д.В. Трепов, П.А. Столыпин и А.П. Извольский. Новым ньюсмейкером со стороны либералов стал «второй Шипов» – граф П.А. Гейден, глава псковского земства. Позже велись отдельные переговоры с Милюковым и Шиповым.

¹⁰ Таганцев Н.С. Пережитое: Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С. 99–107; ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1411. Л. 11.

¹¹ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 383. Л. 1–2.

¹² Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 61.

¹³ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 251. Л. 1–11.

Во всей этой истории весьма примечательна позиция Шипова в части формирования кадетского правительства. Последний в письме к А.А. Шиповой (датированное 9 июля 1906 г.) предстает перед нами сторонником правительства, сформированного кадетами! Среди прочих аргументов, он видел в этом политическую комбинацию в пользу умеренных либералов. По его мнению, в рассматриваемый период нужно было лишить кадетов положения оппозиции и возложить на них ответственность, связанную с властью. Шипов полагал, что кадетское правительство долго не продержится (месяцев шесть), а при политическом провале кадетов будут шансы у умеренного течения либералов¹⁴.

Далее в ходе переговоров всплыли новые и старые кандидатуры в правительство: С.А. Муромцев, И.И. Петрункевич, кн. Г.Е. Львов, Ф.Ф. Кокошкин, В.Д. Набоков, П.Н. Милюков, В.В. Кузьмин-Караваев, Д.Н. Шипов, С.Д. Урусов. В целом данный кабинет должен был состоять в большей степени из леволиберальных политиков. Шипова царь рассматривал как основную кандидатуру на пост премьер-министра. Вся эта игра (как ее определяет Шелохаев) закончилось с роспуском 1-й Госдумы [Шелохаев 2019, с. 344–356].

Более подробно описывая июньские события, К.А. Соловьев добавляет больше участников, больше переговоров. Так мы узнаем о встречах П.Н. Милюкова со Столыпиным и формирование у министра отрицательного отношения к лидеру кадетов (Милюков был бескомпромиссен, так как считал, «что ухватил Бога за бороду» и может диктовать свои условия). Описано участие бывшего либерального министра А.Е. Ермолова и действующего министра А.П. Извольского в переговорах [Политические партии в России 2022, с. 352–358].

Совершенно неизвестной для исследователей осталась история с переговорами министра внутренних дел Столыпина и сенатора Кони. Как оказалось, с первых же дней своего назначения министр стал искать подходы к лидеру легалистов. Он пригласил его участвовать в заседаниях Совета министров и предложил войти в состав Государственного совета (Кони отказался). По неизвестному для нас почину (Кони или Столыпин?), Анатолий Фёдорович составил в июне программу реформ, на основании которой умеренные либералы могли бы войти в правительство. В данном случае Кони

¹⁴ Д.Н. Шипов, Санкт-Петербург – А.А. Шиповой, Владимир 9 июля 1906 г. // Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., авт. предисл. В.В. Шелохаев; сост. и авт. коммент. и предисл. К.А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 33–34.

выступал почти как представитель всего консервативно-либерального лагеря. В программе сенатор указал, что необходимо немедленно отменить смертную казнь, восстановить модели выборов в земство по Положению 1864 г. и распространить его на окраины империи, учредить комиссию из сотрудников Минюста и особие присутствие в Сенате для сплошного пересмотра дел всех административно-ссылных, начать процедуры по уравниению евреев в правах с подданными империи, упростить паспортную систему, упразднить любые вероисповедные ограничения, отменить ограничения печати, упразднить земских начальников и вернуть мировых судей, ввести прогрессивный подоходный налог, выделить тюремное ведомство из Минюста и вернуть его в МВД. Переговоры велись совершенно секретно. Мы так и не узнаем, ознакомился ли Столыпин с этой программой. До 6 июля Кони два раза встречался со Столыпиным. Самое больше письмо (с программой реформ), составленное Кони, судя по всему, он начал готовить в конце июня, а закончил в момент роспуска 1-й Государственной Думы¹⁵.

Далее Шелохаев разбирает третий тур переговоров, который проводил новый премьер-министр – Столыпин. По мнению Шипова, кандидатуру Столыпина якобы рекомендовал императору князь А.Д. Оболенский. Это, на наш взгляд, маловероятно, так как князь был приближен к Витте¹⁶. Отказавшись от сотрудничества с кадетами, власть стала вести переговоры с умеренными либералами, которые в это время переживали размежевание, разделяясь на октябристов (либеральных консерваторов) и мирнообновленцев (консервативных либералов). И вновь основными посредниками были «назначены» Шипов и Гейден. Новый кабинет министров, по представлению Столыпина, мог бы включать Н.Н. Львова, Г.Е. Львова, П.Н. Гучкова, П.А. Гейдена, А.Ф. Кони, В.И. Тимирязева, Е.Н. Трубецкого, Шипова и пр. Шипов (в третий раз «входящий в коалиционное правительство») вел переговоры «по инерции», будучи уверенным, что и этот этап сорвется. Гейден же развил бурную деятельность, надеясь на успех. Причем Петр Александрович был готов на любые компромиссы, лишь бы сформировать кабинет, и не собирался в отличие от принципиальных либералов жестко следовать партийным программам.

В конечном счете, Столыпин сначала отказался от «услуг» Шипова, а после двухнедельных переговоров прекратил эту игру совсем. В «срыве» были обвинены основные переговорщики от либералов. Главные убытки от бесконечных переговоров потерпел

¹⁵ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 879. Л. 3–6.

¹⁶ РО РГБ. Ф. 440. Карт. 5. Д. 3. Л. 3–4.

Шипов, политическая звезда которого «закатилась». Его кандидатура была провалена еще на стадии выдвижения в кандидаты в депутаты Госдумы. Тяжело переживал провал граф Гейден, проигравший выборы в Госдуму в 1907 г. и в том же году скончавшийся [Шелохаев 2019, с. 357–362].

Из подробного изложения Шелохаевым третьего тура переговоров совершенно выпала история Кони, хотя она частично известна по его воспоминаниям. Между тем история взаимодействия Кони и Столыпина оказалась более значимой, чем она излагалась современниками.

15 июля 1906 г. состоялась встречи Кони с Гейденым, Гучковым, Львовым, Стаховичем и Ермоловым, которые просили его принять пост министра юстиции в новом правительстве. Он им отказал [Рыбин 2023, с. 58]. В письмах к Гейдену (16 и 19 июля) Кони приводил аргументы отказа. Так он отмечал, что «общество о нем ничего не знает», что он много болеет, что восстановить упавший статус судей будет трудно, что он плохой администратор. Большинство из этих доводов были неправдой. Кони приводил альтернативные кандидатуры управленцев-юристов. В их число он включал своих друзей, легалистов «второго уровня»: А.Г. Гасмана («прекрасный человек»), В.В. Кузьминского-Караваева («энергичный»), Н.Н. Мясоедова, В.К. Случевского. «Больше не наберешь при всем желании», – констатировал Кони¹⁷.

18 июля 1906 г. Кони (у которого в тот момент был сердечный припадок) просил Гейдена приехать (больной Кони чтобы заглушить боль стал злоупотреблять морфием). «Ты меня изнасиловал, но я не забеременел», – так образно сенатор характеризовал свои душевные метания. Уже в следующем письме, написанном через час, он просит Гейдена вернуть ему его программу реформ (для Столыпина), которую он упорно скрывал и не хотел никому показывать. Одновременно Кони раздумывал о новом предложении Гейдена – стать министром без портфеля. Отказывая, он ссылаясь на фантастические обстоятельства, – «необходимо действие парламента» и т. п.¹⁸

На приеме у Столыпина переговоры продолжались. По замыслу премьера, у императора оставалось немного вариантов выбора: репрессии, передача власти кадетам или формирование правительства из умеренных общественных деятелей. На вопрос

¹⁷ Кони А.Ф. Моя Гефсиманская ночь // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1968. С. 360–361; Кони А.Ф. П.А. Гейдену // Там же. Т. 8. М., 1968. С. 238–241; РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 9. Л. 160.

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 9. Л. 162, 166–167.

об отмене смертной казни Кони получил категорический отказ. Ряд общественных деятелей обусловили свое вступление в министерство позицией Кони. Таким образом, обозначилось положение Кони в легалистском движении. Формирование либерального правительства в какой-то момент целиком зависело от него. В конце концов легалисты выпросили у Кони письмо к Столыпину еще об одной встрече. Однако в тот же день он передумал и послал соответствующие письма Столыпину и Гейдену. Состоялась вторая встреча (в рамках третьих переговоров) с премьером. Кони подтвердил окончательный отказ от поста. Кроме того, по мнению Кони, глава правительства осознал, что блок будет действовать коллективно и в случае конфликта целиком уйдет в отставку, что породило бы новые проблемы для власти. В конечном счете правительство было составлено из лояльных специалистов (в основном либерально-консервативных взглядов) и целиком подчинялось премьер-министру. Гейден признал правоту Кони [Рыбин 2023, с. 59]. Требовались исполнители, а не лидеры общественного мнения¹⁹.

Однако Столыпин не оставлял своих попыток, и по его приглашению Кони посещал заседания Совета министров во втором полугодии 1906 г. Кони был рекомендован в члены Госсовета [Сашонко 1991, с. 214–216]²⁰. По мнению И.И. Тхоржевского (друг председателя правительства), Кони во власти «ценил один почет». Столыпин сообщал ему, что Кони два раза соглашался, во второй раз письменно и тут же отзывал свое согласие. «И, Слава Богу, – прибавлял с улыбкой Столыпин. – Подумайте, министр – с таким характером!»²¹.

В письмах к Александре Алексеевне Чичериной и Юлии Федоровне Абаза Кони описывал мотивы своих решений. Он понимал, что его хотели использовать для усиления доверия к правительству и участвовать в этом спектакле не собирався²². С моральных позиций Кони описывал свой отказ в письме к Гейдену 19 июля, утверждая, что принесет вред на новом посту²³.

Сенатору летом 1906 г. поступило новое предложение – занять пост министра народного просвещения. Обдумав эту идею, юрист

¹⁹ Кони А.Ф. Моя Гефсиманская ночь // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1968. С. 360–376.

²⁰ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 746. Л. 17.

²¹ Там же. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 497. Л. 21.

²² Кони А.Ф. А.А. Чичериной // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М., 1968. С. 241–243; ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 805. Л. 4.

²³ РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 9. Л. 168–169.

отказался. Искажая факты или перевирая их, он писал, что никогда не занимал учебно-научной должности и не знал внутреннюю жизнь ученых сообществ (на самом деле Кони преподавал с конца 1870-х гг.); не знал кадровый состав министерства (на самом деле он внимательно следил за тем, что происходило в министерстве), что «неизбежно привело бы к серии ошибок при назначении новых чиновников»; организация «педагогического здания» ему, якобы, была «неизвестна».

Также в качестве аргумента сенатор указывал сокращение компетенции министра в связи с расширением автономии вузов. В средней школе ему бы пришлось следовать идеям разных групп. В начальной школе он бы занимался введением всеобщего образования, при этом управление передавалось земским учреждениям. Наконец, сенатор указывал на свое слабое здоровье. «Но, от министра первого Конституционного министерства требуется гораздо большее: он должен быть деятелем и хозяином в своем доме», – писал юрист. Кони предложил свою кандидатуру министра – князя Е. Трубецкого²⁴.

Стоит обратить внимание, что группа либеральных легалистов подверглась критике за ведение переговоров со Столыпиным со стороны своих единомышленников. Так, например, М.М. Ковалевский крайне негативно воспринял тот факт, что его соратники вели переговоры со Столыпиным и считали возможным для себя работать в его команде. По мнению Ковалевского, Столыпин не соблюдал элементарные основы правового порядка. Ковалевский писал, что люди кристальной чистоты, как Н.Н. Львов или граф П.А. Гейден, могут согласиться войти в состав образуемого им кабинета. Ученый был твердо уверен в невозможности такого шага со стороны своих единомышленников. И только отказ Кони от сотрудничества со Столыпиным повлек за собой прекращение переговоров Гейдена с последним. Ковалевский понимал, что, соглашаясь вступить в состав кабинета Столыпина, его коллеги погубят свою репутацию и, как он писал «наше общее дело». В случае такого шага Львов, Кони, Гейден совершили бы *salto-mortale* и прослыли бы перебежчиками²⁵.

Слухи о замещении постов Гучковым, Стаховичем, Шиповым, Гейденом и другими либералами упорно циркулировал в стране до конца 1906 г.

²⁴ ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2.

²⁵ *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. С. 374.

Заключение

Сложившиеся истории позволяют сделать предположение, что круг привлекаемых в ответственное правительство деятелей был гораздо шире, чем тот, который рассматривается в науке. Мотивации обеих сторон были шире и разнообразнее, чем было принято до сих пор считать. Отказ общественников войти в состав правительства обуславливался не только отказом принять их программу или ожиданием лукавства от высших чиновников, но и другими причинами, зачастую субъективного свойства: возраст, болезнь, нехватка компетенции.

Также, хотя стоит согласиться с ведущими специалистами – Шелохаевым и Соловьевым, не стоит, наш взгляд, сводить все переговоры министров с общественными деятелями только к игре. Иначе, эта игра выглядела слишком затянувшейся. Скорее всего, мы можем говорить о разных целях участников переговоров. Главы правительств часто искренне пытались привлечь общественников в свой состав, но не собирались исполнять их предложения, общественные деятели, в свою очередь, не хотели входить в правительство (часто считая его обреченным), так как их программы не интересовали высшую власть.

В ряде случаев представители общественности, забывая постулат Бисмарка о том, что основа конституционной жизни – компромисс, использовали переговоры не для формирования ответственного правительства, не для поиска прагматичных решений, а как повод для новой фазы противостояния власти, демонстрации своей «силы» (например, переговоры делегации Бюро Земских съездов после 17 октября 1905 г.).

Литература

Гаврилов, 2009 – *Гаврилов К.В.* Первый премьер-министр России – заложник и жертва противостояния самодержавной власти и общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99. С. 26–33.

Кара-Мурза 2014 – *Кара-Мурза В.В.* Попытка образования ответственного министерства в I Государственной думе // Таврические чтения – 2013: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2013 г.: Сб. научных статей: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2014. Ч. 1. С. 111–113.

- Куликов 2017 – *Куликов С.В.* Николай II, Дмитрий Трепов и идея ответственного министерства // Таврические чтения – 2016: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г.: Сборник научных статей: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2017. Ч. 1. С. 115–132.
- Лукоянов 2017 – *Лукоянов И.В.* О докладах С.В. Куликова и К.А. Соловьева // Таврические чтения – 2016: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г.: Сборник научных статей: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2017. Ч. 1. С. 145–154.
- Неверова 2013 – *Неверова О.С.* Формула «ответственного министерства» в Российской империи в начале XX в. // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 7 (44). С. 87–93.
- Перекрыстова 2017 – *Перекрыстова С.В.* К проблеме «ответственного министерства»: переговоры о включении общественных деятелей в состав Совета министров в июле 1906 г. // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 (66). С. 25–30.
- Политические партии в России 2022 – Политические партии в России: Конец XIX – начало XX в.: В 3 т. / Под ред. В.В. Шелохаева. Т. 2: Либеральные партии. М.: РОССПЭН, 2022. 566 с.
- Рыбин 2023 – *Рыбин Д.В.* Анатолий Федорович Кони как политик // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 1 (65). С. 49–61.
- Сашонко 1991 – *Сашонко В.Н.* А.Ф. Кони в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л.: Лениздат, 1991. 303 с.
- Соловьев 2017 – *Соловьев К.А.* Кадеты и ответственное перед Думой правительство: 1906 г. // Таврические чтения – 2016: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г.: Сб. научных статей: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: ЭлекСис, 2017. Ч. 1. С. 133–144.
- Старцев 1977 – *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л.: Наука, 1977. 273 с.
- Шелохаев 2001 – *Шелохаев С.В.* Поиск либералами консенсуса с властными структурами на платформе Манифеста 17 октября 1905 г. // Либеральный консерватизм: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 251–262.
- Шелохаев 2019 – *Шелохаев В.В.* Либерализм в России в начале XX в. М.: РОССПЭН, 2019. 503 с.

References

- Gavrilov, K.V. (2009), “The first Prime Minister of Russia is a hostage and victim of the confrontation between autocratic power and society”, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, no. 99, pp. 26–33.
- Kara-Murza, V.V. (2014), “An attempt to form a responsible ministry in the First State Duma”, in Nikolaev, A.B., ed., *Tavrisheskie chteniya – 2013: Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, Tavrisheskii dvorets, 11–12 dekabrya 2013 g.: Sbornik nauchnykh statei* [Taurian Conference – 2013. Current issues of parliamentarism. History and modern times. International scientific conference, St. Petersburg, Tauride Palace, December 11–12, 2013. Collected scientific articles], ElecSys, Saint Petersburg, Russia, part 1, pp. 111–113.
- Kulikov, S.V. (2017), “Nicholas II, Dmitry Trepov and the idea of a responsible ministry”, in Nikolaev, A.B., ed., *Tavrisheskie chteniya – 2016: Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, Tavrisheskii dvorets, 11–12 dekabrya 2016 g.: Sbornik nauchnykh statei* [Taurian Conference – 2016. Current issues of parliamentarism. History and modern times. International scientific conference, St. Petersburg, Tauride Palace, December 11–12, 2016. Collected scientific articles], ElecSys, Saint Petersburg, Russia, part 1, pp. 115–132.
- Lukoyanov, I.V. (2017), “About the reports of S.V. Kulikov and K.A. Solovyov”, in Nikolaev, A.B., ed., *Tavrisheskie chteniya – 2016: Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, Tavrisheskii dvorets, 11–12 dekabrya 2016 g.: Sbornik nauchnykh statei* [Taurian Conference – 2013. Current issues of parliamentarism. History and modern times. International scientific conference, St. Petersburg, Tauride Palace, December 11–12, 2016. Collected scientific articles], ElecSys, Saint Petersburg, Russia, part 1, pp. 145–154.
- Neverova, O.S. (2013), “The formula of the ‘responsible ministry’ in the Russian Empire at the beginning of the 20th century”, *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo*, vol. 44, no. 7, pp. 87–93.
- Perekrestova, S.V. (2017), “On the issue of a ‘responsible ministry’. Negotiations on the inclusion of public figures in the Council of Ministers in July 1906”, *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, vol. 66, no. 2, pp. 25–30.
- Rybin, D.V. (2023), “Anatoly Fedorovich Koni as a politician”, *Bulletin of Tver State University. Series: History*, no. 1 (65), pp. 49–61.
- Sashonko, V.N. (1991), *A.F. Koni v Peterburge – Petrograde – Leningrade* [A.F. Koni in St. Petersburg – Petrograd – Leningrad], Lenizdat, Leningrad, Russia.
- Shelokhaev, S.V. (2001), “Liberals’ search for consensus with the authorities on the platform of the manifesto of October 17, 1905”, in *Liberal'nyi konservatizm: istoriya i sovremennost': Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Liberal conservatism. History and modern times. Proceedings of the

- All-Russian Scientific and Practical Conference, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 251–262.
- Shelokhaev, V.V. (2019), *Liberalizm v Rossii v nachale XX veka* [Liberalism in Russia at the beginning of the 20th century], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Shelokhaev, V.V., ed. (2022), *Politicheskie partii v Rossii: Konets XIX – nachalo XX v.: T. 2: Liberal'nye partii* [Political parties in Russia. Late 19th – early 20th centuries, vol. 2: Liberal parties], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Soloviev, K.A. (2017), “The Cadets and the government responsible to the Duma. 1906”, in Nikolaev, A.B., ed., *Tavrisheskie chteniya – 2016: Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'*: *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, Tavrisheskii dvorets, 11–12 dekabrya 2016 g.: Sbornik nauchnykh statei* [Taurian Conference – 2016. Current issues of parliamentarism. History and modern times. International scientific conference, St. Petersburg, Tauride Palace, December 11–12, 2016. Collected scientific articles], ElecSys, Saint Petersburg, Russia, part 1, pp. 133–144.
- Startsev, V.I. (1977), *Russkaya burzhuaziya i samodержavie v 1905–1917 gg. (bor'ba vokrug “otvetstvennogo ministerstva” i “pravitel'stva doveriya”)* [Russian bourgeoisie and autocracy in 1905–1917 (the struggle around the “responsible ministry” and the “government of trust”)], Nauka, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Данил В. Рыбин, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 199178, Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, д. 19А; danilarbin@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-4851-2235

Information about the author

Danil V. Rybin, Cand. of Sci. (History), associate professor, St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia; 19A, 10th line, Vasilievskii ostrov, Saint Petersburg, Russia, 199178, danilarybin@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-4851-2235

О конфессиональном и социальном составе
обучающихся училищ и гимназий Ростова-на-Дону
в начале XX в.

Евгений В. Шандулин

*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия, shandulin@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается конфессиональный и социальный состав училищ и гимназий в г. Ростов-на-Дону в начале XX в. в условиях начала мировой войны. Оценивается динамика изменений состава учеников, религиозных групп, социальных категорий населения на основе статистической информации на примере двух учебных заведений. Сделаны выводы о степени отражения общих процессов социальной динамики в обществе на Юге России в военные годы. Выделены регионы миграции на Юг России из других регионов мира, особенности социального и конфессионального состава Донского края как зоны пограничного и транзитного движения социальных потоков. Проведен статистический подсчет состава контингента обучающихся и проанализированы особенности функционирования образовательной системы и ее влияния на развитие общества в этот период. Уделено внимание тематике представленности казачества, мещанства, дворянства в системе среднего образования. Сделан вывод об особенностях отражения в работе образовательных учреждений ограничений для евреев в рамках соблюдения черты еврейской оседлости до 1915 г. Статистически зафиксировано нарушение соблюдения норм квотирования для иудеев в 1915 г.

Ключевые слова: начало XX в., Первая мировая война, средняя школа в российской империи, средние учебные заведения на Дону, образование на Юге России в начале XX в., училище М. Попкова, образование лиц еврейского происхождения

Для цитирования: Шандулин Е.В. О конфессиональном и социальном составе обучающихся училищ и гимназий Ростова-на-Дону в начале XX века // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 134–147. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-134-147

About the confessional and social composition of students of schools and gymnasiums in Rostov-on-Don at the beginning of the 20th century

Evgenii V. Shandulin

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
shandulin@yandex.ru*

Abstract. The article considers the confessional and social composition of schools and gymnasiums in Rostov-on-Don at the beginning of the twentieth century in the context of the outbreak of the World War. On the footing of statistical information by, the example of two educational institutions, the article evaluates dynamics of changes in the composition of students, religious groups, and social categories of the population. Conclusions are drawn about the degree of the general processes of social dynamics reflected in society in the South of Russia during the war years. The author highlights the regions of migration to the South of Russia from other regions of the world, the peculiarities of the social and confessional composition of the Don Region as a zone of border and transit movement of social flows. A statistical calculation of the composition of the contingent of students was carried out and the features of the functioning of the educational system and its impact on the development of society during that period were analyzed. Attention is paid to the topic of the representation of the Cossacks, commoners, and nobility in the secondary education system. The conclusion is made about the peculiarities of reflecting in the work of educational institutions the restrictions for Jews within the framework of observance of the Jewish residency line before 1915. Statistically recorded violation of quota norms for Jews in 1915.

Keywords: the beginning of the twentieth century, the First World War, secondary schools in the Russian Empire, secondary educational institutions on the Don, education in the South of Russia at the beginning of the 20th century, M. Popkova, education of persons of Jewish origin

For citation: Shandulin, E.V. (2024), "About the confessional and social composition of students of schools and gymnasiums in Rostov-on-Don at the beginning of the 20th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political science. History. International Relationships" Series*, no. 1, pp. 134–147, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-134-147

Введение

Вопрос национального и религиозного состава в средних учебных заведениях на рубеже XIX–XX вв. на Дону является достаточно сложным в силу пестрого состава населения региона. В регионе

представлены достаточно широкие группы населения, разнообразие как по религиозному, так и национальному признаку. Ростов-на-Дону в этом отношении не только крупный портовый город Юга России, но и быстрорастущий образовательный центр, в котором в начале XX в. не только росло количество средних учебных заведений, но и начат работу в 1915 г. переехавший из Варшавы императорский университет¹. Сложность законодательной базы сословного общества, а также пестрота экономических укладов этого времени наложили свой отпечаток на состав учебных заведений. Образовательные учреждения отражают многие социальные и экономические тенденции общества и является для российского общества «большим вопросом» [Любжин 2018, с. 7].

Тем не менее стоит отметить, что в образовательной среде состав обучающихся в силу целого ряда региональных особенностей представлен не всегда в тех пропорциях, в каких представлен состав населения. Статистический подход применительно к образовательным учреждениям Дона в современной литературе представлен достаточно слабо [Стрельцов 2004, с. 51–56]. В статьях, посвященных развитию образовательной системы на Дону, в этот период публикации носят больше обобщающий или синтетический характер [Воскобойников, Кочетова 2018, с. 67–70]. Между тем стоит отметить, что многие тенденции, заметные в статистическом плане в составе учеников учебных заведений, могут указывать на многие масштабные социальные процессы, анализ которых не всегда находится в фокусе научного внимания [Смирнов 2007, с. 264–270].

Структурные особенности анализа состава учащихся

В качестве основы для статистической выборки состава средних учебных заведений города Ростов-на-Дону было выбрано типовое среднее учебное заведение: реальное училище М.А. Папкова, расположенное в центре города и являвшееся достаточно крупным для своего времени. Училище было подчинено министерству народного просвещения и являлось мужским с семиклассным обучением. Есть отличие от многих казенных учреждений, что училище считалось частным, но в реальности того времени в финансировании использовались как государственные, так и частные

¹История Ростовского государственного университета (1915–2015) / В.Ю. Апрыщенко, А.И. Нарезный, М.А. Пономарева, М.В. Пятикова, В.П. Трут, Е.В. Шандулин. Ростов-н/Д., 2015.

деньги. Важно, что в архивном фонде по указанному учреждению доступны журналы учета обучающихся училища за более ранний период 1913/14 год обучения, а также более поздний 1916/17 год. С точки зрения исторического анализа такой разброс может показывать некоторую динамику изменений в составе учеников в условиях растущего военного кризиса в стране, а также отражать внутренние процессы.

Источниковой базой для анализа выступили «журналы об успехах и прилежании и поведении учеников», в которых сформирован полный списочный состав учеников училища². Журнал включает в себя список всех учеников по классам, с указанием их имени, религиозного исповедания, социального статуса, иногда места временного проживания, успеваемости в предметах и данными о решении педагогического совета о траектории дальнейшего обучения.

Сам журнал охватывал один учебный год и заполнялся полностью от руки в соответствии с каллиграфическими правилами, так как являлся подотчетным документом. При сравнительном анализе были использованы журналы близкие по времени, с 1913 по 1916 уч. г., выпавшие на непростой период Первой мировой войны. Полнота заполнения журналов не является абсолютной, так как в среднем у 10% списочного состава учеников не указаны данные в отношении вероисповедания. В ряде случаев также в среднем у 10% не указан социальный статус и место проживания. Подобная ситуация прослеживается при низких показателях обучения, пометке «выбыл» из состава учеников, а также в случае указания неполного курса обучения. Также может быть указано место отбытия ученика, если он имел, по всей вероятности, фактический статус переселенца или временно прибывшего. Процент таких записей не был большим, не более 5%, хотя применительно к подготовительным классам или старшим он был несколько выше, чем в остальных, что тем не менее может считаться допустимой погрешностью при статистическом учете.

Стоит отметить, что в 1916 уч. г. в сравнении с более ранними записями количество пропусков в данных по списочному составу учеников несколько возрастает вместе с падением аккуратности заполнения журнала. Также растет количество выбывших с курса обучения без предоставления допуска к итоговым экзаменам. Первый класс попадали дети возрастом 8–9 лет, старшие классы заполняли дети возрастом 15–16 лет. Количество учеников в гимназии и училище по классам можно свести в общую таблицу и построить графическую диаграмму.

²ГАРО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–87; Д. 5. Л. 1–65.

Численность учеников									
Учреждение Училище	Подг. класс	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс	5-й класс	6-й класс	7-й класс	Итого
1913/14 уч. г.	69	49	60	53	54	99	47	27	455
1916/17 уч. г.	17	36	27	28	40	41	37	45	275

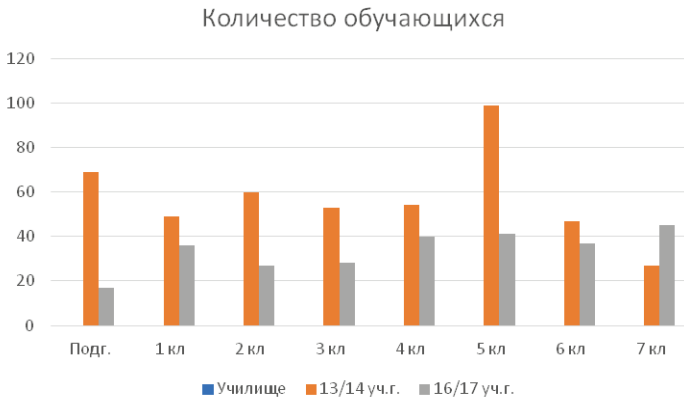

Рис. 1

Общее количество учеников в период перед войной почти в полтора раза превышает количество учеников училища во время войны. Очевидно, что обучение в предвоенный период в дореволюционную эпоху было более востребованным. Отток учеников был связан не только с требованиями военного времени, но и возросшей социальной мобильностью населения, частичным уходом старшеклассников на фронт. При взгляде на диаграмму становится очевидным постепенный спад численности обучающихся к старшим классам в ранний период и относительно равное их количество в более поздний. Обучение в училище было в этот период связано с планами поступления в университет, и ученики достаточно часто переводились. Некоторый рывок в численности выпускного 7-го класса в училище во время войны обеспечили набранные из других учебных заведений дети.

Стоит обратить внимание на количество классов при обучении. Несмотря на существующее мнение, что подготовительные классы к началу XX в. перестали практиковаться в средней школе, в обоих журналах они были. «Приготовительные» классы выделены в

отдельный раздел журнала и там достаточно большое количество учеников. Подготовительные курсы направлены на подтягивание уровня знаний детей для сдачи вступительных испытаний. Поступление в училище связано с достаточно сложным порогом для поступления, чем и объясняется большая разница между числом учеников подготовительного курса и первого класса в довоенный период. Многие дети после подготовительных курсов в первый класс до войны не попадали, и в графе «заключение педагогической комиссии» может стоять пометка о повторном испытании или оставлении в подготовительном классе. В училище во время войны порог поступления стал более простой, подготовительный класс менее крупный, очевидно, что много учеников попадало в первый класс без предварительной подготовки.

Также стоит отметить некоторую особенность классной структуры, проявляющуюся в том, что в журнале в довоенный период в некоторых старших классах отдельно указаны коммерческие отделения, а в училище во время войны этого сделано не было. В 5-м классе в училище выделено параллельное, фактически коммерческое отделение, численность которого близка основному. Это дает большой скачок численности 5-го класса. В других классах такой особенности нет. Объяснение этому факту, возможно, заключается в том, что 5-й класс был промежуточно выпускным, и часть обучающихся переводилось после домашнего обучения для получения сертификата об образовании, однако за неимением мест или в связи с социальным несоответствием требованиям для поступления за казенный счет они переводились на коммерческое обучение. Этим же фактом, по всей вероятности, объясняется большая разница в численности подготовительных курсов. Также стоит указать, что в марте 1914 г. вышел «одобренный Государственным советом и Государственной Думой Закон о параллельных отделениях при основных классах средних общеобразовательных мужских учебных заведений», в котором разрешалось использовать для открытия одного параллельного отделения в образовательном учреждении государственные средства в ограниченном объеме³. Этот закон расширял права учебных заведений в вопросе набора контингента, и реальное училище этим пользовалось в полной мере, привлекая дополнительное финансирование и расширяя число обучающихся. У училища в довоенный период было больше возможностей для такого маневра в силу большей престижности образования в мирное время, даже несмотря на то, что реальное училище М.А. Папкова было относительно молодым, основанным только в начале XX в.

³ Там же. Ф. 255. Оп. 1. Д. 15. Л. 100.

Государство достаточно внимательно следило за соблюдением правил поступления в учебные заведения представителей различных конфессий и социальных групп. Статусы поступающих четко фиксировали в специальных журналах и анкетировали на предмет их возможного обучения. Так как Ростов-на-Дону много лет являлся городом, входившим в черту оседлости еврейского населения, в которой по нормативным правилам они получали право проходить обучение в учебных средних заведениях при определенном квотировании от общего числа обучающихся. Несмотря на то, что к началу XX в. Ростов-на-Дону уже был частью Области Войска Донского и формально не входил в черту оседлости, еврейское население осталось и квотирование существовало. Наличие квоты не более 10% было одним из препятствий, которое с началом войны начинает все чаще нарушаться в связи с перемещением большого количества людей через регион. В материалах дел обучающихся сохранилось большое количество прошений об особых условиях временного размещения учеников в городах края в нарушение имеющихся предписаний. Социальная динамика населения хорошо отражается в динамике списков обучающихся.

Стоит отметить, что наличие ограничений, но имевшийся спрос на образование вынуждал евреев пользоваться различными способами обхода процентного квотирования своего представительства в учебном заведении. Система контроля за количеством учеников различных конфессий в учебном заведении базировалась на данных метрических свидетельств, которые составлялись служителями церкви. Именно манипуляции в этом вопросе составляли значительную особенность поликультурного и полиэтнического края, каким являлся Нижний Дон в это время. Так, в циркулярных письмах, рассылаемых от имени Министерства Народного просвещения через Харьковский учебный округ, к которому относился в это время Ростов-на-Дону, содержатся указания на множество нарушений, за которые следовало достаточно жесткое предписание удалять учеников из числа обучающихся без права поступления в любые учебные заведения страны. Так, среди прочих нарушений встречаются и нарушения, связанные с соблюдением квотирования по религиозному признаку. В январе 1914 г. Харьковскому учебному округу, например, было разослано предупреждение о том, что «евреи, предоставившие метрические свидетельства о крещении за подписью пастора Артура Пира и зачисленные в учебные заведения в качестве христиан, немедленно подать прошение об увольнении из их учебных заведений...» и дано пояснение, что «...обратный прием их может состояться лишь после признания правильности их перехода в христианство и исполнения ими всех

прочих установленных для сего требования закона...⁴ Этот циркуляр поясняет, что ради получения возможности обучения ученики иудейского вероисповедания фиктивно осуществляли переход в христианство, в данном случае говорится о лютеранской ветви, и продолжали обучение уже в качестве христиан сверх разрешенной нормы. Нарушения подобного рода как прецеденты рассылались министерством во все учебные округа как руководство к действию для борьбы с подобными ситуациями, причем отчисление из учебного заведения в этой ситуации проводилось немедленно, так же как в случае с некоторыми административными и уголовными преступлениями. Данная ситуация подчеркивает серьезность этого вопроса для образовательной системы даже в годы мировой войны, когда в значительной степени строгость многих ограничений снижалась и в стране росло количество нарушений.

Социальные особенности состава учащихся

Если свести данные по училищу по конфессиональному составу в общий табличный формат, то вырисовывается разнообразная картина состава учеников в первые годы мировой войны. На постоянной основе выделяются представители православия, иудаизма, Римско-католической церкви, ислама, армяно-григорианской церкви, старообрядчества, лютеранства. Один раз встречается дворянин «единоверец» в 7-м классе училища, что не стоит считать повторяющейся единицей для внесения в таблицу.

Училище в довоенный период (1913–1914)⁵

	Всего	Правосл.	Иудей	Римск-кат.	Мус.	Арм-григ.	Старобр.	Лютер.	Нет данных
Подгот.	69	30	26	1	1	2	0	0	19
1-й класс	49	34	7	1	0	2	2	0	2
2-й класс	60	40	8	0	1	5	0	0	6
3-й класс	53	34	6	2	1	1	1	0	5
4-й класс	54	37	3	1	0	3	0	0	7

⁴ ГАРО. Ф. 255. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.

⁵ ГАРО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-87.

Окончание табл.

	Всего	Правосл.	Иудей	Римск-кат.	Мус.	Арм-григ.	Старобр.	Лютер.	Нет данных
5-й класс	99	66	3	1	1	5	2	1	10
6-й класс	47	33	6	0	1	3	1	1	4
7-й класс	27	23	2	0	0	0	1	0	1
Всего	455	297	61	6	5	21	7	2	54

Училище во время войны (1916–1917)⁶

	Всего	Правосл.	Иудей	Римск-кат.	Мус.	Арм-григ.	Старобр.	Лютер.	Нет данных
Подгот.	17	16	1	0	0	0	0	0	1
1 класс	36	24	10	1	0	1	0	0	2
2 класс	27	21	5	1	1	2	0	0	5
3 класс	28	20	5	1	1	1	0	0	3
4 класс	40	30	6	2	0	2	0	0	0
5 класс	41	26	11	1	0	2	0	0	1
6 класс	37	20	12	1	0	4	0	0	0
7 класс	45	23	10	2	0	4	0	0	6
Всего	263	180	60	10	2	16	0	0	18

В числе обучающихся есть представители разных конфессий, что вполне отражает разнообразный состав населения региона. Выделяется численность армяно-григорианской общины, так как Ростов традиционно отличался высоким процентом армянского населения, активность которого росла как в Ростове, так и в сопредельных поселениях. Показательно указание в документах старообрядцев как самостоятельной этноконфессиональной группы, а православных греческого обряда записывали как «православных» в общем списке только указывая территориальное

⁶ Там же. Д. 5. Л. 1–65.

происхождение. Эта позиция вполне отражает общую политику властей, выражающуюся в определенной лояльности по отношению к родственным православным церквям и критику старообрядчества.

В графике довоенного периода заметно большое количество представителей иудаизма в подготовительном классе, однако если вычесть это количество из общего числа, то квота в 10% общего числа от зачисленных в целом соблюдалась. Училище в 1913 г. не нарушало законодательство, и большая часть представителей иудаизма в первый класс не поступала, хотя получала базовые знания для поступления, так как общие оценки при обучении были достаточно высокими. Ученики после подготовительного класса переходили в другие училища, потому что в городе было достаточно много учебных заведений среднего уровня, готовых принимать таких учеников, однако качество подготовительной работы было недостаточным или таких классов не было.

При анализе данных по училищу во время войны бросается в глаза превышение квоты по конфессиональному квотированию для евреев. Общее количество обучающихся в училище в 1916 г. иудеев значительно выше 10% именно за счет старших классов, которые необходимы как ступень для дальнейшего продолжения обучения и поступление в них было возможно даже с домашнего обучения при выдерживании вступительного экзамена. Именно старшие классы дали динамический прирост этой конфессиональной группы. В подготовительном классе училища во время войны, наоборот, евреев практически нет. Видимо планирование образования в военное время не предполагало лишних финансовых трат на образовательные нужды, также очевидно, что учреждение в период войны снижало требования при поступлении. Также стоит отметить, что с началом войны соблюдение многих правил в образовательной системе, как уже указывалось, становилось все менее жестким и училище в старшие классы набрало много коммерческих учеников различных конфессий.

Следующим важным параметром анализа является качественный состав обучающихся. Тенденция, вполне прослеживаемая по журналу успеваемости, свидетельствует о росте успеваемости учеников в старших классах при общем падении их численности. Данная тенденция вполне может быть объяснена ростом мотивации учеников в старших классах. Однако к этому стоит добавить очевидный рост социального статуса обучающихся в старших классах, когда в списках появляются дворянские фамилии, дети почетных граждан города, офицеров, врачей и т. д. В младших классах преобладают мещане, крестьяне и казачество. Эта тен-

денция находит свое объяснение в популярности у состоятельных слоев населения домашнего обучения, после которого ребенок мог поступить в старшие классы училища или гимназии и, сдав экстерном большую часть пройденных предметов, получить документы об образовании.

Ввиду достаточно разнообразного формата записей социального происхождения, сводить данные в общий табличный список достаточно сложно, однако в целом можно на данном этапе отметить рост численности в старших классах представителей социальных групп более высокого статуса, чем в первые годы обучения. Отдельного внимания заслуживает вопрос о представителях римско-католического вероисповедания. Они практически все были из крестьянского сословия, что объясняется не только самим фактом наличия греческой общины в регионе, но и их правом заниматься земледелием.

Стоит отметить, что подавляющее большинство евреев были записаны как мещане. Известно, что по закону владеть землей они не могли, как и занимать многие должности на военной и государственной службе. Однако в училище в 7-м классе есть один ребенок, записанный как сын инженера, что подтверждает тенденцию использования старших классов как ступени для получения образования в университете. Также при анализе данных очевидно, что в училище во время войны, в отличие от более раннего времени, не попадали старообрядцы и протестанты, достаточно мало представителей ислама. Этих конфессиональных групп в 1916 г. в числе учеников практически не осталось. Такая тенденция вполне объяснима выросшей социальной динамикой и переселением людей на новые территории. К тому же в 1914 г. в связи с началом войны была начата политика исключения из числа учеников средних учебных заведений подданных Австрии, Германии, Турции, которые и составляли отличную от православных конфессиональную прослойку.

Отдельно отметим малый процент казачества в образовательных учреждениях города. Ростов-на-Дону стоит на самом краю черты еврейской оседлости. Рядом с ним находятся учреждения в других близких городах, в которых детям евреев учиться было запрещено, например, средние учебные заведения города Новочеркаска, где множество учеников были именно из казаков. Нижний Дон является в образовательном и культурном отношении уникальным местом пограничного сочетания культур и конфессий, и ситуация в соседних городах имела существенные различия, диктуемые законодательными нормами, административными границами и транзитным статусом торгового центра,

каким обладал портовый Ростов-на-Дону. Тем уникальнее ситуация, при которой крупный город в центре Донского края, был слабо представлен казачьим населением в учебных заведениях по отношению к иным социальным группам. Общий процент учеников из казачьего сословия в Ростове был не более 7% от общей численности обучающихся. Объяснение этой ситуации можно найти в описаниях самих казачьих семей города, которые занимались торговлей и относились к категории торговых казаков, никогда не составлявших многочисленной социальной группы.

Транзитность региона проявляется в большом количестве учеников, записи социального происхождения которых были указаны с привязкой к региону их первоначального пребывания, то есть фактически имевших статус временно проживающих, но имеющих право на обучение. Так, в журналах встречаются жители Эриванской губернии, Арцаха, Дербента, некоторых городов с территории Греции, Османской империи, Италии, Персии. Это регионы, откуда на Дон приезжало много беженцев греческого, армянского и славянского происхождения. В ряде случаев в записи они указывались как подданные другого государства, что говорит о растущей социальной мобильности в условиях войны и отсутствии возможности точно провести идентификацию приезжего. Стоит отметить, что записи в журнале делались на основе заявлений переселенцев и не всегда подтверждались должными документами, поэтому встречаются записи именно отдельных городов, как их называли родители ребенка, а не принятых в делопроизводстве данных по российским регионам или другим странам.

В документах нет отсылок к национальному происхождению учеников, и в ряде случаев по имени нельзя понять, армянское, греческое или славянское происхождении того или иного ученика. В статистике учебных заведений видна миграция смешанных групп населения: греков католиков, перекрестившихся евреев, казаков старообрядцев и других групп населения в новых условиях, которые открывала им война.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что Ростов-на-Дону как один из крупных центров на юге страны испытал на себе в начале XX в. целую серию социальных трансформаций, которые отразились в деятельности учебных заведений города. В это время начинает меняться конфессиональный и социальный состав обу-

чающихся, динамика его развития. Многие тенденции в обществе, связанные с началом масштабного кризиса в период войны, начали сказываться и на образовании, которое, как определенный зеркальный образ, впитывало в себя многие происходившие в обществе тенденции. В условиях войны видны нарушения законодательных норм империи, рост социальной мобильности, этноконфессиональные подвижки, которые стали следствием развития военных действий на Балканах, в Греции, на Кавказе и в России.

Литература

- Воскобойников, Кочетова 2018 – *Воскобойников С.Г., Кочетова А.С.* Учреждения начального и среднего образования в Ростове-на-Дону в XIX в. // Теория и практика коммуникации в профессиональной деятельности. Ростов н/Д., 2018. С. 67–70.
- Любжин 2018 – *Любжин А.И.* История русской школы: В 3 т. М.: Никая, 2018. Т. 2. 960 с.
- Смирнов 2007 – *Смирнов А.Н.* Образовательные предпочтения мещан Донской области в начале XX в. // Вестник Таганрогской государственного педагогического института. 2007. № 2. С. 264–270.
- Стрельцов 2004 – *Стрельцов А.А.* Гимназии и гимназическое образование на Дону // Образование в современной школе. 2004. № 2. С. 51–56.

References

- Lyubzhin, A.I. (2018), *Istoriya russkoi shkoly* [History of the Russian school], vol. 2, Nikeya, Moscow, Russia.
- Smirnov, A.N. (2007), “Educational preferences of the burghers of the Don region at the beginning of the twentieth century”, *Vestnik Taganrogskoï gosudarstvennoï pedagogicheskogo instituta*, no. 2, pp. 264–270.
- Streltsov, A.A. (2004), “Gymnasiums and gymnasium education on the Don”, *Obrazovanie v sovremennoi shkole*, no. 2, pp. 51–56.
- Voskoboinikov, S.G. and Kochetova, A.S. (2018), “Institutions of primary and secondary education in Rostov-on-Don in the 19th century”, in *Teoriya i praktika kommunikatsii v professional'noi deyatel'nosti* [Theory and practice of communication in professional activity], Rostov-on-Don, Russia, pp. 67–70.

Информация об авторе

Евгений В. Шандулин, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 140; shandulin@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9077-1092

Information about the author

Evgenii V. Shandulin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; 140, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don Russia, 344006; shandulin@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9077-1092

Отражение духовного сопротивления жертв Холокоста в свидетельствах членов зондеркомmando Аушвица

Леонид Шерман

*Независимый исследователь, Маале Адумим, Израиль,
leosh77@gmail.com*

Аннотация. Среди многочисленных преступлений нацистской Германии и ее сообщников в годы Второй мировой войны ими были предприняты попытки массового уничтожения еврейского народа. В мировую историю данные события вошли под названием Холокост, на иврите – “Shoa” (бедствие, катастрофа). Несмотря на это, литература на тему различных аспектов жизни и смерти евреев в период Холокоста в целом и в лагерях уничтожения в частности довольно обширна, в ней практически отсутствует специальный анализ духовного сопротивления узников. Данная статья анализирует отражение духовного сопротивления членов зондеркомmando лагеря смерти Аушвиц, ставшего зловещим символом злодеяний, совершенных нацистами и их приспешниками, представленные в их свидетельствах, получивших название «Свитки из пепла». Исследован состав членов зондеркомmando и их занимаемые «должности». Рассмотрены проблемы авторства «Свитков», мотивы их создания. Приводятся оценки, которые дают их деятельности как выжившие свидетели, так и потомки. Проанализированные источники свидетельствуют, что несмотря на нечеловеческие условия и постоянную угрозу немедленного уничтожения, члены зондеркомmando не только сохранили моральный дух, но и продемонстрировали волю к сопротивлению, ярким примером которого является восстание, вспыхнувшее 7 октября 1944 г. у печей крематориев Аушвиц-Биркенау.

Ключевые слова: «Свитки из пепла», Холокост (Шоа), Аушвиц-Биркенау, зондеркомmando, духовное сопротивление

Для цитирования: Шерман Л. Отражение духовного сопротивления жертв Холокоста в свидетельствах членов зондеркомmando Аушвица // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 148–160. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-148-160

Reflection of Holocaust victims' spiritual resistance in the testimonies of Auschwitz Sondercommando members

Leonid Sherman

Independent researcher, Maale Adumim, Israel,

Leosh77@gmail.com

Abstract. Among the numerous crimes of Nazi Germany and its accomplices during the Second World War, they attempted the mass extermination of the Jewish people. Those events entered world history under the name Holocaust, in Hebrew – “Shoa” (disaster, catastrophe). Even though the literature on various aspects of the life and death of Jews in Holocaust period in general and in the extermination camps in particular is quite extensive, there is no particular analysis of the spiritual resistance of prisoners. The article analyzes the reflection of Sondercommando members' spiritual resistance in the Auschwitz death camp, which became an ominous symbol of the atrocities committed by the Nazis and their collaborators, as presented in their testimonies, called “Scrolls from the Ashes”. The composition of Sondercommando members and their “position” were studied. The authorship issues of the “Scrolls” and the motives for their creation are considered. It gives surviving witnesses' and descendants' assessments are given to their activities. The analyzed sources indicate that despite the inhuman conditions and constant threat of immediate destruction, the members of the Sondercommando not only retained their moral spirit, but also demonstrated the will to resist. A striking example of which is the uprising that broke out on October 7th, 1944, near the ovens of Auschwitz-Birkenau crematorium.

Keywords: “Scrolls from the Ashes”, Holocaust (Shoa), Auschwitz-Birkenau, Sondercommando, spiritual resistance

For citation: Sherman, L. (2024), “Reflection of Holocaust victims' spiritual resistance in the testimonies of Auschwitz Sondercommando members”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relationships” Series*, no. 1, pp. 148–160, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-148-160

Введение

Одним из ценнейших источников о нацистской машине уничтожения в Аушвице-Биркенау в годы Второй мировой войны являются свидетельства самих узников. Особое место среди них занимают рукописи членов зондеркомmando лагеря смерти Аушвиц, получившие название «Свитки из пепла». Они велись в «режиме

реального времени» и были спрятаны авторами в горах пепла у крематориев.

Авторами рукописей являлись уроженцы Греции, Польши и Франции из религиозных семей. Залман (Хаим-Залман) Градовский из города Сувалки родился в 1908 г. (или в 1909 г.) в равнинской семье, владел идишем, немецким, польским и русскими языками. До депортации в Аушвиц 8 декабря 1942 г. был ответственным за здравоохранение в юденрате городке Лунна Гродненской области. Его рукопись можно считать литературным текстом, который отражает размышления и переживания автора. Чтобы понять его мотивы, резонно привести цитату из написанного им «Письма из ада»: «Пусть будущее вынесет нам приговор на основании моих записок и пусть мир увидит в них хотя бы каплю того страшного трагического света смерти, в котором мы жили» [Полян 2018, с. 356]. Лейб Лангфус, являясь духовным лидером Маковской общины и даяном (религиозным судьей), в своих записках призывает сопротивляться как пассивно, так и активно, ведь интегральной частью сопротивления для религиозного деятеля является «Кидуш Ха-Шем» (Освящение Имени). Залман Левенталь из Цеханува (1918 г. рождения) не только учился в ешиве в Варшаве, но и интересовался рабочим движением – его тексты отчасти напоминают манифест и призывы к вооруженной борьбе в духе социализма. Записки Хаима Германа, уроженца Варшавы, который до депортации жил в Париже, оформлены в виде письма, которое он пишет домой жене и дочери, и включают в себя последние инструкции и наставления. Марсель Наджари родился в Салониках в 1917 г. Оказался в Аушвице 11 апреля 1944 г. Свои записи он посвящает размышлениям о «работе» в зондеркомmando и жалеет о том, что не в силах совершить отмщение *«как я хочу и как я знаю»* [Полян 2018, с. 528]. Авром Левите (не являвшийся членом зондеркомmando, но один из авторов обнаруженных рукописей) родился в 1917 г. в местечке Бжезив, учился в местном хедере. В записях вместе с товарищами по несчастью выражает свои мысли в форме некой антологии под названием «Ойшвиц», в которую планировал включить стихи, описания и впечатления.

История публикаций

Польский исследователь Б. Марк проанализировал шесть тайников с текстами Лейба Лангфуса, Залмана Левенталья и Залмана Градовского [Mark 1985]. В монографии профессора университета Монреалья (Канада) Н. Черы упоминаются восемь тайников

с документами [Chare 2011, pp. 77–78]. История обнаружения рукописей подробно представлена в публикациях российского историка П.М. Поляна [Поляна 2018, с. 137–155]. Некоторые тексты прочитать невозможно, для расшифровки других потребовались специальные технологии¹.

«Свитки из пепла» не являются единым сборником. Название «Свитки» для свода записок членов зондеркомmando Аушвица было впервые предложено Б. Марком [Mark 1985]. Авторы этих текстов не могли предвидеть, какие из них будут обнаружены, а также не придерживались единой системы записей.

Израильский ученый Н. Коэн отмечал, что авторы текстов преследовали несколько целей: ведение записей помогало авторам сохранять рассудок, передать всему миру информацию о происходившем в Аушвице, дать возможность историкам и психологам понять, как могли нацисты изменить все привычные человеческие представления, а также увековечить память об убитых родных и близких. По его мнению, авторы «Свитков» по большей части сухо передают информацию, и именно это делает их свидетельства, заслуживающими доверия [Kohen 1999, p. 290]. Согласно Г. Грайфу, хронисты зондеркомmando не пытались приукрасить и исказить происходящее, в их записках мы встречаем также критику тех из своих «коллег», которые морально деградировали². Н. Чер и Д. Вильямс указывают, что, будучи свидетелями уничтожения евреев, члены зондеркомmando выступали в качестве свидетелей на крупных судебных процессах над нацистскими преступниками в Германии и Польше после войны [Chare, Williams 2016, p. 9].

В советской/российской историографии относительно полная картина о «Свитках» и их авторах представилась русскоязычному читателю лишь несколько лет назад. Хотя в Советском Союзе о «Свитках из пепла», как и о зондеркомmando было известно уже из допросов выживших узников (Ш. Драгона, Г. Мандельбума, Г. Таубера). Первые их публикации появились в бюллетенях Польской исторической комиссии в 1946 г., а в 1947 г. ее материалы были использованы на суде над комендантом Аушвица Р. Хессом и другими членами администрации концлагеря. Несмотря на то что дневник Градовского не был использован советским обвинением на Нюрн-

¹ *Никитяев А.* Просто я сделал то, что никому не приходило в голову. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/26/83635-aleksandr-nikitayev-prosto-ya-sdelal-to-chto-nikomu-ne-prishlo-v-golovu> (дата обращения 20 июня 2023).

² *Graif G.* We wept without tears. Testimonies of the Jewish Sonderkommando from Auschwitz. L., New Haven: Yale University Press, 2005. P. 50.

бергском процессе над нацистскими преступниками, генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, который был главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе, затронул тему зондеркоммандо 8 февраля 1946 г.³ Кроме попыток частичных переводов в советское время, советские, а затем и постсоветские исследователи не интересовались корпусом «Свитков» вплоть до издания 2013 г. [Полян 2018, с. 161].

В зарубежной историографии публикации рукописей членов зондеркоммандо начались с 50-х гг. П.М. Полян делит их на несколько исторических периодов:

1. Середина 50-х – середина 70-х гг., или «польский этап», – издание большинства найденных рукописей на идише и польском и их переводов на английский и немецкий языки.

2. «Этап израильский» – с середины 70-х до конца 80-х гг. Ряд корректировок, публикация «В сердцевине ада» З. Градовского. Публикации на иврите, греческом и французском языках.

3. Третий период – «международный», с начала 90-х гг. и по сей день, когда «Свитки» были переведены на голландский, итальянский, чешский и испанские языки и усилены новыми сведениями Г. Грайфа и А. Килиана [Полян 2018, с. 153–155].

Состав зондеркоммандо и их «должностные обязанности»

Официальное название «зондеркоммандо» было дано группе заключенных, работавших на объектах уничтожения в Аушвице в сентябре 1942 г., но точкой отсчета для деятельности узников по утилизации трупов и скрытия следов преступлений нацистов можно считать сентябрь 1940 г. Именно тогда небольшая группа заключенных польского происхождения, получившая название «коммандо крематориум», начали свою деятельность в крематории Аушвица, который как раз вступил в строй. В мае 1942 г. количество членов «коммандо крематориум» достигло шести: три еврея и три поляка. Присоединение евреев к зондеркоммандо было обусловлено началом прибытия в Аушвиц большого количества евреев для последующего уничтожения. Им была придана группа из 4–7 человек под названием «Фишель коммандо», по имени ее «прораба»

³ Аушвиц (Освенцим): документы, свидетельства, письма, дневники: Сборник документов / Под ред. И.А. Альтмана, К.А. Пахалюка; сост. Л.А. Терушкин, С.А. Тиханкина и др. М.: Научно-просветительный центр «Холокост», 2023. 134 с.

Фишеля, задачей которой являлось готовить трупы к сожжению, очищать газовые камеры и раздевать трупы (в конце июня 1942 г. привезенным на уничтожение стали приказывать раздеваться до захода в газовую камеру), а также собирать и сортировать одежду умерщвленных людей. В мае 1942 г. была основана новая группа «Bergabungskommando» (группа захоронения), которая копала ямы для сжигания трупов. Именно эти люди, совместно с группой, работавшей в бункерах, послужили прототипом для будущей зондеркоммандо. Тем временем нацистами было принято решение уничтожать евреев в Биркинау (Бжезинке). Для обустройства «бункера», предназначенного для уничтожения, нацисты привлекли 200 еврейских узников из Словакии. В июле 1942 г. к ним добавилась группа евреев из Франции, а в августе того же года – из Голландии. Таким образом, к сентябрю 1942 г. количество членов зондеркоммандо достигло 400. 9 декабря 1942 г. в наказание за попытку побега немцы решили уничтожить всех членов зондеркоммандо и набрать новых «сотрудников»⁴.

Один из хронистов, З. Левенталь, подтверждает, что на момент его зачисления в зондеркоммандо там были лишь евреи, хотя «до этого работали также поляки и русские, но в наше время их уже нет, только евреи» [Полян 2018, с. 466]. К. Смолен, бывший политический заключенный Аушвица, впоследствии директор Государственного музея Аушвиц-Биркенау, отмечает, что вначале нацисты, для того чтобы избавиться от свидетелей своих преступлений время от времени ликвидировали членов зондеркоммандо, оставляя в живых лишь капо и кочегаров, как «узких специалистов». Но с возрастанием масштабов уничтожения они осознали, что подготовка новых членов зондеркоммандо занимает время, а при возрастающем количестве трупов необходимо эффективное и оперативное выполнение обязанностей, и поэтому состав зондеркоммандо перестал меняться так часто. П.М. Полян утверждает, что основным критерием для отбора в зондеркоммандо была физическая форма и состояние здоровья узника, а также прохождение медкомиссии и физиогномический прогноз склонности к коллаборационизму [Полян 2018, с. 126]. Во вступлении в ивритскую версию книги Грайфа И. Гутман отмечает, что количество членов зондеркоммандо на определенном этапе достигало тысячи человек⁵. Г. Грайф цитирует одного из выживших, Я. Габая, который утверждает, что члены зондеркоммандо «выполняли черную работу Холокоста» [Graif, Levine 2017, p. 15]. Н. Чер и Д. Вильямс утверждают, что

⁴ Graif G. Op. cit. P. 3–10.

⁵ Ibid. P. 11.

члены зондеркоммандо были задействованы практически на всех этапах уничтожения – встречали эшелоны на «рампе», сопровождали их в «раздевалки», вытаскивали тела из газовых камер, удаляли золотые зубы, обстригали волосы, сжигали трупы в печах и ямах, измельчали пепел в пыль и утилизировали его, сортировали одежду, убирали крематории. Точкой отсчета для зондеркоммандо они считают декабрь 1942 г. До этого момента группы, в основном из словацких евреев, набирались практически на разовой основе для утилизации трупов. Именно тогда была полностью ликвидирована очередная группа зондеркоммандо, а ей на смену пришли евреи из центральной и северо-восточной Польши и среди них двое будущих хронистов: Лейб Лангфус и Залман Градовский [Chare, Williams 2016, p. 5].

Многие члены зондеркоммандо состояли в подпольной организации, готовившей восстание. Более того, их вооруженное сопротивление было единственным случаем за всю историю существования Аушвица, когда заключенные восстали. Было убито три СС-овца, 452 повстанца были расстреляны [Graif, Levine 2017, p. 10]. Восставшие смогли взорвать крематорий III, что полностью вывело его из строя [Hausner 2021, p. 205]. Г. Грайф подчеркивает, что евреям было гораздо тяжелее участвовать в подпольной деятельности не только из-за заборов колючей проволоки и вооруженных охранников, но и по причине высокого уровня антисемитизма среди узников и подпольщиков Аушвица [Graif, Levine 2017, p. 78].

Оценки деятельности

Вне сомнения, члены зондеркоммандо отдавали себе отчет в том, что к их деятельности будет немало непростых вопросов как у современников, так и у потомков. По утверждению П.М. Поляна, многие считают их предателями и соучастниками геноцида, подобно членам юденрата, что на долгие годы отразилось как на общественном мнении по отношению к ним, так и на истории публикаций «Свитков» [Полян 2018, с. 134]. Журналист афинской газеты, бывший член зондеркоммандо утверждал, что члены Зондеркоммандо *«прокляты дважды»*: из-за той ужасной работы, которую они были вынуждены выполнять, и из-за того, что их собратья-евреи, как и все остальное человечество, презирают их за это. Польская писательница, бывшая заключенная Аушвица С. Шмаглевская, характеризовала членов зондеркоммандо как «пьяных евреев, которые обращаются со своими еврейскими братьями, которым

суждено умереть так же, как это делают эсэсовцы» [Langbein 2004, pp. 193–194]. Философ Х. Арендт в своей книге, написанной по следам процесса над одним из авторов «окончательного решения еврейского вопроса», нацистским преступником А. Эйхманом даже предлагала распространить на них израильский закон о наказании нацистов и их пособников, принятый Кнессетом (израильским парламентом) первого созыва в 1950 г.⁶, напрямую обвиняя членов зондеркомmando в преступлениях «ради своего спасения от угрозы немедленной смерти» [Арендт 2008, с. 147].

Г. Хаузнер, юридический советник правительства Израиля, выступавший главным обвинителем на процессе над А. Эйхманом, во время суда упоминает евреев на службе у нацистов: в еврейской полиции, «юденратах» (еврейских комитетах), а также в зондеркомmando, представляя их «частью аппарата, истребляющего их братьев» [Hausner 2021, p. 145].

И. Гутман считает, что хоть и судьба членов зондеркомmando была более горька и трагична, чем других узников, последние зачастую относились к ним отрицательно. Он описывает сцену встречи заключенной К. Жиболской с одним из членов зондеркомmando. Она бросает ему в лицо обвинения, связанные с его «работой», и вопрошает его, почему он, вместе с «коллегами» не поднимают восстание? На что получает ответ, что ни один из членов зондеркомmando не выбирал в ней участвовать, а не бунтуют они по той же причине, что и не бунтуют остальные узники – все они четко осознают, что в незамедлительно после проявления первых признаков сопротивления все будут убиты. Завершает свою речь он следующими словами: «Всем вам (другим узникам. – Л. Ш.) кажется, что к зондеркомmando относятся лишь ужасные люди. Могу вам ручаться, что они такие же люди, как и все, только намного несчастней»⁷.

Встречаются и положительные характеристики: члены зондеркомmando отваживались подходить к забору, чтобы передать узникам последние весточки от родственников. Иногда они приносили фотографии или письма в качестве последнего знака их жизни. По словам Ч. Останковича, заключенные зондеркомmando были «хорошими товарищами». Он приводит в пример то, что «они полностью закупили оборудование для женского лазарета» [Langbein 2004, pp. 193–194] Благодаря соблюдению религиозных практик иудаизма, члены зондеркомmando относились к жертвам

⁶ Закон о наказании нацистов и их пособников [иврит]. URL: https://fs.knesset.gov.il//1/law/1_lsr_210339.PDF (дата обращения 1 октября 2023).

⁷ Graif G. Op. cit. P. 11–12.

с максимальным сочувствием и по возможности оказывать им содействие [Chare, Williams 2019, p. 143]. Более того, их выживание напрямую зависело от продолжения работы конвейера смерти, и у них не было никакой возможности повлиять на его масштабы и темп, которые задавали нацисты [Graif, Levine 2017, p. 15].

Согласно Г. Грайфу, члены зондеркоммандо исполняли самую ужасную работу, которую выполняли узники нацистских лагерей, и именно поэтому заработали свой отрицательный имидж. Он предлагает три категории отношения к членам зондеркоммандо.

1. Абсолютное большинство узников Аушвица относилось к ним с порицанием, видя в них бесчеловечных и жестоких исполнителей приказов нацистов, которые даже применяли физическое насилие по отношению к непокорным жертвам. Иногда даже встречаются фейковые «свидетельства», в которых преступления СС (избиение узников, заталкивание силой людей в газовые камеры и натравливание на них собак) приписывается членам зондеркоммандо. Самые серьезные обвинения предъявлялись еврейскими писателями и философами.

2. Неприятие и попытка понимания. Так, писатель П. Леви, обвиняя членов зондеркоммандо в коллаборационизме, отмечает отсутствие у них выбора, и что нацисты силой вовлекали их в свои преступные деяния, одновременно пытаясь очернить их. Неоднозначность оценок встречается и в воспоминаниях еврейской писателя и поэтессы К. Жиболской, приведенных ранее. Участник восстания Б. Баум пишет, что хоть часть членов зондеркоммандо морально деградировали, но были и те, кто принимали участие в восстании. Д. Шмулевски также предлагает увидеть «обе стороны медали».

3. По мнению третьей группы, мы не вправе судить членов зондеркоммандо, так как не были на их месте. Заключенные пишут, что среди зондеркоммандовцев встречались и смельчаки, которые давали надежду и восхищали своим поведением. Г. Грайф отсылает нас к статье М. Ежирской, которая пишет, что тот, кто не испытывал чувства безнадежности и безысходности, у кого не было возможности ничего изменить, не в праве судить действия тех, кто вынужден был существовать в подобных условиях⁸.

Г. Грайф подчеркивает, что сам факт того, что члены зондеркоммандо продолжали соблюдать заповеди иудаизма даже в месте, которое в корне противоречит религиозным убеждениям, свидетельствует о том, что они смогли сохранить человеческий облик вопреки всему, что является маркером духовного сопротивления [Chare, Williams 2016, p. 143].

⁸ Ibid. P. 51–71.

Примеры духовного сопротивления

О сопротивлении хронистов свидетельствуют и их записи. Марсель Наджари, даже перед лицом неминуемой гибели демонстрирует мужество, заявляя: «Мы, греки⁹ уйдем из жизни как истинные греки, ибо каждый грек знает, как надо умирать, являя это вплоть до последних мгновений... Я хотел и я хочу жить и отомстить за смерть моего отца, моей матери и моей дорогой маленькой сестренки Нелли. Я не боюсь смерти, да и как я мог бы ее бояться после всего того, что что видели мои глаза» [Полян 2018, с. 527–528]. Также и социалист Левенталь, который, как было отмечено ранее, призывал к восстанию, в своих записях описывает этапы подготовки: от зарождения сопротивления и непростой интеракции с узниками других национальностей, к переломному моменту во время «венгерской акции» и до самого восстания [Полян 2018, с. 469–490].

Проявлением духовного сопротивления можно также считать и частое упоминание у хронистов главной молитвы иудаизма – «Шма Израэль» (Слушай, Израиль) [Беркович 2016]. Эта молитва звучала из уст еврейских мучеников за веру, отдавших свою жизнь во Имя Всевышнего (Кидуш Ха-Шем). В своих записках Л. Лангфус описывает поведения евреев в газовой камере, умиравших с «Шма Израэль» на устах [Полян 2018, с. 422]. Пожилой раввин заходит в газовую камеру с песней и танцем, совершая тем самым религиозный акт Кидуш ха-Шем. Мысль о Кидуш ха-Шем звучит и в сцене с венгерскими евреями, после общения с которыми член зондеркомmando призывает: «Друзья! Достаточно уже сожжено евреев! Давайте мы все восстанем и вместе пойдем на Освящение Имени» [Полян 2018, с. 425–426]. Еще до прибытия в Аушвиц мы встречаем у Лангфуса призывы к сопротивлению. Понимая, что вся маковская община будет отправлена либо в Малкинию¹⁰, либо в Аушвиц на неизбежную смерть, принято решение: «Нет, просто так на смерть мы не пойдем... мы будем сопротивляться, кто как сможет: одни активно, другие пассивно. Вместе с нашими женами и детьми мы погибнем, но как герои» [Полян 2018, с. 386]. От третьего лица (раввина из Красного) он описывает свое собственное выступление, когда он¹¹ «*мужественно, проникновенно и открыто*» предупреждает об обмане и призывает готовиться к неизбежной смерти [Полян 2018, с. 401–402]. Л. Лангфус не просто призывал сопротивляться, но и подкреплял свои слова активными действиями,

⁹ Греческие евреи.

¹⁰ Греблинка.

¹¹ Лангфус.

являясь одним из руководителей повстанческого подполья, он планировал подорвать III крематорий, в котором работал, но из-за того что восстание вспыхнуло лишь во II и IV крематориях, не смог принять в нем участие [Полян 2018, с. 372].

Заключение

Нам представляется, что наиболее емко на вопрос о вкладе рукописей хронистов в понимание произошедшего отвечает израильская исследовательница Ш. Неемани, которая перевела на английский язык «Свитки» для издания 1985 г. По ее словам, на тот момент для миллионов людей, родившихся после Второй мировой войны, слова, как «крематорий» и «зондеркоммандо», кажутся отдаленными и не совсем реальными, а Холокост стал еще одной страницей истории. Работа Б. Марка была призвана восполнить то, что она называет «пробелом достоверности», где каждая страница отображает как ужасы «фабрики смерти», так и мужество и героизм восставших. Она видит ценность «Свитков из пепла»: «В неопровержимом свидетельстве, которое они несут тем, кто без прочтения этого труда возможно не знал, а даже если бы знал – не поверил». Неемани видит издание рукописей миссией первостепенной важности – распространением исторической правды среди молодого поколения. Лишь постоянное напоминание о реальности Аушвица способно гарантировать, что подобные ужасы не повторятся [Mark 1985, p. 1].

Без прочтения этих важнейших свидетельств, оставленных нам хронистами «Свитков», невозможно в полной мере понять положение еврейских узников лагеря уничтожения Аушвиц-Биркенау, тех дилемм, с которыми они сталкивались ежедневно и оценить их героизм. Авторы «Свитков из пепла» продемонстрировали способность реализовать оба способа сопротивления – физического и духовного – и как участники восстания 7 октября 1944 г., и как свидетели, оставившие потомкам свои размышления и показания из одного из самых страшных мест на земле.

Литература

- Арендт 2008 – *Арендт Х.* Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.
- Беркович 2016 – *Беркович Э.* Вера после катастрофы 6. Кидуш а-Шем – прославление Божьего имени. URL: https://toldot.com/articles/articles_28467.html (дата обращения 1 октября 2023).

- Полян 2018 – Полян П. Жизнь и смерть в аушвицком аду. М.: АСТ, 2018. 633 с.
- Chare 2011 – Chare N. Auschwitz and afterimage: abjection, witnessing and representation. L.: I.B. Tauris, 2011. 224 p.
- Chare, Willians 2016 – Chare N., Willians D. Matters of testimony. Interpreting the stroll of Auschwitz. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2016. 254 p.
- Chare, Willians 2019 – Chare N., Willians D. Testimonies of resistance. Representations of the Auschwitz Birkenau Sonderkommando. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2019. 381 p.
- Hausner 2021 – Hausner G. The Eichman trial in Jerusalem [Hebrew]. Jerusalem: Yad Vashem; 2021. 575 p.
- Graif, Levine 2015 – Graif G., Levine I. Revolt in Auschwitz. The uprising of the Sonderkommando in the gas chamber, 7.10.1944 [Hebrew]. Rishon LeZion: Mishkal-Yediot Ahronot Books and Chemed Books, 2015. 240 p.
- Kohen 1999 – Kohen N. Diaries of the Sondercommandos in Auschwitz. Coping with fate and reality // Yad Vashem Studies. 1999. No. 20. P. 273–312.
- Langbein 2004 – Langbein H. People in Auschwitz. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2004. 549 p.
- Mark 1985 – Mark B. The strolls of Auschwitz. Tel Aviv: Am Oved Publishers, 1985. 306 p.

References

- Arendt, H. (2008), *Banal'nost' zla: Eikhman v Ierusalime* [The banality of evil], Europe, Moscow, Russia.
- Berkovich, E. (2016), *Vera posle katastrofy 6. Kidush a-Shem – proslavlenie Bozh'ego imeni* [Faith after catastrophe Kiddush Hashem – the glorification of God's name], available at: https://toldot.com/articles/articles_28467.html (Accessed 1 Oct. 2023).
- Chare, N. (2011), *Auschwitz and afterimage. Abjection, witnessing and representation*, I.B. Tauris, London, UK.
- Chare, N. and Willians, D. (2016), *Matters of testimony. Interpreting the stroll of Auschwitz*, Berghahn Books, New York, USA, Oxford, UK.
- Chare, N. and Willians, D. (2019), *Testimonies of resistance. Representations of the Auschwitz-Birkenau Sonderkommando*, Berghahn Books, New York, USA, Oxford, UK.
- Hausner, G. (2021), *The Eichman trial in Jerusalem* [Hebrew], Yad Vashem, Jerusalem, Israel.
- Graif, G. and Levine, I. (2015), *Revolt in Auschwitz. The uprising of the Sonderkommando in the gas chamber, 7.10.1944* [Hebrew], Mishkal-Yediot Ahronot Books and Chemed Books, Rishon LeZion, Israel.
- Kohen, N. (1999), “Diaries of the Sondercommandos in Auschwitz. Coping with fate and reality”, *Yad Vashem Studies*, no. 20, pp. 273–312.
- Langbein, H. (2004), *People in Auschwitz*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill, USA.

Mark, B. (1985), *The strolls of Auschwitz*, Am Oved Publishers, Tel Aviv, Israel.

Polian, P. (2018), *Zhizn' i smert' v aushvitskom adu* [Life and death in the Auschwitz hell], AST, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Леонид Шерман, независимый исследователь, Маале Адумим, Израиль; Израиль, Маале Адумим; leosh77@gmail.com

ORCID ID: 0009-0006-5155-956X

Information about author

Leonid Sherman, independent researcher, Maale Adumim, Israel; Maale Adumim, Israel; leosh77@gmail.com

ORCID ID: 0009-0006-5155-956X

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 1
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.М. Королева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 14.03.2024
Выход в свет 21.03.2024
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,1
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1929

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru